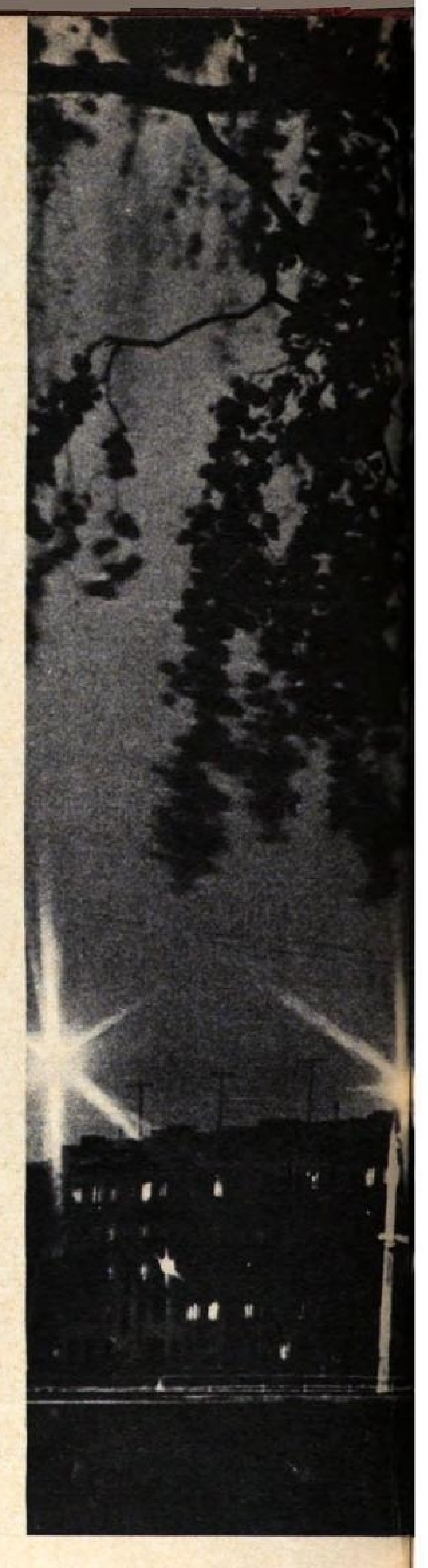

ОГОНЁК
№ 44 ОКТЯБРЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Среди передовых работниц Сарапульского радиозавода регулировщица Фаина Канчурина.

Фото А. ГОСТЕВА.

СОВЕТСКОЙ УДМУРТИИ — 50 ЛЕТ

ЗЕМЛЯ

На нефтяной скважине.

Лена Мошкина и Юрий Чубуков — студенты культпросветучилища — в свободное время занимаются в самодеятельном танцевальном ансамбле.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Основан 1 апреля 1923 года

№ 44 (2261)

31 ОКТЯБРЯ 1970

Ижевск, столица Удмуртии.

МОЯ, УДМУРТИЯ!

Традиционный мотокросс.

Теперь в Удмуртии собирают автомобили «Москвич-412».

Г. КРАСИЛЬНИКОВ,
удмуртский писатель, депутат
Верховного Совета РСФСР

ЗЕМЛЯ МОЯ, УДМУРТИЯ!

Дорога обогнула зеркальце живописного озера, рассекла пополам большое село и круто поднялась в гору, поросшую лесом. В самом конце дороги белый парус облачка. Машина, подрагивая на мелких выбоинах, тщетно пытается его догнать. Но дорога снова скатывается под гору, а манящий парус растаял за елями-великанами...

Это Удмуртия. Это старинный Сибирский тракт, «самая длинная дорога в мире». Ныне здесь деловито пылят рейсовые автобусы, юрко проскакивают «газики», «Москвичи». Спешат, спешат. А на обочине старого тракта, над всей этой суетой высятся вековые липы и березы в два-три обхвата. Они в пору своей далекой молодости слышали стук колес убогой телеги, в которой под строжайшим надзором везли в далекую ссылку великого потрясателя устоев самодержавия и крепостничества Александра Радищева. Он с горечью записал в дорожном дневнике: в Сюмсях запрягают проворно, дабы с рук сбыть... Сейчас в том самом удмуртском селе Сюмси сооружен обелиск, на лицевой его стороне, обращенной к старому тракту, высечены радищевские слова из «Путешествия из Петербурга в Москву»: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала...»

Тревожно-печальный звон кандалов не умолкал до самой Октябрьской революции. Кто знает, может, тот самый звон звучал тут в ушах нашего великого земляка Петра Ильича Чайковского, когда он писал «Далекий край, забытый край...».

А впрочем, почему забытый? Царское самодержавие отнюдь не забывало этот край. Пожалуй, наоборот, он был в особенном фаворе у III отделения: еще бы, здесь отбывали ссылку и Салтыков-Щедрин, и Александр Герцен, и Владимир Короленко... Нет им числа, светлым умам российским, пребывавшим не по своей воле в «краях далеких, забытых». С глубокой болью пишет Александр Герцен в «Былом и думах» о встрече с крестьянином-удмуртом. На сочувственное замечание Герцена: «Плохо, брат, ты живешь», — крестьянин горестно отвечает: «Что, бачка, делать?.. Мы бедна, деньга бережем на черная дня... Черной дня, когда исправник да поп приедут...» Какой исторический трагизм заключен в словах безвестного удмуртского крестьянина! Вдумайтесь в эти слова: «...когда исправник да поп приедут...» До бога высоко, да и до царя неблизко, а тут вот оно, полновластное представительство и всевышнего и его наместника на земле, божьего помазанника: «Не сметь! Запорю!»

И о какой же государственности можно было говорить, о каком национальном самосознании можно было мечтать, о какой духовной жизни думать, когда вся государственность и духовная пища заключались в этих двух словах: «Не сметь!»

Так и жили удмурты веками. Жили посреди самой России с кличкой «инородцы». И пела в курной избушке удмуртка:

Давит сердце ночь бессонная.
Я без слов вздыхаю: «Ох...»
Я вздыхаю. В тучу черную
Соберется этот вздох.

Вспомним времена и не столь отдаленные. Год 1915-й. Ведомственный журнал Вятской епархии писал об удмуртах, что это «народ вымирающий». Первая Всероссийская перепись населения в 1897 году зафиксировала всего лишь несколько десятков удмуртов с образованием выше начального. Таков вчерашний день Удмуртии. Давайте же сегодня проедем по той «самой длинной дороге в мире».

...Дорога взбегает на увалы, опускается в низины, пересекает небольшие речушки — бурные в половодье и после дождей и тихие в вёдро. Тракт разматывается, как клубок нити под руками старухи вязальщицы. А может, наоборот, дорога наматывается на колеса «Москвича», собранного руками совсем молодых ребят и девушек на Ижевском заводе?

Кругом поля, леса и перелески. Так до самой Камы, куда сливаются реки, куда уходит старый тракт. Увалы здесь поднимаются высоко, словно подпирают небо. Кажется, поднимешься еще чуток, и тебе откроется степь, ровная, как стол, и ты распластаешься в воздухе, подобно птице. Но за гребнем горы снова чаша, а внизу поспевает рожь, а там другая гора, и все рожь да лен... Деревень почти не видно, они попрятались в низинах, возле малых речушек, взметнув над крышами макушки тополей и усы телевизионных антенн.

Когда-то стояла здесь тайга, с которой были дружны удмурты-охотники, но сама-то тайга не слишком баловала людей. Так и пели в старину: «Ушло счастье от нас далеко-далеко за леса, через которые ни воде не пробиться, ни птице не пролететь...».

Пришел однажды человек в эти края, у него были голубые глаза и русые волосы. На вопрос удмуртов: «Кто ты?» — он ответил: «Друг». Привечали его мои соотечественники по старинному обычаю. Подали в берестяном туесе медовой браги, приговаривая: «Ю, друг!» И поныне стоит обочь большой дороги деревушка с редким названием «Юдруг», что значит «Пей, друг!».

А минуло с тех времен ни много ни мало более четырех веков. Да, братской дружбе сроки не писаны! В 1958 году удмуртский народ торжественно отметил четырехвековой юбилей со времени присоединения удмуртов по доброй воле к великому государству Московскому.

Пусть нерусская кровь в нас
течет
И в глазах не лазури сиянье,
Но Россия — наш дом и оплот,
Мы четыреста лет россияне!

Древняя удмуртская мудрость гласит: «Дерево крепко корнями, а человек — друзьями». Дружба народов Страны Советов стала для нас законом жизни. Это закон Ленина. Один из организаторов Удмуртской Автономной Республики, соратник В. И. Ленина в годы эмиграции в Швейцарии и в Лондоне, профессиональный революционер, удмурт Иосиф Алексеевич Наговицын, ставший позднее наркомом соцобеспечения Российской Федерации, писал в своих воспоминаниях в начале тридцатых годов:

«Я лично знаю только трех человек из удмуртов, которые до революции смогли получить высшее образование. Два-три агронома удмурта, пять-шесть больниц на всю область, примерно полсотни учителей из удмуртов со средним образованием — вот и все, чего мог добиться удмуртский народ до Октябрьской революции».

И вот Советской Удмуртии — пятьдесят лет! Ныне моя республика прокладывает самые молодые дороги в мире. Уже идут из Удмуртии комфортабельные «Москвичи», уже течет по трубам великолепная девонская нефть. По десяткам стран мира колесят мотоциклы с маркой «ИЖ»...

Но самое главное богатство — люди. Люди труда. Их у нас много, славных трудом и красивых душою! Республика гордится дважды Героем Советского Союза Евгением Кунгурцевым, славным партизанским вожаком, Героем Советского Союза Александром Сабуровым, Героем Советского Союза Василием Зайцевым — он первым со своим взводом в 1944 году вышел на границу с Восточной Пруссией. Зайцев вскоре погиб, смертельно раненный...

Трудом красивы и славны мои земляки, сталевары и хлеборобы, ученые и врачи, учителя и агрономы, писатели и композиторы... Вся республика знает имена слесаря, Героя Социалистического Труда Василия Муравьева, Героев Социалистического Труда бригадира-полевода Люцианы Лазаревой и свинарки Анастасии Тепляковой... Сегодня, в дни полувекового юбилея моей республики, я снова вспоминаю слова того пахаря-удмурта, о котором писал Александр Герцен: «Мы бедна... когда исправник да поп приедут...» А сегодня правнучка того удмуртского крестьянина Люциана Васильевна Лазарева стала заместителем Председателя Верховного Совета Удмуртской Автономной Советской Социалистической Республики.

Более сорока прозаических произведений создано удмуртскими писателями. Издательство «Удмуртия» ежегодно издает по нескольку поэтических книг местных авторов. Ныне ежегодный тираж всех книг, выпускаемых в Удмуртии, перевалил далеко за миллион экземпляров. На родном языке заговорил печатным словом веками молчавший народ. Заговорил на многих языках мира.

Книги удмуртских писателей издаются многотысячными тиражами. И в Москве, и в Киеве, и в Кишиневе, и в Казани. А удмуртский читатель давно уже читает на родном языке Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Горького, Маяковского, Шолохова и многих других писателей нашей многонациональной Родины. Литература — лишь одна грань культуры народа. Нет возможности перечислить имена наших артистов, композиторов, художников. Ибо нет возможности объять все богатство сегодняшней жизни Советской Удмуртии!

...Есть в Удмуртии старинное село Алнаши. Я не могу не сказать о нем, потому что это село — моя родина. Алнаши — районный центр, в нем не более двух десятков улиц и переулков. Здесь есть школа-десятилетка, отличный Дом культуры, гостиница, детские сады, ясли, комбинат бытового обслуживания... Одним словом, тут есть все, без чего невозможно представить жизнь современного удмуртского села. В добром соседстве трудятся удмурты и русские, татары и марийцы, украинцы и белорусы. Никого не удивляет, что удмурт хорошо знает татарский язык, а русский прекрасно объясняется по-удмуртски. Ну, а если кто-то кого-то не поймет, беда невелика: выручает русский язык! Его-то все мы знаем с детства!

В районе около трех десятков тысяч человек. У нас есть и свой Герой Социалистического Труда, председатель колхоза удмурт Иосиф Ефимович Семенов, и Герой Советского Союза летчик Иван Клевцов, есть и алнашские писатели — члены Союза писателей СССР, есть и артисты, композиторы со званиями заслуженных и народных артистов Удмуртской республики и Российской Федерации. Удмуртский поэт, уроженец наших алнашских земель, Михаил Покчи-Петров как-то написал: «Выехав из своей деревни, мы родиной называем свою деревню. Приехав в Москву, мы скучаем по нашей многоводной Каме и на вопрос «Откуда вы?» отвечаем: «Мы из Удмуртии». А очутившись за пределами своей великой страны, каждый удмурт с гордостью произносит: «Я из России, из Страны Советов!» Под этими словами может подписаться любой удмурт.

Флор ВАСИЛЬЕВ

РОДНАЯ СТОРОНА

* * *

Росистым утром,
По́ лугу шагая,
Звенящей удивляюсь тишине...
Трепещет в небе песня тюрагая[1]
И эхом отзывается во мне.
Шмели гудят средь запахов медвяных,
Слетаясь снова — на рожок зари;
Цветы пестреют на лесных полянах,
Как будто здесь расселись снегири.
Задел ли сердце теплый луч весенний
Иль тихий ветер, веющий с реки,—
От ласкового их прикосновенья
Рождаются певучие стихи...

* * *

За нашей речкой налилась пшеница,
Высоким хлебом горизонт закрыт.
Но каждый колос ярко золотится,
Как будто в каждом лампочка горит.

Мы с солнцем поднимали поле наше,
Трудились от зари до темноты.
И крыльями нам птичья стая машет,
Как будто рукоплещет с высоты.

Как трепетны колосья на рассвете!
Волна́ми ходит золотой простор!
Видать, в пшенице заблудился ветер
И выбраться не может до сих пор.

* * *

Алеет знамя, круто полнясь ветром,
Горит с утра на улице моей,
Как будто солнце в зареве рассветном
Сошло с него и смотрит на людей.
Исконный символ славы нерушимой,
Оно венчает наше торжество.
И труд спорей и будущее зримей
В негаснущем сиянии его.
И радость гордую дари́т нам знамя,
И множит силы, и зовет вперед.
Оно всему задуманному нами,
Как мать ребенку, жизнь и свет дает.

Перевел с удмуртского
Яков Серпин.

[1] Жаворонок.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ВАШИНГТОНСКИЕ ЗИГЗАГИ

Николай ПАСТУХОВ

С нескрываемым интересом политические наблюдатели ожидали выступления Ричарда Никсона на Генеральной Ассамблее. Ведь все же это было пленарное заседание, посвященное серебряному юбилею ООН, и, быть может, президент США внесет наконец ясность в позицию Вашингтона по ряду наиболее острых проблем современности...

Но такой ясности не последовало. Никсон ограничился общей декларацией. Он ничего не сказал о необходимости возобновления миссии Ярринга и не напомнил Тель-Авиву о том, что израильские войска должны быть выведены с оккупированных арабских территорий в соответствии с резолюцией Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года. Касаясь вьетнамской проблемы, президент США обошел глухим молчанием предложения Временного Революционного Правительства Республики Южный Вьетнам. А ведь мировая общественность, в том числе и американская, выражает уверенность, что как раз в этих предложениях, а не в «пяти пунктах» Никсона, узаконивающих американскую агрессию, содержится подлинно конструктивный подход к решению вьетнамской проблемы. Именно об этом заявила проходившая недавно в Дели сессия Президиума Всемирного Совета Мира, а стокгольмское заседание Международной Комиссии по расследованию военных преступлений США во Вьетнаме поставило своей целью собрать и вынести на суд народов вопиющие злодеяния американской военщины, с которыми не может мириться совесть человечества.

Своим выступлением в ООН Никсон еще раз показал миру, что Вашингтон и впредь намерен маневрировать на международной арене, идти по линии внешнеполитических зигзагов. Об этом убедительно свидетельствует флирт президента США с призраком Джона Фостера Даллеса — вдохновителя и организатора холодной войны в пятидесятых годах. Официальное начало этому флирту, как показали события, было положено последним турне Никсона в район Средиземноморья и Лондон.

В пятидесятые годы мне довелось как-то слушать речь Джона Фостера Даллеса на пресс-конференции в Дели, где он находился проездом, совершая очередной азиатский вояж. Медленно шевеля чугунными челюстями, стуча огромным волосатым кулаком по столу, он неистово разжигал в мире антисоветизм и антикоммунизм, а тем временем исподволь готовил интервенцию во Вьетнаме, печальные последствия которой до сих пор пожинает человечество.

Разве не напоминают сегодня пропагандистские вылазки Вашингтона и Лондона годы холодной войны? Словно по команде, в западной печати начали появляться клеветнические измышления о «советской угрозе» в Средиземном море и Индийском океане, о «строительстве» в кубинском порту Сьенфуэгос советской базы подводных лодок. Нелепость этих фальшивок была настолько очевидна, что ее авторам вскоре пришлось ретироваться, а государственный департамент даже пожурил ЮСИА — американское информационное агентство, которое руководит радиостанцией «Голос Америки» и другими пропагандистскими службами США.

Хотелось бы несколько слов сказать о Сьенфуэгосе. Я был в этом кубинском порту девять месяцев назад. Здесь построено крупнейшее на Кубе, полностью автоматизированное хранилище сахара-сырца, который вывозится за границу. Сьенфуэгос стал крупнейшими мирными торговыми воротами Острова Свободы и символом прорыва американской экономической блокады Кубы. Не это ли волнует кое-кого в Вашингтоне? А может быть, истерия антисоветизма и антикоммунизма нужна и для того, чтобы США могли вмешаться в те здоровые процессы, которые происходят сегодня в Латинской Америке? Видно, Белый дом серьезно волнуют события в Боливии, Перу и победа на президентских выборах лидера прогрессивных сил Чили Сальвадора Альенде. Но хорошо известно, что холодная война и вооруженные провокации не сумели остановить освободительный дух нашего времени и никогда не остановят его.

Те же процессы происходят сегодня и на нашем европейском континенте. Советско-западногерманский договор, советско-французский протокол улучшили обстановку в Европе, создали атмосферу всестороннего сотрудничества на континенте между Востоком и Западом. Это никак не может устроить Вашингтон. Американские монополии не желают выпускать из своих клещей Западную Европу. Вот почему, по словам западногерманской газеты «Унзере цайт», США стремятся вернуть мир к временам холодной войны. Вот почему реакционные силы ФРГ, вдохновляемые из-за океана, развернули пропагандистский поход против ратификации договора между СССР и ФРГ.

Вместе с тем нельзя не отметить и того факта, что европейская почва уплывает из-под ног реставраторов холодной войны. Печать Европы отмечает в своих комментариях важную роль Советского Союза в становлении духа сотрудничества и безопасности на континенте. Так, обозреватель мадридской газеты «Нуэво диарио» пишет: «Если сегодняшнюю Европу нельзя понять без дружбы СССР со странами Западной Европы, политический и экономический вес которой огромен, то это лишь потому, что Европу нельзя понять без СССР».

Анализ последних событий в мире дает все же больше оснований для оптимизма, а не пессимизма. Залогом этого оптимизма является мирная политика Советского Союза, всего социалистического содружества, расширение фронта антиимпериализма.

Самарканд. Новая гостиница «Самарканд».
Фото В. Якобсона.

Самарканд торжественно отметил свое 2500-летие. В городе состоялось торжественное собрание. Единодушно был принят текст письма ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР.
На собрании присутствовал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов.
Во второй день юбилейных торжеств в городе был открыт памятник Алишеру Навои и Абдурахману Джами, а в парке «Озеро» — памятник-монумент воинам-самаркандцам, павшим на фронтах Великой Отечественной войны.
Накануне юбилейных дней собственный корреспондент «Огонька» Вяч. Костыря обратился к первому секретарю Самаркандского обкома КП Узбекистана С. Н. Усманову с несколькими вопросами.

ВЕКА И ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Интервью «Огонька»

С. Н. УСМАНОВ,
первый секретарь
Самаркандского обкома КП Узбекистана

ВОПРОС. В чем конкретно выражается благотворное взаимодействие древней истории и советской нови, столь характерное для Самарканда?

ОТВЕТ. Из двух тысяч пятисот лет, прожитых нашим городом, как известно, всего лишь немногим более пятидесяти лет — советские. Но именно благодаря им Самарканд сберег и умножил свою славу «жемчужины Востока». Самобытно выделяясь в ряду таких знаменитых городов, как Вавилон, Фивы, Афины, Рим, он стал одним из ярких маяков социализма на Востоке.

Центральный Комитет КПСС, Советское правительство своим постоянным, отеческим вниманием и заботой выпестовали наш город, не жалея ни средств, ни сил. Сам факт торжественных именин, устроенных Самарканду в честь его юбилея,— лучшее тому свидетельство.

Если обычно древнюю историю мы знаем, так сказать, умозрительно, то самаркандцы и гости нашего города могут ее буквально пощупать руками. Вот одна такая недавняя интересная встреча лицом к лицу с веками. Рыли котлован под здание музея на древней площади Регистан. Экскаваторщик, работавший под наблюдением археологов, вскрыл ковшом старинную мастерскую ремесленника. И присутствовавшим тут людям нетрудно было «услышать» из глубины столетий трудолюбивый стук молотков о наковальни, зазывной крик продавцов — здесь же, на этой же площади, под этим солнцем... Присмотревшись, археологи удивились: почему готовые изделия, в частности, кувшины с чеканным орнаментом, не стоят, как обычно, у входа, а плотно уложены в тайнике? И тотчас же в лицо пахнуло войной: возможно, по Регистану в ту пору рыскали алчные и беспощадные воины Чингисхана?

Или еще один пример. Великий Алишер Навои и его великий таджикский друг Джами когда-то проходили по этой площади, слагая бессмертные стихи о своих современниках — умельцах, творцах земной красоты. И что же, потомки узбекских и таджикских тружеников, наши современники, с благодарностью увидели в дружбе мыслителей-гигантов истоки нерушимой дружбы народов, так блистательно созревшей в годы Советской власти. Ныне на исторической площади, у обновленных шедевров средневекового зодчества, вы снова можете лицезреть Алишера Навои и Джами: в ознаменование 2500-летнего юбилея Самарканда они встали здесь скульптурным изваянием, чтобы нести в будущее эстафету дружбы, мудрости и созидания.

ВОПРОС. В Самарканде, пожалуй, как нигде, ощутима поступь времени, наглядны эпохальные перемены. Не отразилось ли это на архитектурной самобытности города?

ОТВЕТ. То, что я скажу, может прозвучать парадоксом, но факт остается фактом: если бы полвека тому назад эти перемены не начались, наш город мог вообще потерять свое лицо. Памятники катастрофически разрушались. Советская власть приняла в наследство знаменитые медресе Улугбека, Шер-Дор, Тилля-Кари, комплекс мавзолеев Шахи-Зинда, усыпальницу тимуридов Гур-Эмир далеко не в том виде, какими их знают современные туристы. И уже в первые годы после революции, несмотря на тяжелейшие условия разрухи и гражданской войны, Владимир Ильич Ленин с особым вниманием отнесся к необходимости ремонта известной исторической мечети в Самарканде — этого изумительного достижения восточного искусства. В 1918 году В. И. Ленин подписал декрет, объявлявший памятники архитектуры и произведения искусства народным достоянием. На работы по реставрации архитектурных шедевров Самарканда израсходованы миллионы рублей. Именно в советское время восстановлена облицовка многих интерьеров и фасадов медресе, выпрямлены «падающие» минареты, укреплены мавзолеи, произведена художественная роспись.

Это один из итогов. Главная же суть перемен в том, что вокруг архитектурных уникумов, созданных гением народа в древности, на месте старинного торгово-ремесленного поселения за годы социалистического строительства вырос современный, благоустроенный город — второй после Ташкента промышленный и культурный центр Узбекистана. Кстати, с 1925 по 1930 год Самарканд был столицей нашей республики.

ВОПРОС. Расскажите подробнее о Самарканде — новом, социалистическом городе, в частности, каковы его деловые связи с городами советскими и зарубежными?

ОТВЕТ. Я скажу сперва о его деловых связях, это прояснит вопрос и о том, как город набирал индустриальную силу. Собственно, рос он «по методу» Владимира Маяковского. Помните у поэта: «...стройки в небо взмечем, держа и вздымая друг друга»? Так вот, например, химическая промышленность Самарканда, производство минеральных удобрений — это фосфориты из Казахстана, апатитовый концентрат с Кольского полуострова. Об энергетике Самарканда стало возможным говорить всерьез после ввода, кроме каскада местных ГЭС, линий высоковольтных электропередач Навои — Самарканд, Ташкент — Самарканд, магистрального газопровода Джаркак — Бухара — Самарканд — Ташкент.

Ныне Самарканд — город машиностроения: известный завод «Красный двигатель» вырос на базе эвакуированного в 1942 году оборудования из Новороссийска. Завод «Кинап», кстати, предприятие всесоюзного значения по производству звуковой и силовой киноаппаратуры, основан здесь ленинградцами, киевлянами, одесситами. Наш город славится и такими предприятиями, как лифтостроительный завод, заводы домашних холодильников. В Самарканде вступил в строй крупнейший в стране фарфоровый завод проектной мощностью двадцать миллионов изделий в год.

Обилие сельскохозяйственного сырья, поставляемого колхозами и совхозами Самаркандской области, определило бурное развитие в городе индустриальных мощностей легкой и пищевой промышленности.

Самаркандская киноаппаратура, каракульские смушки, шелковые ткани, кожа, сухофрукты, вина пользуются большим спросом за рубежом — в Болгарии и Венгрии, Эфиопии, Чехословакии и Индии.

И раз уж мы заговорили о научно-исследовательской деятельности, нельзя не упомянуть такие учреждения, как Институт садоводства, виноградарства и виноделия имени Р. Шредера, селекционную плодовую опытную станцию, племенную шелководческую станцию.

Самарканд — второй университетский город Узбекистана, крупный вузовский центр, готовящий медиков, агрономов, животноводов, работников торговли. Прежде же, полвека тому назад, в городе царила сплошная неграмотность, простой народ жил в нужде, без элементарной медицинской помощи. В 1913 году на всей территории нынешней Самаркандской области было лишь 39 учителей и 24 врача! Теперь же почти сорок процентов населения города — школьники и студенты. За этими цифрами — целая культурная революция.

Самарканд обрел ныне стилистическую цельность, все настойчивее избавляясь от былого контраста между «старой» и «новой» частями. Театральная площадь, архитектурный ансамбль Регистан и новая площадь имени Ленина — три основополагающих узла архитектурно-планировочной композиции общегородского центра. Не менее показателен также и рост населения. Самарканд сегодня — это около трехсот тысяч жителей — в четыре раза больше, чем полвека тому назад.

ВОПРОС. Какие подарки приготовили самаркандцы к юбилею своего города?

ОТВЕТ. Прежде всего хочу уточнить, что самаркандцы — это жители и нашего города и всей Самаркандской области. Горожане много сделали для досрочного выполнения заданий промышленными предприятиями, для благоустройства улиц, площадей, парков, скверов, успешно завершили строительные работы на таких юбилейных объектах, как новый аэровокзал, одиннадцатиэтажная гостиница «Самарканд», музей на Афрасиабе, областная библиотека, широкоэкранный кинотеатр «Родина». Достойно отмечают праздник и труженики сел. Пятилетний план продажи хлопка выполнен 18 октября. Родина получила 1 838 тысяч тонн «белого золота». Самаркандцы вносят достойный вклад в 4 миллиона 400 тысяч тонн узбекистанского хлопка семидесятого года. Отличились и наши хлеборобы. Вместе с нынешними хлебопоставками они дали за пятилетку 438 тысяч тонн зерна, перекрыв задание почти в полтора раза. Все эти успехи самаркандцев родились в соревновании, развернувшемся в нашей области, как и повсюду в стране, в честь предстоящего XXIV съезда партии. А тут еще такой вдохновляющий стимул, как юбилей родного города, совпавший с порой завершения последнего года пятилетки!

Законом нашей жизни стала бескорыстная помощь народов-братьев друг другу, и сердца самаркандцев, сердца тружеников Советского Узбекистана полны благодарности Коммунистической партии, правительству, всем народам СССР за все, что они сделали и делают для нас.

27 октября в Кремле начались советско-монгольские переговоры. Фото А. Гостева.

26 октября в Москву по приглашению ЦК КПСС и правительства СССР прибыла с официальным дружеским визитом партийно-правительственная делегация Монгольской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК МНРП, Председателем Совета Министров МНР Ю. Цеденбалом. В составе делегации члены Политбюро ЦК МНРП — первый заместитель Председателя Совета Министров МНР С. Лувсан, секретарь ЦК МНРП Д. Моломжамц, секретарь ЦК МНРП Н. Жагварал, заместитель Председателя Совета Министров МНР Д. Майдар и другие. Товарищи А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, К. Ф. Катушев и другие официальные лица по-братски, сердечно приветствовали в аэропорту членов монгольской партийно-правительственной делегации.

В этот же день ЦК КПСС и Совет Министров СССР дали в Большом Кремлевском Дворце обед в честь прибывшей делегации, на котором А. Н. Косыгин и Ю. Цеденбал обменялись речами.

БРАТСКАЯ МОНГОЛИЯ

М. СТРЕПУХОВ,
главный редактор журнала
«Советы депутатов трудящихся»

Прибытие в Советский Союз партийно-правительственной делегации Монгольской Народной Республики, возглавляемой первым секретарем ЦК Монгольской Народно-революционной партии, Председателем Совета Министров МНР товарищем Ю. Цеденбалом,— важное событие в жизни наших братских, соседних народов. У нас сложилась традиционная дружба, скрепленная взаимными испытаниями и успехами социалистического созидания.

Недавно мне довелось посетить Монголию, встречаться с замечательными людьми этой страны, воочию убедиться в тех грандиозных достижениях, которых добился монгольский народ под руководством своей партии. Где бы я ни бывал — в городах, аймаках, сомонах,— всюду встречал добрые чувства, боевое настроение, дух созидания и особый подъем в связи с приближающимся 50-летием народной власти в Монголии.

Антиимпериалистическая, антифеодальная революция в Монголии совершена под влиянием Великого Октября. Монгольский народ, сбросив колониальное иго, сделал рывок, граничащий с фантастикой: от средневековых, феодальных отношений — к социализму.

Ныне Монголия — аграрно-индустриальное государство, неотъемлемая часть мировой социалистической системы.

Еще в 1916 году великий Ленин говорил о том, что мы все усилия приложим, чтобы с монголами сблизиться. Мы постараемся помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму.

И вот уже почти полвека трудящиеся Монголии рука об руку с народами СССР шагают под знаменем социализма.

Что такое полсотни лет для истории? Сущий пустяк. Однако монгольский народ под руководством народно-революционной партии за этот отрезок времени сделал поразительные успехи, которые вынуждены признать даже те, кто никогда не испытывал симпатий к социализму. Главный итог минувшего пятидесятилетия: полное уничтожение феодально-крепостнической эксплуатации, создание нового общества, превращение страны из аграрной в аграрно-индустриальную.

Это было далеко не просто. Владимир Ильич в 1919 году говорил представителям коммунистических организаций народов Востока: «...перед вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира: опираясь на общекоммунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков».

Из аграрной в аграрно-индустриальную... Что означает на деле это определение? А означает вот что: сейчас промышленность социалистической Монголии дает за день продукции столько же, сколько за весь 1929 год. За последние три года валовая продукция страны увеличилась на пятнадцать процентов и примерно на столько же — национальный доход. Только за первые два года нынешней пятилетки вступили в строй свыше сорока новых промышленных предприятий.

Глубокие преобразования коснулись и монгольской деревни, прочно ставшей на путь социализма. Сейчас в стране насчитывается 280 сельскохозяйственных объединений (колхозов). В среднем на каждое из них приходится по восемь автомашин, шестнадцать тракторов, несколько комбайнов, разная другая техника. Дети вчерашних кочевников, боявшихся, говоря образно, тележного скрипа, стали «на ты» с мотором, а значение этого факта трудно переоценить, мы это знаем по собственному опыту. Звук мотора стал таким же привычным в современной Монголии, что и у нас.

А как обстоит дело с традиционной отраслью хозяйства Монголии — скотоводством? Оно также успешно развивается. В экономике сельского хозяйства это является преобладающим. Миллионы голов скота пасутся на необозримых просторах страны. Каждый колхоз имеет в среднем свыше шестидесяти тысяч животных. В этом году получен великолепный приплод — 7,7 миллиона голов молодняка, то есть на 6,3 процента больше, чем год назад.

Экономические преобразования вызвали значительные изменения в профессиональной квалификации монгольского населения.

В деревне, например, появились экономисты и инженеры, агрономы и зоотехники. Это все люди с высшим и средним специальным образованием, вооруженные новейшими знаниями в своей области.

Вообще, если говорить о постановке образования в Монголии, можно привести много поразительных данных. Ограничимся одним из самых главных: страна осуществила всеобщее семилетнее образование и начинает переход к обязательному среднему. И еще: каждый пятый монгол учится, а это обещает в будущем очень многое. Мы это опять-таки знаем по собственному опыту.

Не в одиночку совершила свой рывок народная Монголия. Ей помогали и помогают братские социалистические страны, и прежде всего — Советский Союз. С МНР у нас самые тесные, дружественные отношения.

В одном из последних номеров журнала «Монголия» напечатан снимок 1934 года, который можно назвать символическим для этих отношений.

На нем запечатлены двое улыбающихся юношей в летных шлемах и меховых комбинезонах. Это бывший тогда инструктором, а ныне Маршал авиации Советского Союза В. Судец и командир монгольской авиабригады Ц. Очир, которого с детства прочили в ламы... Судец и Очир были первыми людьми, совершившими прыжки с парашютом на монгольскую землю... Оба прекрасно помнят тот день. Помнят его и тысячи монголов, собравшихся тогда на летном поле улан-баторского аэродрома.

Иные, несравненно более мощные машины стартуют и совершают посадку на этом аэродроме сегодня. Свист и гул турбин то и дело пронатывается по окрестностям. И никто не обращает на это внимания. Привыкли. Не удивляет никого уже и тот факт, что до Москвы — каких-то несколько часов лету. А давно ли, кажется, Судец и Очир летали здесь на «У-2»? Будто вчера...

Наш друг и сосед, с которым мы были вместе все эти годы и в труде и в беде, готовится к большому празднику. Трудящиеся Монголии встречают его успешным выполнением плановых заданий четвертой пятилетки. В промышленности и сельском хозяйстве, в учреждениях и учебных заведениях — везде широко развертывается социалистическое соревнование. Его девиз — повысить эффективность производства путем полного использования мощностей и мобилизации внутренних ресурсов, усилить режим экономии, улучшить качество продукции и совершенствовать методы руководства.

Что можно сказать в преддверии этой великой даты? Много разных теплых и искренних слов. Но лучше коротко: здравствуй, товарищ Монголия! Здравствуй и процветай!

Москва. 21 октября 1970 года. V Всесоюзный съезд архитекторов. В президиуме съезда.

Фото А. Пахомова.

ТВОРИТЬ ДЛЯ НАРОДА!

Вручение ордена Ленина Союзу архитекторов СССР.

«За четыре года текущей пятилетки на просторах нашей Родины возникло около 100 новых городов, введено в действие около 1 500 крупных промышленных предприятий. В широких масштабах реконструируются и благоустраиваются существующие города и села, ведется массовое жилищное и культурно-бытовое строительство. За этот период почти 44 миллиона советских людей получили новые квартиры или улучшили свои жилищные условия.

В этой созидательной работе важная роль принадлежит советским архитекторам».

Это строки из приветствия ЦК КПСС и Совета Министров СССР V Всесоюзному съезду архитекторов. Слова приветствия съезду, высокая оценка деятельности советских зодчих восприняты были ими как призыв народа — творить на века, отдать все силы, знания, опыт делу дальнейшего расцвета отечественной архитектуры!

В день открытия съезда в его работе принимали участие тепло встреченные делегатами и гостями товарищи А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, И. В. Капитонов, Ф. Д. Кулаков. В президиуме также — заместитель председателя Совета Министров СССР, председатель Госстроя СССР И. Т. Новиков.

Делегаты заслушали и обсудили отчетный доклад первого секретаря правления Союза архитекторов СССР Г. М. Орлова, доклад ревизионной комиссии и сообщение о новой редакции Устава Союза архитекторов.

На заключительном заседании съезда выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный. От имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства он сердечно поздравил делегатов съезда, а в их лице всех советских зодчих с высокой наградой Родины — орденом Ленина. Под бурные аплодисменты присутствующих Н. В. Подгорный прикрепил орден Ленина к знамени Союза архитекторов СССР.

АГЕНТСТВО ПРЕНСА ЛАТИНА
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ОГОНЬКА»

Президент Республики Чили Сальвадор Альенде.
Фото агентства Пренса Латина.

ПОБЕДА АЛЬЕНДЕ

Сильвио МЕНДИАНДУА

Новость распространилась с быстротой молнии: утром 24 октября Национальный Конгресс Чили назвал имя нового президента. Им стал кандидат блока Народное единство Сальвадор Альенде.

Еще четвертого сентября народ выразил свою волю, придя к избирательным урнам и отдав большинство голосов лидеру левых сил. Долгий политический путь сенатора Альенде увенчался успехом. Упорство, терпеливый труд, выработка тактики, соответствующей чилийским условиям, горячее желание коренных изменений и поиск новых политических форм создали предпосылки триумфа левых сил. Этому способствовал также раскол среди противников Альенде.

В 1964 году христианские демократы, используя стремление народа изменить существующее положение в Чили и запугивая массы «опасностью коммунизма», пришли к власти. Их обещания так и остались лишь обещаниями. Вялый процесс «чилизации», а также не оправдавшая себя экономическая политика характеризуют период правления Эдуардо Фрея.

За годы, прошедшие после этого, массы многое осознали. Рост сознания народа проявился в растущем сопротивлении политике правых, особенно проявившемся в период кампании террора и в отказе от реформистского пути, который предлагал третий кандидат в президенты, Радомиро Томич.

Накал борьбы в Латинской Америке отразился и на кажущемся спокойным Чили. Агитация, которую вели левые силы, обещала изменения на политическом горизонте. Буржуазия колебалась, то открыто поддерживая ультраправых, то сотрудничая с революционными силами. Проимпериалистическая олигархия стояла за «твердую» линию, предлагая поддерживать всеми средствами существующий порядок и систему. Силы, представленные Томичем, призывали следовать путем реформизма.

В этих условиях левые начали сплачивать свои ряды.

Движение Народное единство провозглашало программу, основными пунктами которой являются: создание широкого государственного сектора в экономике, вытеснение влияния иностранного капитала, активизация масс.

Сотрудничество коммунистов и социалистов, радикалов, социал-демократов, движения Единого Народного действия, Независимого народного действия и привело к победе 24 октября, несмотря на маневры ультраправых и Вашингтона.

Переход власти в руки левых исключает теперь всякие политические схемы, предлагаемые буржуазией, и открывает новый исторический период в Чили.

Сальвадор Альенде, узнав о своей победе на выборах, сказал: «Не будет еще один президент, а будет первый президент первого действительно демократического, народного и революционного правительства в истории Чили».

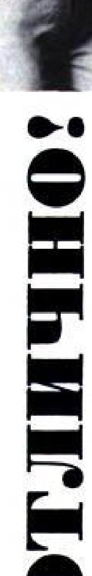
Чилийский опыт в сочетании с кубинским говорит о том, что в Латинской Америке происходит мощный процесс, в авангарде которого стоят левые силы. Преобразования позволяют говорить о создании на континенте антиимпериалистического фронта, который ширится, растет, расшатывая позиции США в западном полушарии.

Политическая ситуация в Чили тем не менее не лишена напряженности. Убийство командующего вооруженными силами генерала Рене Шнейдера говорит еще раз о существовании заговора ультраправых, которые начали с попыток покушения на жизнь Альенде и других лидеров левых.

Действия заговорщиков вызвали совершенно противоположные результаты. Народ, конгресс и военные отвергли планы реакции, поддержав демократические силы. Победу левых, достигнутую в трудной борьбе, еще предстоит закрепить. 4 ноября, в день, когда новый президент вступит в должность, начнется новый и важный этап в жизни миллионов чилийцев.

Чили (по телетайпу).

Группа делегатов съезда, народных архитекторов СССР: М. А. Усейнов, В. И. Приймак, Б. М. Иофан, В. А. Король, В. А. Каменский и А. Б. Бабаханов.

Фото А. Бочинина.

Гимнастки всегда были гордостью советского спорта, и вот мы стали свидетелями их нового торжества. В Любляне, на чемпионате мира, советская команда завоевала первенство.

Телевизионный репортаж из зала «Халла Тиволи» не отрываясь смотрели миллионы любителей спорта. Мы видели, как нелегко далась нашим гимнасткам командная победа. После первого дня лидировали спортсменки ГДР, которых возглавляла чемпионка Европы 1969 года, восемнадцатилетняя Карин Янц. Но, проявив огромную волю к победе, высокое мастерство и сплоченность, наша команда сумела выйти вперед.

В личном первенстве вплоть до последнего снаряда — бревна — уверенно лидировала Карин Янц, но падение сразу же отбросило ее на четвертое место. Чемпионкой мира стала молодая советская гимнастка Людмила Турищева.

На снимке: советская команда — чемпион мира 1970 года. Слева направо: З. Воронина, Л. Петрик, О. Карасева, О. Корбут (запасная), Л. Латынина (тренер команды), Т. Лазакович, Л. Бурда, Р. Сихарулидзе (запасная) и Л. Турищева.

СОРВАЛОСЬ, ГОСПОДА СИОНИСТЫ!

Н. ГУСАРОВ

Международный аэропорт Шереметьево. По трапу только что прибывшего рейсового самолета Лондон — Москва спускаются пассажиры. Среди них не по возрасту располневший юноша и его спутница — девушка с каким-то настороженно-брезгливым выражением лица. Его зовут Артур Куэл, он студент Вашингтонского университета, она Линда Лебович, тоже студентка, только университета Нью-Йоркского, факультета социологии. Не очень-то галантный кавалер, он даже руки не подал своей спутнице, не помог ей нести вещи. Она сама к нему подошла и почему-то сказала: «Держись, мой мальчик!» А чего «держаться» туристу в гостеприимной Москве? Ему и автобус комфортабельный подадут, и в хороший отель поселят, и создадут все условия для ознакомления с достопримечательностями нашей страны.

Только не затем приехала сюда эта пара, чтобы насладиться искусством старины и достижениями современности. Туристами они только значились, а цель их «экскурсии» с туризмом ничего общего не имела.

Инструкции, данные им за океаном, требовали ничему не верить. Ни тому, что публикуется в советской прессе, ни тому, что показывается на экранах. Даже глазам своим верить не полагалось.

Как потом выяснилось, Артур Куэл и Линда Лебович — дети небогатых родителей. Их поездку в Советский Союз субсидировали не папы и мамы, а некая сионистская организация, так называемый американский комитет солидарности с советским еврейством. Сей комитет пробавляется тем, что стряпает для желтой прессы фальшивки о якобы неравноправном положении евреев в Советском Союзе.

Вот эта грязная работенка и была поручена в данном случае двум американским студентам еврейского происхождения. Их обязали собирать нужные сведения, которые можно было бы использовать пропагандистским центрам для организации антисоветских акций и клеветы на национальную политику Советского Союза. Выполняя волю своих хозяев, Артур и Линда тотчас по приезде в Москву принялись рьяно «устанавливать контакты» с советскими гражданами еврейской национальности. Не утруждая себя дальними вояжами, они в основном довольствовались пределами гостиницы «Берлин», где им, как и всем приезжим, было оказано традиционное гостеприимство. В вестибюлях и ресторане, у входа в гостиницу они весьма настойчиво навязывали людям свое знакомство, задавали провокационные вопросы, затевали разговоры, содержание которых не могло вызвать у советских людей ничего, кроме недоумения и возмущения. И естественно, что вскоре поступил первый сигнал о странном поведении «туристов» из США. За ним последовали и другие: советские евреи с гневом сообщали о несовместимой с нормами туризма деятельности американских студентов. Однажды «туристы» до того обнаглели, что сунули одному из своих собеседников — какими только провокационными вопросами не атаковали они его! — довольно странную открытку. То, что она была странной, человек заметил лишь после того, как «туристы» скрылись из виду. На одной стороне открытки — изображение памятника В. И. Ленину в Кремле, а на другой — красный ярлык с черной шестиугольной звездой. В центре звезды на фоне церковных колоколен — толпа якобы протестующих советских евреев. А чтобы не было на сей счет никаких сомнений, внизу черным по красному напечатан антисоветский призыв: «Протестуйте против угнетения советских евреев».

От одного из собеседников Артура Куэла поступил и такой сигнал: выйдя из гостиницы, «турист» боязливо оглянулся по сторонам, подошел к почтовому ящику, опустил кипу открыток и снова скрылся в вестибюле отеля. Сам по себе этот факт не мог бы вызвать удивления: обычно туристы любят посылать своим родным и друзьям открытки с видами тех мест, где они гостят. Но уж больно странно вели себя в Москве эти два «туриста», да и открытка, врученная ими одному из советских граждан... Все это, конечно, настораживало.

Открытки были опущены в почтовый ящик накануне отъезда «гостей» из Москвы. А на следующий день произошло следующее.

Как обычно, был проведен таможенный досмотр личных вещей незадачливых эмиссаров сионистской организации, работавших столь примитивно, что разгадать их не составило никакого труда. И вот Линде Лебович пришлось выложить на стол припрятанные в весьма деликатных частях женского туалета две проявленные и три непроявленные фотопленки, четыре блокнота с записями клеветнического характера и другие документы. В тот же день при таможенном досмотре, проведенном на основании Конвенции Всемирного почтового союза [1], было задержано отправлением в разные страны пятнадцать почтовых открыток, на обороте которых был все тот же израильский ярлык с шестиугольной звездой и все тот же призыв: «Протестуйте против угнетения советских евреев».

Ярлык этот, изготовленный в США по заказу Израиля, показался удивительно знакомым: выяснилось, что в СССР уже приходили письма, открытки точно с таким же ярлыком.

На левой стороне каждой из пятнадцати открыток была провокационная надпись на английском языке: «Продолжайте вашу полезную работу, так как мы нуждаемся в вашей помощи сейчас больше, чем когда-либо. Друг в СССР». Графическая экспертиза со всей бесспорностью подтвердила: все надписи исполнены Артуром Куэлом. Кому же были адресованы эти открытки, кого просил «друг в СССР» продолжать «полезную работу»? Вот эти адреса:

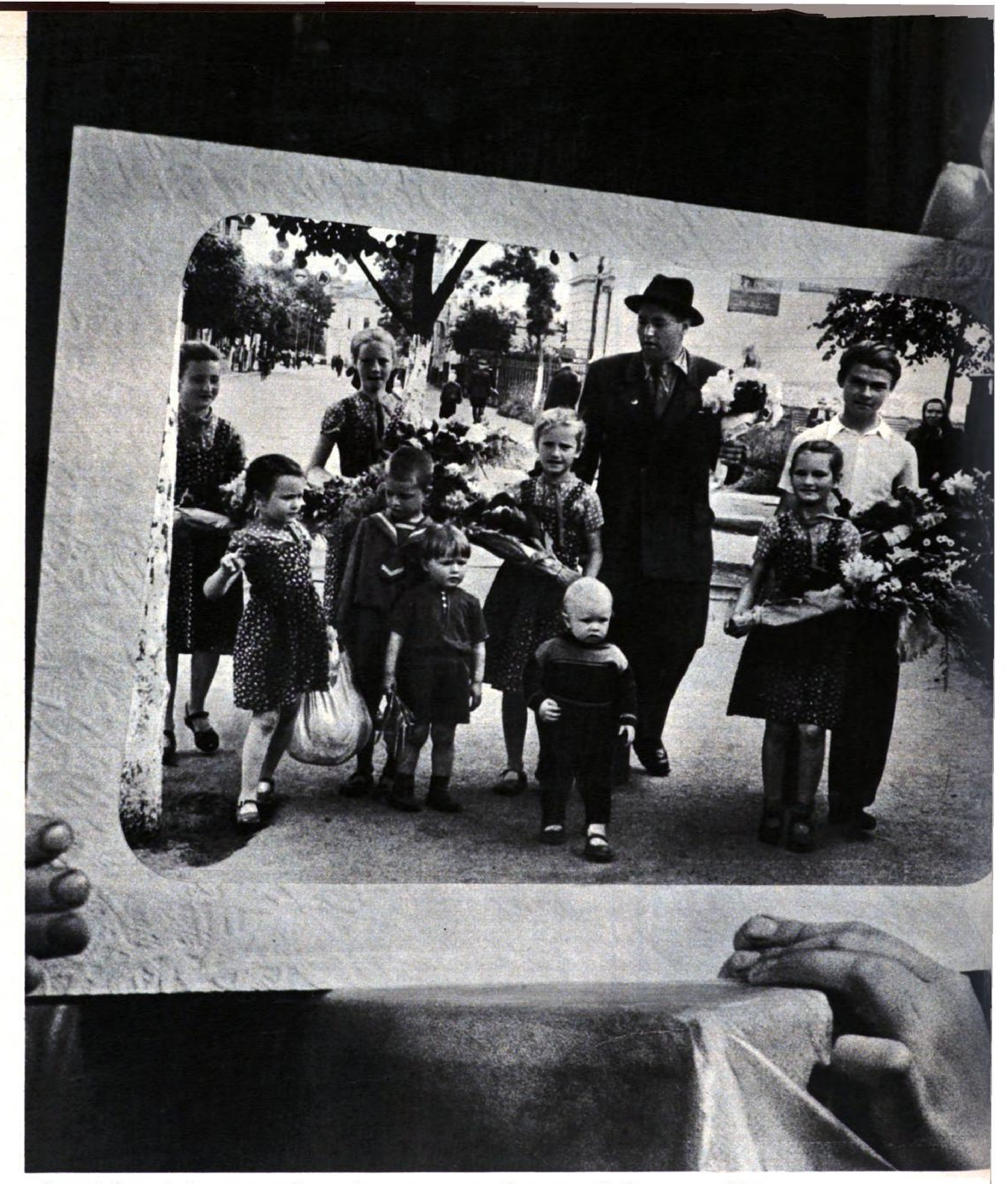
Лондон С 1,59 площадь Рассел Колин Шиндлер; Монреаль, 3460, Стенли стрит, комитет советских евреев; США, Сан-Франциско, Калифорния 94105, 40 Феем стрит, группа действия советских евреев; США, Вашингтон ДС 20016,40А, Квилл, группа действия советских евреев; США, Вашингтон, 20037, комитет советских евреев, 21.29 Фест стрит. Далее идут адреса сионистских организаций в Австралии, Канаде, Южной Калифорнии, Лос-Анжелесе, Южной Флориде, штате Огайо, в Нью-Йорке. И все открытки, взывающие о «помощи» советским евреям, написаны, как под копирку, одной рукой — рукой американского «туриста» Артура Куэла.

А нужны эти открытки для того, чтобы получившие их сионистские организации могли бы размахивать ими перед глазами американских, канадских, австралийских, английских евреев, как «достоверными документами», полученными из СССР от «угнетенных собратьев». Нужны эти открытки для того, чтобы использовать их при организации новых провокаций и нападок на Советский Союз, страну, где все народы и нации живут в дружбе и братском единстве.

Сорвалось, господа сионисты!

---

[1] Вена, 1964 год, глава 3, статья 40, пункт 3.

— Под этой фотографией в нашем семейном альбоме стоит подпись: «Идем за десятой». Десятая — это я, Шура...

ПАПА, МАМА И «ОСТ

Г. СМЕТАНИНА **Фото Б. КУЗЬМИНА.**

Есть семьи: все в них искренне, просто. Вошел — и уходить не хочется. Так и у них, у Бугаенков. Правда, не в каждой семье так многолюдно, как тут.

Александра Наумовна — подтянутая, голос звонкий, ямочки на щеках, красивая прическа. Сколько же лет ей?..

Четверо детей уже взрослые. Толя женился, и специальность есть: фельдшер. Одна Алла в Харькове — будет инженером. От другой, тоже Аллы, врача, летят из Красноярска шутливые телеграммы: «Дорогие мама, папа и остальные двенадцать! Как вы? У нас все хорошо. Целуем. Ваши Алики». «Аликов» уже трое: сама Алла, муж Александр, сына Сашу тоже Аликом называют. Майя учится в Киеве на третьем курсе медицинского института.

Остальные — тут, в Ивано-Франковске, с родителями. Александра Наумовна начинает перечислять, как зовут детей.

— Старшая Алла, затем Толя — родился 20 октября 1944 года, потом вторая Алла — ее день рождения 16 мая 1947 года, у Майи — 1 февраля 1949 года, у Зины — 31 декабря 1950 года... В феврале у нас три дня рождения. В декабре — два. Да почти каждый месяц семейное торжество. У меня в паспорте страниц не хватило, пришлось вклеить,— смеется Александра Наумовна.

Дети спят, и поэтому знакомлюсь с ними сначала по семейному альбому.

На снимке — Катя и Наташа на соревнованиях. А это девочки — еще маленькие — учатся шить. Тарас моет посуду: дежурный. Вот все за длинным обеденным столом. Стол раздвижной: подрастал кто-нибудь — врезали доску. Младшие стелют постели — старшие проверяют. А эта длинная цепочка — мал мала меньше — нежится в волнах на море, в Евпатории. Один раз и смогли-то все вместе поехать. Смешной двухлетний карапуз в майке. Это Никита. А этот, в фартуке,— Богдан, склонился над лапкой с обувью: ремонтирует. Все мальчики умеют чинить обувь. В мастерскую ничего не носят, и мастеров к себе не приглашают. Все делают сами: чинят табуретки, радио, утюги, розетки, метят белье. Утюг не успевает остыть — всегда кто-нибудь из ребят наглаживается. В этом доме нет занятий сугубо женских: любой из мальчиков и мясо выберет подходящее, и сварит так, что пальчики оближешь, и заштопает, и погладит, и стол украсит, и пол помоет, и тесто раскатает.

Еще одна фотография: по улице движется процессия — девять малышей с цветами, сзади — Федор Илларионович. И подпись: «Идем за десятой».

Федор Илларионович и Александра Наумовна работают. Он провизор, она бухгалтер. И оба активные общественники. Много лет подряд Александру Наумовну избирали парторгом аптекоуправления, и членом родительского комитета 5-й школы, где учатся дети, и народным заседателем, и председателем общества Красного Креста. И еще успевала она участвовать в городских пленумах по педагогике и в родительских чтениях, а за проведение ежегодной подписки на газеты награждена почетной грамотой «Правды».

Все это великолепно. Но когда человек в 47 лет, мать столь многочисленного семейства, находит в себе волю и энергию еще и заниматься в вечернем педагогическом институте и блестяще оканчивает его,— это не может не вызвать восхищения и удивления.

Федор Илларионович много лет возглавлял областное Общество охраны природы. А несколько лет назад Ивано-Франковск занял второе место на Украине по озеленению. Бугаенко организовал в городе кооператив садоводов-любителей, разбил на пустыре ботанический сад, в котором собраны редчайшие экземпляры прикарпатской растительности, да и свой сад за городом показать не стыдно. Все выходные дни ребята проводят там.

Как же они управляются со своим большим домашним хозяйством? Сначала я расспрашивала хозяев об этом, потом поняла, что

Сколько у мамы этих почетных наград!

АЛЬНЫЕ ДВЕНАДЦАТЬ»

Папа, мама и «остальные двенадцать».

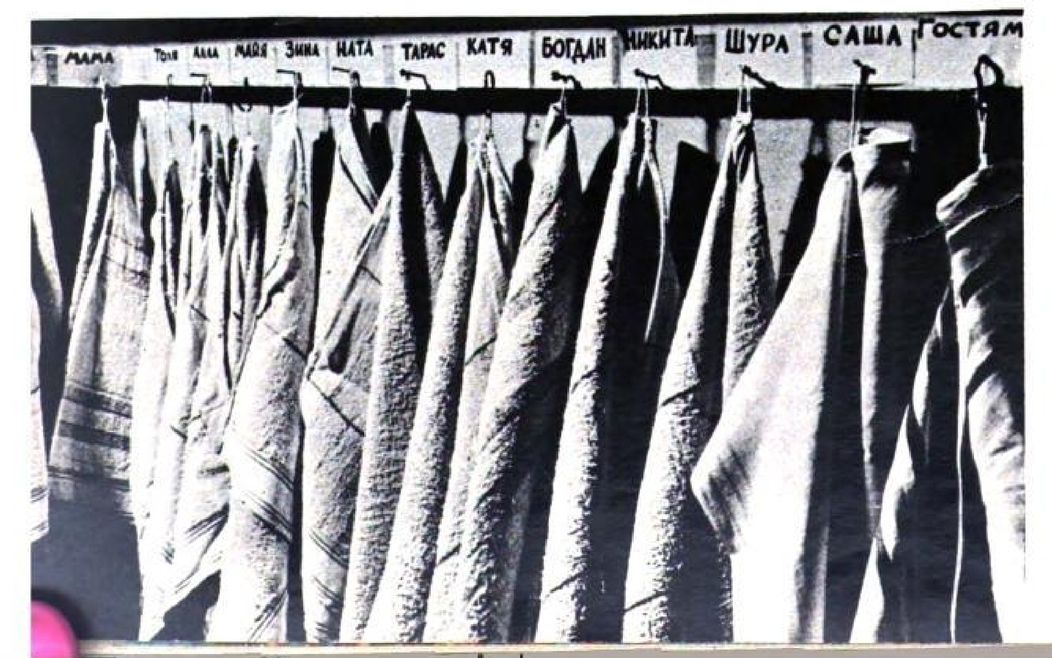

Катя учится в десятом классе.

Зина работает фармацевтом.

Чтобы не спутать...

лучше не задавать вопросов, а просто понаблюдать за их будничной жизнью.

Прошлась по дому. Чисто, скромно, ничего лишнего. Рабочая комната с длинным столом для занятий. Швейная машина. Спальня девочек. Спальня мальчиков. Спальня родителей. Большая столовая. И, наконец, просторная кухня.

У стены — раздвижной стол с длинными скамейками. Рядом две кладовочки с необходимыми припасами. Тут же, в кухне, буфет с посудой и специями. В углу вешалка с фартуками. В этом же углу расписания занятий в музыкальной школе, в спортивных секциях, в кружках, список дежурств и график уборки рабочей и детских комнат, столовой, коридора, кухни, подвала. На полочке у входа толстая книга, именуемая «журналом заданий»: в нее родители записывают ежедневно, кому что надо сделать по дому, помимо дежурства. Нельзя же все на одного дежурного взвалить.

Заглянул в кухню после занятий Тарас. Поздоровался, привычно надел фартук и, оглядевшись по-хозяйски, принялся за дело.

Часов в шесть в кухню впорхнули оживленные, румяные Богдан, Никита и Шура. Младшие всегда уходят и возвращаются вместе, кроме тех дней, когда Шура ходит на музыку, а Богдан — на танцы. Еще не переодеваясь, с порога, перебивая друг друга, троица выложила все новости.

— Спрашивали в школе? — осведомляется мать.

— У меня четверка по украинскому.

— ...У меня пятерка по труду.

— ...А меня спросили по немецкому и по математике.

И все трое потянулись к книге заданий. Заглянула и я. Что там? «Тарасу — подшить петли к полотенцам», «за хлебом — Никите». И так день за днем, по часам, то одному, то другому: «перебрать морковку и буряк», «вынести в подвал семенную картошку», «почистить кружки, ведро», «отнести книги в библиотеку», «Тарасу — починить Катины тапочки», «студентам — заниматься и в перерывах гладить белье, разделить между всеми»...

По книгам этим можно изучать быт семьи, узнать, какие события произошли за год. Когда, например, этой весной четверо студентов — Тарас, Зина, Наташа, Маричка — сдавали сессию, их хозяйственные заботы взяли на себя младшие.

Дежурный сегодня Богдан. А помощники у него — Никита, Шура, Наташа Комарова. Наташа — подруга Зины. Обе они учились в Коломые в фармацевтическом училище. Обе приехали на практику сюда. Так и появился у Бугаенков еще один член семьи — Наташа.

И Маричка жила у них два года. Маричка тоже не родственница. Просто дочь друзей юности. Приехала, чтобы учиться на подготовительных курсах в институт. Поступила. На истфак, в педагогический. А два года жизни у Бугаенков, по-моему, лучше любой педагогической практики. Тут уж на деле поймешь, что такое коллектив и что такое ответственность перед другими.

Тараса принимали в комсомол. Отец обзвонил все магазины, пока выяснил, где есть «Рожденные бурей» Николая Островского. Нашел. Александра Наумовна готовила сюрприз — роскошный торт.

А потом был праздничный ужин. Тарас растрогался, у него даже выступили слезы. Он встал, и Александра Наумовна обняла его. И как-то удивительно просто сказала, каким комсомольцем хочет видеть сына. Книга с дарственной надписью была вручена тут же.

Перед сном каждый приносит матери дневник. Старшие положили их спокойно, а младшие остановились выжидающе. У Шуры вид явно смущенный. «Вертится на уроках»,— написано красными чернилами в Шурином. Мать прочитала, укоризненно взглянула на девочку, расписалась. Больше ничего не требовалось...

Сколько забот у мамы!.. Младшие устают на продленном дне. Дело хорошее, а условий и методики разумной и продуманной нет. Никите и Богдану надо зимнее пальто в кредит купить. Майя живет в Киеве. С ней просто беда. Не с кем оставить десятимесячную дочку. А учиться надо, раз начала! И няню никак не найти. К себе взять малышку? Но ведь все на целый день уходят. Может, Федор Илларионович будет начинать работу пораньше, а сама Александра Наумовна — во вторую смену? Заказали телефонный разговор с Киевом. Говорили по очереди. Зина сказала так: «Привози к нам, все равно рано или поздно привезешь!»

А мало ли других забот? Сейчас хоть с Тарасом и Зиной определилось: оба уже работают. Тарас — слесарем, Зина — фармацевтом.

Поздно уже. Дети легли спать. В доме тихо. Наконец-то смогу наедине поговорить с Александрой Наумовной. В чем секреты ее? Почему дети так доверяют ей, советуются? Как находит к каждому свой ключик? А секретов нет. Есть любовь. Есть доброта, есть уважение к ребенку, каким бы он маленьким ни был.

Никита приглашает к самовару.

Александра Наумовна с внуком.

Тарас — комсорг в котельном цехе.

Анатолий **АНАНЬЕВ**

Рисунок **В. ЮДИНА.**

ВТОРАЯ

За всю неделю ни комбат, ни Антоненко, ни старшина Шебанов, ни я ни разу не заговорили между собою о Ксене; правда, во время боев не очень-то поговоришь о постороннем, потому что все внимание сосредоточено на другом, однако выпадали и минуты передышек, когда мы сходились на командном пункте или на батарее вместе и ужинали или обедали, но и тогда ни Ксени, ни всего, что случилось с ней, как будто не существовало для нас. Только я один, как мне казалось, не забывал о ней, хотя на самом деле все обстояло иначе. И узнал я об этом гораздо позднее, но — давайте по порядку, как все было.

После госпиталя я уже не попал в свою часть. Меня направили в новый, формировавшийся тогда под Брянском артиллерийский корпус, воевал я на юге, под Будапештом, и День Победы встретил в небольшом австрийском городке Пургшталь. Мы простояли в том городке до поздней осени, и все эти месяцы я жил лишь одной мыслью — поскорее пройти медицинскую комиссию, демобилизоваться и уехать к Ксене, в Калинковичи. Я вспоминал и о нашей батарее, и о капитане Филеве, и о том поединке с немецкими самоходками под деревней Гольцы, с чего, собственно, и началось все, но вспоминал лишь потому, что все это было связано с думами о н е й. «Какой же я был дурак,— говорил я себе,— надо же было так опростоволоситься, не взять ее адрес! А ведь старший лейтенант Сургин советовал, так нет, куда там, найду, если понадобится!» В том, что я найду ее, я не сомневался, но у меня было такое желание написать ей, такие нежные страницы складывались в голове, что иногда хотелось прямо-таки взять и крикнуть: «Отпустите! Да отпустите же, я не могу, видите!» Но я, разумеется, не кричал, а закрывался в своей комнате, брал листок бумаги и, торопясь и брызгая чернилами, писал очередной рапорт об увольнении. Ранение у меня было тяжелое, я знал, что должны демобилизовать, и ждал только своей очереди. Домой я уже не сочинял и не отправлял, как бывало прежде, подробных писем. События детства представлялись мне какими-то поблекшими, далекими, все заслоняла собою встреча в Калинковичах с Ксеней. Что было особенного в тот вечер, когда я впервые увидел Ксеню? Ничего, а вот как будто стоят передо мною ее глаза, ее серебристо-серые косы, и я не могу ничего поделать, чтобы не смотреть на них, вернее, чтобы забыть о них; я чувствую ее доброту и нежность, вот так, просто, чувствую и все, и доброта эта, мысленная, ее, словно согревает меня, я волнуюсь, радуюсь, десятки планов на будущее пробегают в сознании, и я тороплю день и час своего увольнения. Когда же наконец с чемоданом в руке и вещевым мешком за спиною я оказался в поезде, почти целые сутки, не присаживаясь и не ложась, простоял у окна, глядя на пробегавшие мимо города, разъезды и станции, каждая отстуканная колесами вагона верста приближала меня к желанной цели.

В Калинковичи я приехал поздней декабрьской ночью, и с первой же минуты, даже не знаю, отчего, как только вышел на перрон, какое-то странное беспокойство начало овладевать мною; может быть, происходило оно оттого, что было слякотно и неуютно на тускло освещавшейся ночной незнакомой станции, может быть, от вида дощатого барака, который был наскоро сколочен для пассажиров как зал ожидания. А может, главной причиной была вдруг возникшая неуверенность. А что, если все совершенно не так, как я представляю себе? Вдруг отказ? Мысль о том, поправилась ли она после падения или нет, никогда не тревожила меня; раз в госпитале, значит, непременно поправится. Беспокоило же другое: живы ли в ней те чувства, которые так поразили меня тогда и в существование которых я до этого самого часа, пока не ступил на перрон Калинковичского вокзала, твердо верил? Забравшись в теплый дощатый барак — тепло в нем было от людской тесноты, а не оттого, что топили,— до самого рассвета я просидел на чемодане у стены, положив вещевой мешок между ног, и думал о завтрашней встрече с Ксеней. То, что всегда представлялось мне простым и ясным, как я приду и скажу: «Здравствуй, Ксеня, вот и приехал твой жених, принимай!» — теперь казалось неприемлемым, грубым; я перебирал десятки вариантов, как войду в избу и что скажу, и чем больше было этих вариантов, тем сильнее я волновался и тем нерешительнее чувствовал себя. Ни для Марии Семеновны, ни для Ксени у меня не было никаких подарков, я не собирал за границей часов и браслетов; в вещевом мешке лежала полная фляжка водки, маргарин, несколько банок консервов и сухари, и я воображал, как буду выкладывать все это на стол.

«Помните, Мария Семеновна?»

«Как же».

«По пути заглянул посмотреть, как вы тут живете».

«Спасибо. Мать-то жива?»

«А как же».

«Ждет, поди».

«А как же».

Вот так, мысленно я разговаривал то с Марией Семеновной, то с Ксеней и уже заранее, еще ничего не зная, как все будет, то чувствовал себя неловко, стесненно, когда мне казалось, что буду принят равнодушно, холодно, то как будто вдруг все заливалось во мне счастьем, и я, наверное, улыбался в сумрачной духоте зала, когда видел (словно все происходило наяву) радостные и доверчивые, обращенные на меня глаза Ксени. Я воображал все до деталей, как буду встречен, но то, что на самом деле ожидало меня,— обладай я даже сверхвоображением, ни за что на свете не смог бы представить себе. Я с нетерпением ждал рассвета и, когда в маленьких низких окнах ясной синевою забрезжило утро, оставаться в бараке уже ни одной минуты не мог; на привокзальной площади в занесенном снегом сквере отыскал место, где снег был чистым, сбросил шинель и гимнастерку, умылся снегом, натерев докрасна лицо, шею, руки, и, бодрый, свежий, как будто и не было ни долгой, утомительной дороги, ни прошедшей бессонной ночи в бараке, готов был идти и отыскивать дом Ксени.

«Мы въезжали в город со стороны шоссе Мозырь—Калинковичи,—рассуждал я,—с севера или, вернее, северо-востока, и остановились где-то сразу на окраине. Значит, прежде всего надо сейчас выйти на то шоссе».

Я определил приблизительно, где была северная сторона города, и, надев вещевой мешок и взяв чемодан, зашагал необычной для себя размашистой походкой по слякотной — в те дни стояла оттепель,— разбитой машинами дороге. Город только просыпался от долгой зимней ночи, открывались ставни, закуривались дымки над трубами. Я шел, заткнув полы шинели за пояс, перебрасывал с руки на руку чемодан и оглядывал улицы. Все мне казалось как будто знакомым — и избы, и огороды, и сами улицы, широкие и слегка изогнутые, как в деревнях, и лишь не было заметно ни окопов, ни черных воронок, как в памятную зиму, ни остовов сгоревших машин и танков, ни кирпичных развалин, потому что все это было убрано, расчищено, заделано; и все же чем-то еще как будто фронтовым, военным веяло от всего, на что я смотрел. Может быть, потому, что не везде лежал плотно снег, а местами он подтаял, проглядывала черная земля, чернели оголенные тесовые крыши, и эта черно-белая пестрота как раз и создавала такое впечатление, но мне, собственно, не было тогда никакого дела до того, что с о з д а в а л о впечатление, я просто видел знакомый освобожденный город, и те прежние чувства, когда мы впервые морозным утром въезжали в него, и все, что было пережито мною вечером в избе Ксени и что я затем пронес в себе по всем дорогам войны, и эти, теперь охватывавшие меня волнения перед встречей — все сливалось в одну счастливую и тревожную ношу, которую, казалось, было тяжелее нести, чем отдавливавший плечи вещевой мешок и оттягивавший руки чемодан.

Было уже около одиннадцати, когда я наконец вышел на шоссе Мозырь— Калинковичи.

Память человеческая так глубока и остра, что иногда бывает трудно поверить, с какой точностью и как живо возникают перед глазами картины прошлого. Едва я оказался на шоссе, как тут же мысленно повторил весь маршрут нашего движения и сразу узнал улицу, на которую мы, въезжая, свернули тогда, и еще издали увидел и узнал избу, в которой ночевал сам, и комбатовскую избу, что стояла напротив, через дорогу, вернее, ее избу. Я тотчас же как бы увидел нашу выстроившуюся вдоль улицы колонну, готовую к маршу, и определил место, где стояла головная машина. Да я и в самом деле стоял на том месте, как в памятное утро, и, опустив чемодан на снег, смотрел на избу Ксени; и испытывал такое чувство, словно все мне здесь было не просто знакомо, а было родным, близким: и крыльцо, на которое смотрел, с перилами и ступеньками — все-все, как было тогда, и даже, я сразу заметил, рядом с крыльцом, у стены, лежала та самая широкая доска, которой Мария Семеновна когда-то подпирала дверь. И двор, расчищенный от снега, как он был расчищен в то утро, и сизые от времени, неизвестно с каких лет не крашенные наличники и ставни на окнах, такой же сизый, некрашеный фронтон и козырек тесовой крыши, а главное, на месте тех самых хрустнувших и надломившихся тесин зияла теперь черная толевая заплата; вот она, так и стоит перед глазами, я смотрю на нее и чувствую, как все пережитое поднимается во мне, и снова, но уже сильнее, чем на вокзале, сомнение охватило меня, и я в растерянности и нерешительности говорил себе: «Входить? Не входить? Что я скажу? Зачем пожаловал? Мои чувства? А ее? А Мария Семеновна?» Я оглядел свои забрызганные грязью сапоги и опустил полы шинели. Я мог бы смело войти в любую другую избу, к совершенно незнакомым людям, а к н е й — все во мне как будто замирало и останавливалось от какого-то странного и тревожного предчувствия. Я смотрел на окна, и за белыми занавесками никого не было видно; и труба над крышей не дымилась, и никто не выходил из двери во двор и не возвращался в избу. «Дома ли они? Может, и дома-то никого нет?» Я вошел во двор и постучал в окно, занавеска отогнулась, и я увидел прислонившееся к стеклу лицо Марии Семеновны. Я узнал ее, но она долго смотрела на меня, и по ее взгляду было ясно, что я для нее незнакомый, чужой, неизвестно зачем постучавшийся к ней человек. «Это я, Мария Семеновна, я, помните!» Но она либо не разобрала, либо просто не расслышала

Из романа «Версты любви».

ВСТРЕЧА

моих слов, вышла на крыльцо, спокойным и, чего я более всего опасался, холодным, равнодушным голосом спросила:

— Вам кого?

Я смотрел на нее, не говоря ни слова, лишь стараясь всем видом своим напомнить ей, кто я. «Узнаете? Неужели не узнаете?» — глазами говорил я ей.

— Вам кого? — снова и тем же как будто холодным тоном спросила она.

— Вы не помните меня, Мария Семеновна? — наконец выговорил я.

— Нет. А кто вы?

— Я тот самый лейтенант, Женя Федосов.— Я не стал ничего пояснять дальше, полагая, что уже это сказанное должно ей сразу напомнить все.

— Да мало ли тут вас стояло за войну, рази всех упомнишь.

— А Ксеня дома?

— Дома. Только что с ночного дежурства пришла.

— Можно мне повидать ее?

— Отчего же нельзя, можно, еще не спит, входите,— сказала Мария Семеновна, открывая передо мною дверь и приглашая пройти через сенцы в избу.

В сенцах, прежде чем переступить порог комнаты, я долго и старательно обметал веником ноги, с тревогою говоря себе: «Может быть, ничего не было, я все вообразил, и мне не надо было приходить?» — и хотя не оборачивался и не смотрел на Марию Семеновну, которая ожидала, пока я управлюсь, я чувствовал, как она следит за мной, ежась от холода в своем старом цветном ситцевом платье и кофте с заплатами на локтях. Я вошел в избу бледный и уже совершенно не знал, что и как говорить. Да и на самом деле, что я мог сказать Ксене? Ведь между нами ничего не было, я не писал ей, прошло два года, она могла позабыть обо мне (как позабыла уже Мария Семеновна), и вдруг вот я, явился! Только в молодости можно еще совершать такие необдуманные поступки и ставить себя в столь неловкое положение; я ведь делал все не по разуму, а по чувству, что испытывал, что воображал, то и казалось действительностью, и был счастлив от этого воображения и чувств, и только в то утро впервые, уже когда обметал ноги в сенцах, ощутил отрезвляющее дыхание жизни. Я переступил порог и остановился у двери, не снимая вещевого мешка с плеч, лишь опустив чемодан на пол и оглядывая комнату. Я заметил, что все здесь было не так, как прежде, что комната перегорожена надвое неокрашенною, не оклеенною обоями и не успевшею потемнеть еще дощатою перегородкой, и еще стоял невыветрившийся запах свежеоструганной сосны; огромная русская печь, занимавшая, как мне раньше казалось, добрую четверть комнаты, была теперь в первой и меньшей половине, а во вторую вел ничем пока не занавешенный дверной проем, и там, за этим проемом, за перегородкою была Ксеня. Я не видел ее; только было слышно, будто кто-то переодевался и шуршал платьями.

— Ксеня, к тебе пришли,— сказала Мария Семеновна, направляясь к печи, не оглядываясь на меня и не предлагая ни пройти дальше, ни сесть.

— Кто?

— Какой-то военный.

— Кто, мам?

— Да шут вас знает, кто, выйди да посмотри.

— Сейчас!

В шинели, сапогах, с шапкою в руке я стоял у порога. Ксеня появилась в проеме дверей неожиданно; так же, как минуты прощания, когда она лежала на носилках в машине, как те часы, когда вечером, при свете висевшей над столом керосиновой лампы я сидел рядом с нею и смотрел на ее лицо и серебристо-серые, спадавшие на грудь косы,— так запомнилось мне и это мгновение, когда после двух лет военных дорог, двух лет постоянной думы о ней я вновь увидел ее. Она, наверное, уже собиралась отдыхать после ночного дежурства, была в халате и с распущенными волосами и, лишь услышав, что кто-то пришел к ней, быстро надела платье и принялась заплетать косу, я так думаю, потому что, когда она стояла в дверях и я смотрел на нее, тонкие белые пальцы ее еще укладывали последние витки в косе; лицо выражало удивление, и ясные, чистые глаза тоже выражали удивление; она была как бы вся на свету, немного пополневшая с того времени, но еще более женственная от этой полноты, и я, глядя на нее, чувствовал, что не зря все эти годы думал о ней. Вместе с тревогой и растерянностью я испытывал прилив счастья; я старался уловить в ее взгляде прежние и дорогие мне чувства и мысли, и хотя их не было и не могло быть в ней, все же то удивление, какое светилось в ее глазах, было как бы обещанием, надеждой, что все еще вспомнится, вернется и она заживет той жизнью, какой жила тогда, в часы, когда мне понятным и близким был весь мир ее радостных желаний. Я говорил ей взглядом: «Ну же, ну, вспомни!» — и всматривался в каждую черточку ее лица, ожидая, что вот-вот она ответит, пусть так же беззвучно, выражением глаз, я пойму, почувствую и успокоюсь. То, что лицо ее было утомленным, я заметил позднее, когда уже сидел за столом и она угощала меня чаем и отварным картофелем, залитым подсолнечным маслом; да и сам я, как ни бодрился, как ни казался себе полным сил и энергии, тоже, конечно, выглядел утомленным, и Ксеня не только заметила, но и сказала мне об этом; но произошло это потом, позже, а пока я ничего не видел, кроме ее ясных и светлых, обращенных на меня глаз и белых пальцев, которые, замедлив движения, как бы вдруг остановились, так не закончив плести косу.

— Это вы?! — не очень громко, с явным удивлением и, как мне показалось, с ноткою радости в голосе сказала наконец Ксеня.

— Да, я.

— А Вася мне ничего не сказал,— добавила она с тем же удивлением.— Вы раздевайтесь, что же вы стоите! — Она подошла ко мне и помогла снять с плеч вещевой мешок.— Мам, ты знаешь, кто к нам пожаловал? — принимая от меня шинель и вешая ее на гвоздь, продолжила она.— Это же тот самый жених мой, помнишь?

— Господи! — сказала Мария Семеновна, отрываясь от своих дел и уже не с равнодушием, а с заинтересованностью глядя на меня.— Так ты опоздал, парень!

— Как это «опоздал», Мария Семеновна?

— Ксеня наша уже замужем, уже и свадьба сыграна.

— Как замужем?

— Как замуж выходят? Вот так и замужем. За тем капитаном твоим. Опередил он.

Совершенно не веря тому, что сказала Мария Семеновна, принимая ее слова за шутку и мысленно говоря себе: «Капитан Филев! Василий Александрович? Да зачем ему, он же в военную академию собирался»,— я посмотрел на Ксеню. Лицо ее, может быть, от смущения, как это бывает, я уже теперь знаю, у молодых супругов, когда при них вдруг начинают говорить об их женитьбе, но, может, от возникшего неожиданного сожаления, что она поторопилась, не подождала меня, от чувства, может быть, вины передо мною (так я думал для утешения), лицо ее вспыхнуло румянцем, и смотрела она теперь не на меня, а куда-то вниз, то ли на мои сапоги, то ли на половичок, на котором я стоял, а пальцы снова принялись заплетать косу. Я не стал спрашивать ее; я все еще не хотел верить тому, о чем поведала Мария Семеновна, но чем дольше смотрел на Ксеню, тем яснее становилось, что все это правда и что вот отчего так тревожно было у меня на душе еще на вокзале, когда я только сошел с поезда, и так беспокойно билось сердце, когда подходил сюда, к дому. «Не может быть!» — однако продолжал говорить я себе, переводя взгляд с Ксени на Марию Семеновну и снова на Ксеню. Они молчали, и я молчал; и всем нам было, по-моему, нехорошо, неловко от этого молчания.

— А я ведь не за т е м, я просто так, по пути, проведать,— сказал я, краснея оттого, что говорил ложь, и чувствуя, что ни Мария Семеновна, теперь как будто с еще большим вниманием смотревшая на меня, ни Ксеня, тоже взглянувшая на меня, не верят мне. Но что я мог еще сказать им?

— Да что же вы не проходите?— сказала Ксеня, разрушая эту минуту неловкости.— Проходите в комнату. Вот Вася-то будет рад,— добавила она, пододвигая стул.— Он на работе, в диспетчерской. А вы завтракали? Могу угостить картошкой с постным маслом, уж что есть, могу приготовить чай. Да что, собственно, я спрашиваю, боже мой, человек с дороги, а я спрашиваю! Посидите, я сейчас.— И она вышла, оставив меня одного в комнате.

Не знаю, сколько времени я просидел, ожидая, что войдет Ксеня и начнет накрывать на стол. Минуты эти показались мне долгими, но я был так ошеломлен и растерян, что не успел ничего разглядеть, что и как было убрано в комнате; я думал о своем бывшем комбате, который, как сказала Мария Семеновна, опередил меня,— он вставал передо мною в воображении таким, каким запомнился в те годы, когда служили вместе: то вот он на наблюдательном пункте с биноклем у глаз, молчаливый, решающий все сам, про себя, и отдающий распоряжения лишь короткими, ничего не объясняющими фразами («Делать так, и все, и не иначе»), то проверяющий стволы орудий на батарее, как вычищены и смазаны после боя, перед маршем; то вдруг вижу его за ужином или обедом — единственно, когда появлялась на лице его улыбка; мне он нравился таким, суровым, я и теперь, представляя его себе, не без зависти и не без гордости смотрел на него, но вместе с тем сейчас я искал в нем то, что могло быть привлекательным в нем для Ксени, и казавшаяся замечательной тогда суровость его души, а может быть, черствость, которой я восхищался, представлялась теперь несовместимой с чистым, добрым и доверчивым сердцем Ксени. «Будет ли она счастлива с ним?» — спрашивал я себя и тут же отвечал: — Нет». Мне не хотелось думать плохо о бывшем своем комбате, я видел лишь несоответствие характеров, и было в этом несоответствии что-то обнадеживающее для меня. Но я ошибался тогда, потому что рассуждения мои были продиктованы не разумом, а чувством, мне казалось, что то, что испытываю я к Ксене, не может и не в состоянии испытывать никто другой, что только во мне столько нежности и любви, столько доброты, что я могу одарить не только Ксеню, но весь мир своею щедростью, и что э т о, что есть во мне, не может и не должно быть, по крайней мере по отношению к Ксене, ни в ком другом на свете. К сожалению, думая так в молодости, мы все ошибаемся; то, что есть во мне, вполне может быть и в другом, и в третьем, и в четвертом. Но я вот так думал о своем бывшем комбате и, сравнивая его

с собой, чувствовал, что я бы более осчастливил Ксеню, чем он, и чем отчетливее представлял себе это, тем мучительнее и больнее было на душе. Я сидел неподвижно, склонившись, обхватив виски ладонями и упершись локтями в колени, и лицо мое, наверное, было красным от возбуждения; за перегородкой о чем-то разговаривали Мария Семеновна с Ксеней, я слышал отрывки их фраз, смысл которых, однако, совершенно не доходил до моего сознания; я был занят собою и говорил себе: «Так вот почему он так долго смотрел на нее тогда, в то утро, когда она, прыгнув с крыши, лежала в снегу, а я держал на ладони ее голову, и вот что означали его нежное пожатие и его слова: «До свадьбы заживет!» Как же я не сообразил тогда! Вот что все это значило. Зачем я приехал? Для чего завтрак? Надо сейчас же встать и уйти, да, сейчас же, и забыть, не думать, все равно уже ничего не вернешь»,— думал я, продолжая, однако, сидеть все в той же позе, не двигаясь, даже когда по звукам шагов почувствовал, что вошла Ксеня и что, остановившись, смотрит на меня.

— Вы устали?— спросила она.

— Да, немного есть,— подтвердил я, разгибаясь и глядя на нее.— Но ничего, пусть это вас не волнует,— поправился я, заметив озабоченность на ее лице.— Горячего чайку, и все пройдет. Я ведь только проведать... после того... помните? А вечером — дальше, домой.

— Когда ваш поезд?

— Вечером. Ночью.

— Вася придет с работы в шесть, вы уж дождитесь, он будет рад. Мы ведь не раз вспоминали о вас,— сказала она, и при этих словах опять какой-то будто румянец вспыхнул на ее лице.— Вы, может быть, хотите умыться с дороги? — спросила она, чтобы, наверное, перевести разговор на другое.— Умывальник в сенцах, там и полотенце чистое я повесила, пожалуйста, а потом и к столу, пока картошка горячая и чай.

Я умывался и не чувствовал, что вода была холодной; все та же мысль — опоздал! — как будто переполняла мою голову, но думал я уже не о бывшем своем комбате, а о том, что если бы отпустили меня по первому поданному мною рапорту, а было это еще ранней осенью, как только дошла до нас весть о разгроме Квантунской армии и капитуляции Японии,— если бы тогда сразу отпустили, все было бы иначе, и не я, а комбат хлюпался бы сейчас под умывальником, ругая себя, досадуя и переживая; того, что ему еще на Сандомирском плацдарме оторвало руку, что приехал он уже около года назад и что, подай я рапорт даже раньше, сразу после взятия Берлина, все равно бы не успел,— этого я еще не знал и проклинал про себя тот маленький зеленый австрийский городок Пургшталь, по улицам которого бродил в ожидании, когда наконец будет решен мой вопрос, и в тоске по этим нашим теперь заснеженным и еще как будто пахнущим фронтовым дымком русским деревянным избам Калинковичей. Уже сидя за столом, я думал все о том же, о своем, и прилагал немало усилий, чтобы хоть на время приглушить этот поток растравлявших душу мыслей и послушать Ксеню. Она рассказывала, как лежала в Брянске, в госпитале, куда отвезли ее вместе с ранеными в санитарном поезде и куда несколько раз, упрашивая кондукторов и забираясь в попутные эшелоны, приезжала к ней мать. Но из всего того, что говорила Ксеня, я понял лишь одно: что все обошлось, слава богу, благополучно, что пока никаких последствий нет, хотя и надо еще беречься. Я слушал, смотрел на нее, с болью чувствуя, как счастье уплывает от меня; я бы не мог сейчас пересказать с подробностями, о чем она говорила, но одну фразу помню дословно, потому что она особенно поразила меня: «Зря вы не взяли меня тогда санитаркой на батарею, я так хотела, я, вы знаете, готова была на все». И слова эти ее как бы вновь мгновенно вернули меня в то морозное январское утро, когда она, худенькая девочка, лежа на носилках, просила: «Почему вы не взяли меня?» Краснея в который раз за эти часы, пока был здесь, в доме Ксени и Марии Семеновны, и разговаривал с ними,— я протянул руку и, как тогда, в машине, пожал мягкую и теплую ладонь Ксени. Слов, чтобы выразить свои чувства, у меня не было, и я сделал это — пожал, и все! — хотя и сознавал, что нельзя было так делать, что это было неловко, глупо, смешно, наконец, нетактично, ведь она замужняя женщина, но я не мог сдержаться и, понимая свою нетактичность и видя, как взглянула на меня при этом Ксеня, как посмотрела сидевшая тут же Мария Семеновна, покраснел еще больше и, как будто намереваясь протереть глаза, прикрыл ладонью лоб и щеки. «Теперь-то для чего все это?» — сказал я себе. Я ни минуты уже не сомневался, что они знают, для чего я приехал к ним, и мне было, с одной стороны, приятно сознавать, что понимают, а с другой — я чувствовал себя в каком-то глупейшем, униженном положении. Я ел мало, и чай казался мне безвкусным и пресным; о том, что лежало в моем вещевом мешке и что собирался я с торжественностью (вот ведь как играет иногда воображение!) высыпать на стол,— я совсем забыл: мне было не до этого; допив чай и поблагодарив Ксеню и Марию Семеновну, я сказал, что хочу пройтись по городу и посмотреть, как он выглядит теперь, этот самый их город, который когда-то, два года назад, я освобождал вот в такую же зимнюю пору, и что уж по одному этому он и мне дорог и памятен; фактически же я уходил просто потому, что не мог оставаться далее в избе, рядом с Ксеней, хотелось побыть одному, чтобы пережить и обдумать все то, что случилось со мной.

— Пусть пока чемодан и вещевой мешок полежат у вас,— попросил я.

— Какой разговор! — ответила Мария Семеновна.

— Может быть, вы бы отдохнули с дороги? — сказала Ксеня, на лице которой я все более замечал растерянность и какое-то еще чувство, будто жалости или сострадания ко мне, чего я еще не мог да и не в состоянии был определить.

— Нет, спасибо. У меня ведь только один день, и я все должен посмотреть.

— Но к обеду мы вас ждем, возвращайтесь непременно!

— Постараюсь,— сказал я и, слегка поклонившись, сам не зная, для чего, в знак благодарности за гостеприимство и завтрак, что ли, вышел на улицу.

Но куда мне было идти? Что смотреть? Я зашагал к центру, разбрызгивая сапогами жидкую снежную кашицу, глядя по сторонам и снова как будто чувствуя, что да, чем-то

фронтовым веет от этих обветшалых деревянных изб; кое-где из-под снега проглядывали то фундамент, то остов кирпичной печи на месте разнесенных когда-то снарядами и сгоревших домов. Я дошел до вокзала, до барака, в котором ночевал, и повернул обратно к центру; несколько раз я то оказывался вдруг на шоссе Мозырь — Калинковичи, то опять у дощатого барака, вышагивая, наверное, по одним и тем же улицам, но не замечая этого, не замечая оживления возле магазинов и киосков. Я не замечал даже усталости, потому что мир, которым я жил все эти часы, не имел ничего общего с тем внешним — избами, людьми, магазинами, тротуарами,— который окружал меня; то, что за многие месяцы было создано в моем воображении — будущая совместная жизнь с Ксеней,— что представлялось и в напряженные минуты боя и затем в далеком Пургштале не только возможным, но непременным, неминуемым, неизбежным, теперь рушилось во мне, рушился мир, в котором я мог бы жить и чувствовать себя счастливым. Но что все же так влекло меня к Ксене: тот ли порыв души, когда она, преодолевая все преграды, стремилась к нам на батарею (я знаю, она бы вышла тогда за меня замуж, не колеблясь ни одной секунды, хотя, как я узнал уже спустя много лет, была у нее и другая, *своя*, личная причина пойти на фронт, хоть санитаркой, хоть заряжающим к орудию, все равно, как она сама говорила); или вид ее серебристо-серых кос, ясных глаз и неповторимых, как мне и теперь кажется, линий ее лица; или то неразгаданное, что я только чувствовал в ней, улавливая огромную доброту ее души, ту женскую доброту, которая может сделать счастливым любого живущего на земле человека; да, скорее всего именно это было главным, отчего я так тянулся к ней; и проявлялась эта доброта в ней не отчетливо, не вдруг, не так, чтобы сразу видна и понятна, а в разных как будто мелочах, в движениях, во взгляде, в тоне голоса, в незначительных поступках, свидетелем которых я был и в тот далекий вечер, когда впервые увидел ее, и вот сейчас, в день этой встречи, как она принимала, разговаривала и как вела себя; доброта в ней была естественной, природной, а не вынужденной или продиктованной этикетом, и этого нельзя было не почувствовать с первой же минуты знакомства с ней, и я снова убедился в этом, когда вечером, вернувшись, наблюдал, как она распоряжалась и хозяйничала в доме. Я пришел поздно, было уже довольно сумрачно; уставший, в заляпанных грязью сапогах, я еще стоял у калитки, а на крыльцо, приготовившись встречать меня, уже вышел капитан Филев, бывший мой комбат и теперь счастливчик, опередивший меня. Я сразу узнал его и сразу же заметил пустой рукав еще армейской гимнастерки, заткнутый за широкий офицерский ремень. Вышла и Ксеня в платке; и даже Мария Семеновна, не желавшая, очевидно, отставать от всех и проникшаяся общим добрым настроением, стояла тут же, позади дочери.

— Ты что же это? — с упреком и радостью сказал Василий Александрович, шагнув мне навстречу и одною рукою обнимая меня, и я почувствовал, как теплые губы его и жесткая щетина не бритой, наверное, со вчерашнего дня бороды прильнули к моей щеке.— Мы тебя ждем, Ксеня ко мне на работу бегала, я пришел пораньше, отпросился, мы ждем тебя, а ты, чертяка...— Он снова обнял меня и приложился своею жесткою щетиной.— До старшего дослужился, вижу. В отпуск? Или по чистой?

— По чистой.

— Домой?

— Да.

— Гражданку тянуть?

— Да.

— Ну заходи, чертяка. Орден боевого-то получил? Носишь? А жаль, что Героя не утвердили. Я часто вспоминаю: как ты лихо тогда!.. И подполковник Снежников... Как он настаивал! Мы ведь все видели, ни на минуту не спускали с тебя глаз,— говорил Василий Александрович, снимая с меня шинель и усаживая за стол, на котором уже были расставлены тарелки с квашеной капустой, мочеными яблоками, солеными огурцами и залитой уксусом селедкой, а в центре возвышалась бутылка с коричневою сургучовою головкой. Было видно, что они ждали давно, и Василий Александрович особенно суетился, выказывая гостеприимство. Во все время вечера он казался возбужденным и веселым, и было что-то необычное, вернее сказать, непривычное для меня в этом его настроении. Я знал его другим, угрюмым, малоразговорчивым, лишь однажды, в день того ложного сватовства в этом же вот доме, он держался оживленно, но тогда заметна была искусственность в его шутках и репликах; теперь же будто что-то изменилось в нем, и чем внимательнее (насколько, разумеется, хватало у меня внимания при том моем состоянии) я слушал его и наблюдал за ним, тем сильнее утверждался в догадке, что да, что-то действительно изменилось в характере бывшего моего сурового и строгого комбата. На самом ли деле радовался он моему приезду или перемена имела иную и более вескую причину — доброе влияние Ксени? — я еще не знал тогда, лишь отдаленно возникала у меня такая мысль, но время показало, что я был прав в своем предположении, которое, кстати, в те минуты отнюдь не радовало, а, напротив, только огорчало меня. Я вспомнил о времени потому, что много лет спустя Василий Александрович как-то в порыве откровения сказал мне такую фразу: «Очень важно, Женя, кто рядом с тобой. Важно для жизни». А ведь рядом с ним была Ксеня, и для меня в тот вечер было особенно больно, что она с ним, а не со мной. Я выложил из вещевого мешка консервы, сухари, все, что было из продуктов, и достал фляжку с водкой; рюмку за рюмкой поднимал я вместе с бывшим своим комбатом, теперь Ксениным мужем, провозглашая тосты за их счастье, за победу, потому что все мы жили тогда еще тем радостным чувством, что разгромили врага, что тяжелые будни войны уже позади и что пусть потихоньку, помалому, но жизнь теперь пойдет в гору, на улучшение, что легче будет народу, а значит, легче и нам; словом, разные тосты поднимали мы; я пил, закусывал, но в противоположность Василию Александровичу не только не пьянел и не веселел, но с каждой минутой все более тревожные и мучительные думы охватывали меня. В голосе Ксени, когда она, обращаясь к мужу, произносила: «Вася!» — мне казалось, было что-то особенное, и я, пытаясь уловить всю ту особенность интонации, теплоту, нежность, представлял, как бы звучало мое имя в ее устах; до боли в сердце мне нравилось, как она ухаживала за всеми нами, в том числе и за матерью, Марией Семеновной, заменяя тарелки, предлагая кушанья и не оговариваясь, не стесняясь той скромности угощений, какие были на столе; она знала, что подано все, что только имелось в доме лучшего, щедрость эта была для нее естественной и потому радовала ее. Как и во время первой встречи, когда я смотрел на ее лицо, оно представлялось мне не просто красивым само по себе своими правильными и четкими линиями, оно опять будто было подсвечено тем внутренним светом, теми чувствами (может быть, и воспоминаниями того морозного январского вечера), какие теснились в ней теперь и отражали всю ее ясную, чистую и щедрую своей добротою натуру. Эти чувства были обращены не ко мне, а к мужу, Василию Александровичу, я понимал это, и именно это делало мучительным для меня встречу. Чем более я сознавал, что она потеряна для меня, тем отчетливее, казалось, чувствовал, что никогда не смогу позабыть ее и что жизнь без нее будет для меня пустой, неинтересной, ненужной. Не в силах сдерживать себя, я мрачнел и все чаще поглядывал на часы, будто и в самом деле надо было спешить на вокзал, к поезду, хотя никакого билета у меня не было, и утром я сказал неправду Ксене, что уезжаю сегодня же; но сейчас я даже сам как будто верил, что мне надо спешить на вокзал.

— Во сколько отходит? — спрашивал Василий Александрович.

— В три тридцать.

— О-о, еще есть время, еще успеешь.

Немного погодя я снова смотрел на часы, и опять между нами происходил тот же разговор.

— Еще успеешь! Мы с Ксеней проводим тебя. Ей завтра все равно на работу не идти, а я ничего, еще отосплюсь. Как хорошо все-таки, что ты приехал, чертяка! — говорил он, но я все явственнее чувствовал, что не могу более оставаться здесь.

В двенадцатом часу наконец я встал и решительно заявил, что ухожу.

— Собирайся, Ксеня, проводим.

— Нет, не надо,— возразил я.

— Почему?

— Не надо,— повторил я даже, наверное, немного грубовато, потому что мне действительно не хотелось, чтобы они провожали меня. Пожав всем руки и пожелав Ксене и Василию Александровичу счастья, я надел шинель, накинул на плечи теперь уже порожний вещевой мешок и вышел на крыльцо.

Следом за мною вышли Василий Александрович и Ксеня.

К ночи подморозило, перила крыльца схватились тонким скользким ледком, я почувствовал это сразу, едва положил на них руку, и ощущение холода под ладонью живо напомнило тот казавшийся мне теперь далеким-далеким морозный декабрьский вечер, когда вот так же разгоряченный, но с совершенно иным настроем мыслей, счастливый, я стоял здесь, на крыльце, на этом же самом месте, ожидая комбата четвертой, старшего лейтенанта Сургина, и, как на гашетку — «Огонь! Огонь! Огонь!»,— нажимал на заиндевелые и начавшие уже подтаивать под рукою перила крыльца, салютуя своим радостным чувствам, а впереди по горизонту полыхали зарева пожарищ; я вспомнил мгновенно все то настроение, те чувства и мысли, какими был переполнен и жил тогда, и хотя теперь передо мною в ночи не было горевших деревень, а лишь мирно светились уличные фонари засыпавших Калинковичей да редкие еще в то время огни витрин,— за этими огнями, вдали, я видел те когда-то озарявшие небо зловещие всполохи войны; инстинктивно, не знаю сам, как, возникло во мне это желание, только я раз за разом, быстро и, конечно же, незаметно ни для Ксени, ни для Василия Александровича, нажал ладонью на перила крыльца, как на гашетку, точно так же, как тогда, про себя считая и только сам слыша выстрелы: «Раз! Раз! Раз!» — и какое-то страшное, злое чувство охватило меня, будто стрелял я не просто в пространство, а как в том заснеженном лесу, под деревней Гольцы, по перекрывшим дорогу немецким самоходкам. Но длилось это всего несколько секунд. Ни Ксеня, ни Василий Александрович, я думаю, даже не догадывались, что творилось в моей душе, полагая, что я засмотрелся на ночные Калинковичи, которые были хорошо видны с крыльца, так как изба стояла на возвышении. Василий Александрович, дружески тронув меня за плечо, спросил:

— Любуешься? Я тоже, брат, долго не мог привыкнуть к этим мирным огням. Бывало ведь как — и папиросу в рукав, да еще и под полу шинели.

— Да,— ответил я как будто Василию Александровичу, но более своему течению мыслей.— Будем привыкать к новому,— и, еще раз пожелав счастья Ксене и своему бывшему комбату, поднял чемодан и пошел по подмерзшей теперь дорожке через двор на улицу.

Ксеня осталась на крыльце. Было темно, я не разглядел ее лица, Василий Александрович же проводил меня до калитки.

— Ты погоди,— сказал он вдруг, когда я шагнул было уже на тротуар,— не уходи с сердцем, я же вижу, ты пойми, я не мог иначе. Ты вот едешь домой, к матери, а мне куда было? Сожжено все: ни избы, ни родных, ни деревни, ничего! И к тому же — ведь я люблю ее,— добавил он, и по тону голоса я почувствовал, что он говорит правду.

— Желаю счастья! — однако сухо и даже с раздражением, как мне кажется теперь, ответил я и, ничего не говоря более ему, зашагал по знакомой, исхоженной днем дороге на вокзал.

Я уходил с чувством, что больше никогда не вернусь сюда, а жизнь за моей, как говорится, спиною уже прокладывала для меня дорогу к этому дому.

ПО ЗАКОНАМ КРАСОТЫ

Андрей ГОНЧАРОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Горит венок из алых маков, пунцовых роз, синих васильков. В центре венка, в обрамлении составленного из красных букв лозунга «Ленин вечно живой живет в веках» — ленинский профиль над цифрой «100».

Этот ковер, названный «Юбилейный», украинские мастерицы Е. Болдецкая и Г. Конюкова ткали для Всесоюзной выставки-конкурса произведений декоративно-прикладного искусства самодеятельных художников и мастеров народного творчества, приуроченной к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Я привожу это название полностью, чтобы читателям сразу стал ясен смысл, цели, содержание этой первой в своем роде выставки.

А начать разговор о ней захотелось мне именно с ковра «Юбилейный», потому что он более других экспонатов вобрал в себя главные, характерные черты выставки.

Ленинская тема, ленинский образ. Они контрапунктом прошли через красочную экспозицию, заполнившую Центральный выставочный зал — Манеж. Самодеятельные художники и мастера — представители многих национальностей решали эту тему и воплощали этот образ в разных техниках, разных материалах и каждый — в своей национальной манере, в традиционных приемах своего родного искусства. Объединяли же все эти несхожие произведения — выкованные ли из меди, вырезанные ли в дереве, вытканные ли из цветной пряжи — редкостная искренность, непосредственность, глубокая задушевность. В большинстве малые по размерам, камерные, они словно принесли по крупицам в Москву со всех концов великой страны любовь народа к Ильичу, дань сердечной благодарности.

Поглядите, с какой естественностью, как органично соединили украинские мастерицы красочное буйство венка — этого традиционного, излюбленного на Украине орнамента с портретом В. И. Ленина. Портрет Ильича они скопировали с произведения народного художника РСФСР Андрея Мыльникова. И слились вместе в единый художественный образ традиционный национальный мотив, искони повторяющийся в творчестве поколений народных мастеров, и высокий образец профессионального советского искусства.

Народное и профессиональное искусство всегда взаимообогащали друг друга. Но особенно процесс активизировался в наше время. Теперь предметы народного искусства — все эти обычные бытовые вещи: костюмы, посуда, ткани, ковры, домашняя утварь — перекочевали из этнографических музеев в музеи художественные. Народное искусство по праву поставлено на один уровень с высоким профессиональным творчеством.

В России интерес к народному творчеству у художников возник давно. А в начале XX века мы можем уже назвать целую плеяду выдающихся мастеров, в своем творчестве вдохновлявшихся весьма часто произведениями народного творчества.

Это М. А. Врубель с его работами в керамике. Это А. Я. Головин, опиравшийся при создании театральных декораций к пьесам Островского на фундамент народного искусства. Это Б. М. Кустодиев, которого невозможно представить вне связи с глубокими пластами народного русского национального искусства. Это К. Ф. Юон и Н. К. Рерих, которым древнее русское зодчество, его формы и орнаменты многое подсказали в творчестве...

Во Франции это Матисс, чьи коллажи — вырезанные и наклеенные бумажные композиции — впитали наивность, чистоту и непосредственность цветового восприятия, свойственные народу. Вот почему мы и вспоминаем об этом французском художнике, когда смотрим на представленные на цветной вкладке этого номера работы украинского колхозника Федора Примаченко, в которых цвет также словно бы сам выбирает нужную форму. Может быть, невольные ассоциации возникают оттого, что Анри Матисс в свое время увлекался древнерусским искусством, но возможно, что связи здесь глубиннее, в самих истоках творчества двух народов таящиеся: ведь известно, что французская крестьянка Серафина тоже расписывала яркими цветами свои панно.

...Да, много мыслей об искусстве, его истории, путях его развития, о путях, пройденных народом, рождала эта выставка, продемонстрировавшая столько красоты, мастерства.

Восемь тысяч экспонатов! Почти о каждом произведении хотелось бы рассказать.

Например, как появились в Москве пышногривые золотые кони, сделанные из соломы белорусской служащей Екатериной Артеменко.

...Жила эта женщина в городе, работала в учреждении. Однажды попало ей в руки какое-то изделие из соломы: забавная игрушка или фигурка. Вспомнилось Екатерине Гавриловне детство. Вороха душистой упругой соломы, на которой весело было валяться и из которой дед ее умел делать разные вещицы. Ближайший отпуск был потрачен на поездку в родную деревню. И выяснилось, что соломенные игрушки делали в Белоруссии не одно столетие. Земляки научили: солому нужно сначала пропарить, чтобы стала она послушной, гибкой, не ломалась.

А теперь многие узнали эту простую, забытую было технологию соломоплетения, прежде хорошо известную в белорусских селах. И закружились куклы в свадебном хороводе, понесли хлеб-соль навстречу гостям Белоруссии. Закрасовались соломенные кони с гривой из колосьев...

Говорят, что Екатерина Гавриловна Артеменко теперь работает на Могилевской фабрике художественных изделий. Можно только поздравить фабрику с таким замечательным художником.

Не менее великолепно чувствует материал — только он у него не мягкая солома, а металл — молодой эстонский слесарь Роберт Ильмярв. Его подсвечник «Старый Томас» — это очень верно и очень приятно организованное композиционное единство. Посмотрите, как точно соединен массив фигуры Томаса с кругом и четкими линиями стержней, на которых укрепляются свечи. Как тонко подмечен и передан мастером контраст между плоским металлическим стягом, который держит Томас, и объемом его фигуры! Со всеми этими художественными задачами так успешно мог справиться только, безусловно, незаурядный талант.

А глядя на «Петуха», сделанного мастером-стеклодувом из Гусь-Хрустального Вячеславом Михайловичем Клычковым, я пережил добрую творческую зависть. Какое чувство материала и современное ощущение формы! Какая тонкость соединения различных колеров! Какие переливы!

Очень внимательно рассматривал я многочисленные вышивки. В том числе и на тех праздничных таджикских платьях, что представлены на цветной вкладке. Первое впечатление — богатство раскраски. А вглядишься — использовано всего четыре цвета: красный, черный, белый, золотистая охра. Но, сплетенные в орнамент, они обретают звучность настоящего цветового празднества!

Я, художник-профессионал, много работавший в разных областях изобразительного искусства, сталкивавшийся с разными материалами и манерами, попав на выставку, особенно порадовался разнообразию материалов, в каких работают ее участники, и тому, как хорошо каждый из них понимает, чувствует этот свой материал, выявляет его возможности, красоту фактуры и пользуется всем этим в художественных целях.

Вот еще пример этому — выполненная рабочим из Полоцка Анатолием Михеенко скульптурная группа «Ходоки к Ленину», продолжившая на выставке по-своему, в иной народной традиции — традиции белорусской резьбы по дереву, ленинскую тему. Посмотрите, как именно фактура дерева помогает автору подчеркнуть основательность фигур ходоков, их прочное, коренное родство с землей России.

А на одном из стендов был показан образец использования вовсе уж необычного материала.

«Разъяренный зубр» — значилось на табличке. А в конце, после сведений об авторе (Балтенков А. К., 1941 год рождения, рабочий, Оренбургская область), было дополнительно проставлено: дерево, гвозди... И естественно, что всем не только хотелось полюбоваться произведением, но и каждый зритель, перегнувшись через огораживающую стенд планку, старался как можно ближе взглянуть на технику. А посмотреть было на что.

Вблизи, что называется перед изумленным взором, представала обыкновенная старая, разрубленная вдоль колода, посередине плотно утыканная новехонькими, разного размера гвоздями. Только и всего.

— Поди ж ты, гвозди! Гвозди, точно!..— Не замечая, что говорят вслух, и, собственно, ни к кому не обращаясь, восклицали толпящиеся зрители. А выпрямившись и снова взглянув на колоду с расстояния, они с удовлетворением видели перед собой опять того же разъярен-

ЛЕНІН

ВІЧНО ЖИВИЙ

ВІКАМИ ЖИТИМЕ

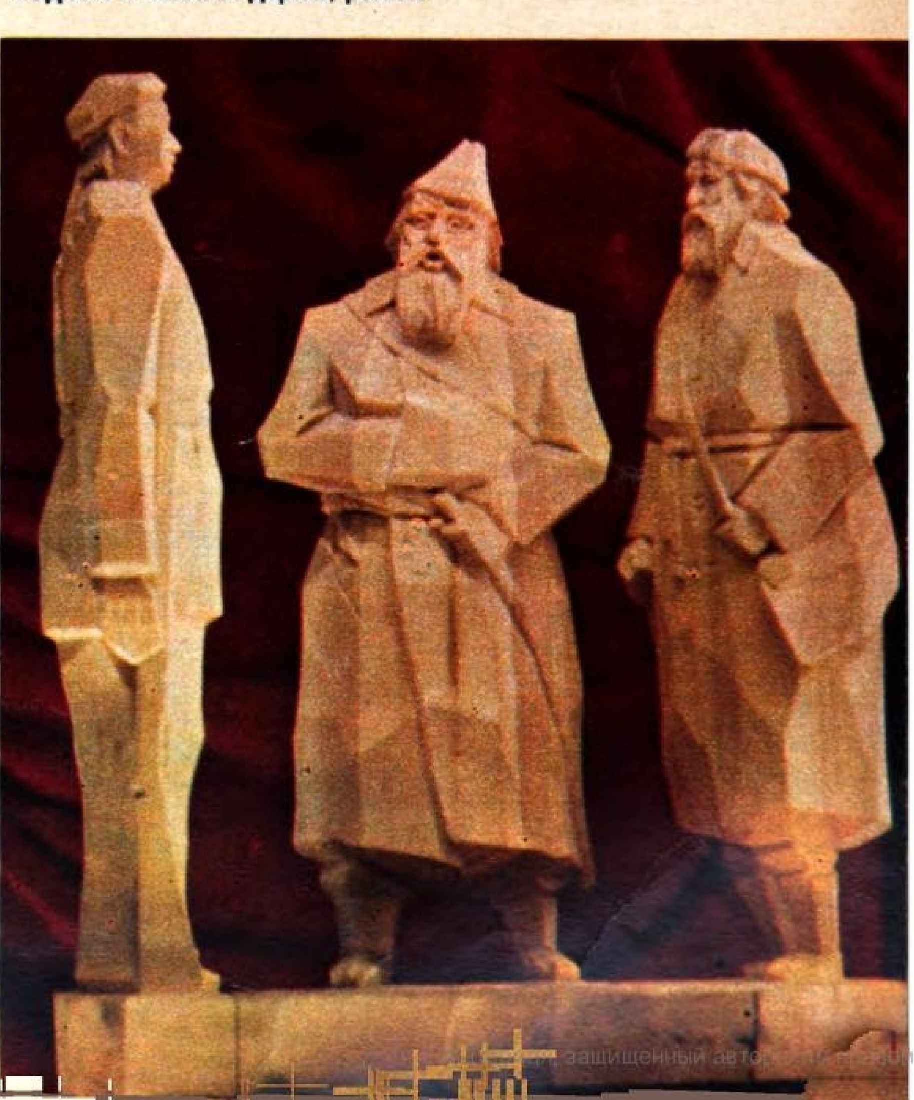
100

Е. Болдецкая, колхозница, Г. Конюкова, учащаяся (Украина). КОВЕР «ЮБИЛЕЙНЫЙ».

Д. Столяров, заведующий клубом (Белоруссия). ПОСЛЕ БОЯ. Дерево, резьба.

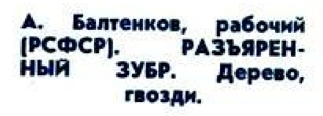
А. Михеенко, рабочий (Белоруссия).
ХОДОКИ К ЛЕНИНУ. Дерево, резьба.

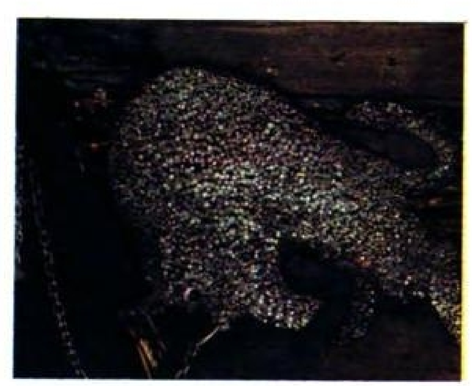
С. Саакян, инженер-конструктор (Армения). ЧАША. Чеканка по металлу.

А. Тугин, сталевар (Москва). КОМСОМОЛЬЦЫ 20-Х ГОДОВ. Чеканка по металлу.

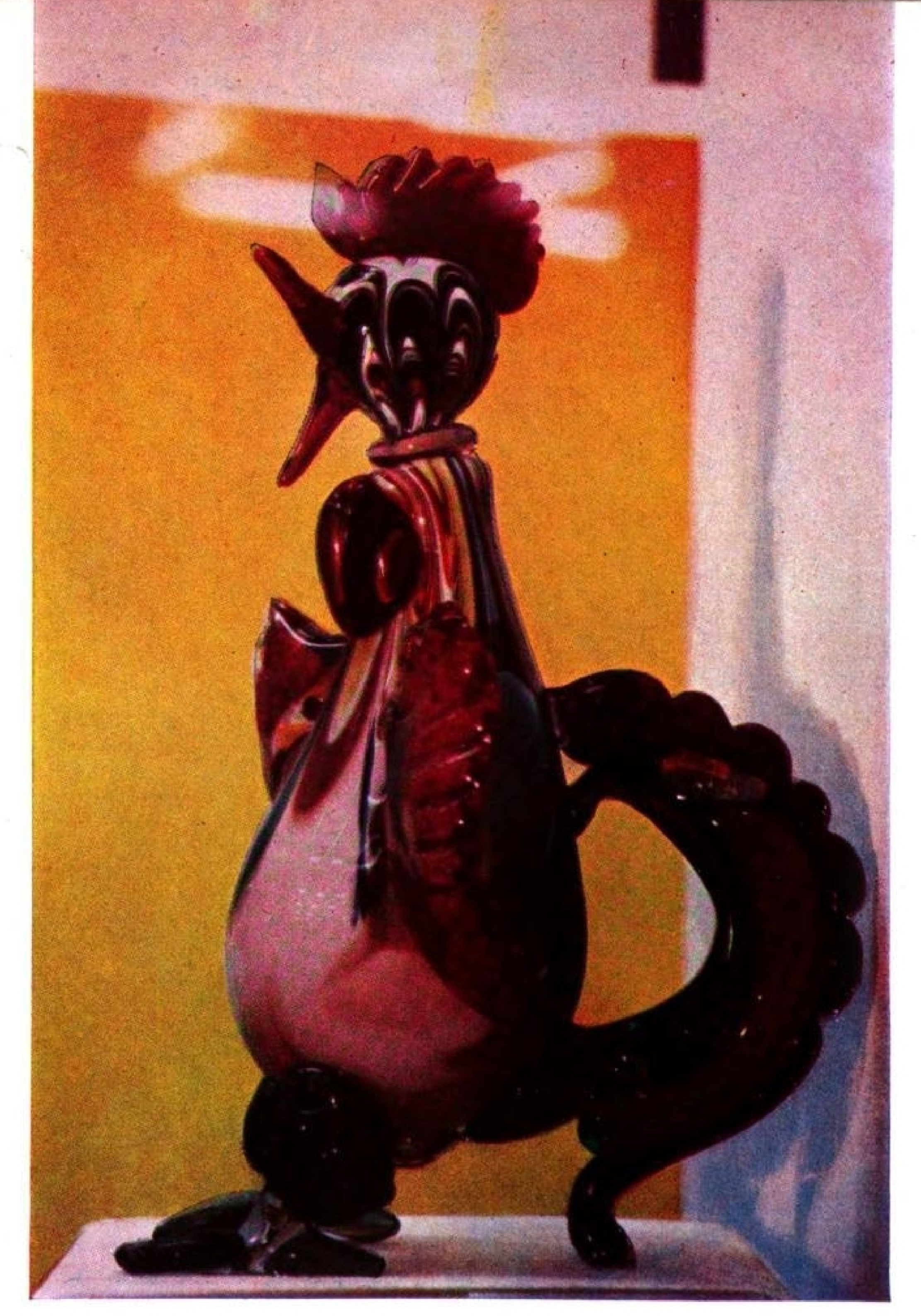
А. Балтенков, рабочий (РСФСР). РАЗЪЯРЕННЫЙ ЗУБР. Дерево, гвозди.

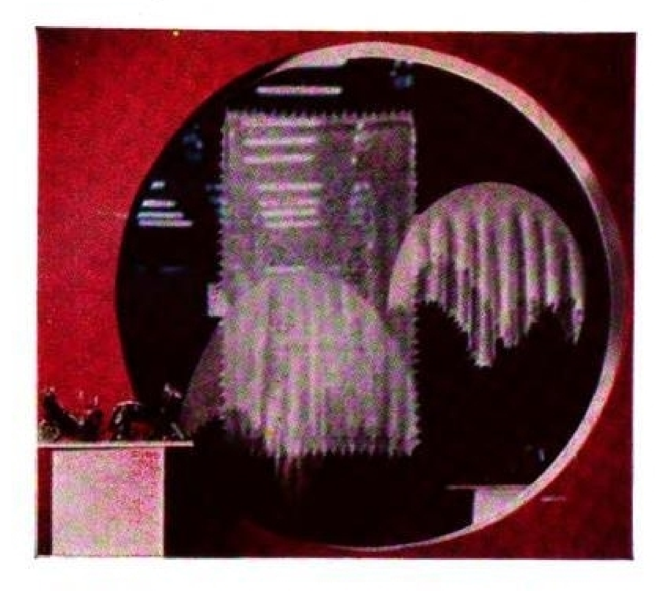

А. ЧУКАНОВ (РСФСР). РУЖЬЕ ОХОТНИЧЬЕ. Гравировка.

В. Клычков, мастер (РСФСР). СОСУД «ПЕТУХ». Стекло.

Н. Победимова, пенсионерка (РСФСР). ПЛАТКИ. Шерсть.

Р. Топчиашвили, зубной техник (Грузия). МУЗА. Латунь. Чеканка.

Мастер фабрики «Красносельская» (РСФСР). ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ СЕРЕБРА.

А. Сахаров, ювелир (Туркмения). ЖЕНСКИЙ СВАДЕБНЫЙ НАРЯД.

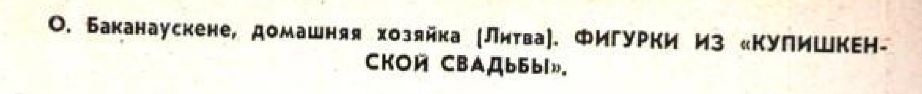
Р. Пльмярв, слесарь (Эстония). ПОДСВЕЧНИК «СТАРЫЙ ТООМАС».

Ф. Примаченко, колхозник (Украина). ДЕКОРАТИВНЫЕ ПАННО «ЦВЕТЫ УКРАИНЫ». Гуашь.

Е. Артеменко, служащая (Белоруссия). ПЛЕТЕНИЕ ИЗ СОЛОМЫ.

О. Баканаускене, домашняя хозяйка (Литва). ФИГУРКИ ИЗ «КУПИШКЕНСКОЙ СВАДЬБЫ».

А. Авдеева (РСФСР). НАРОДНЫЙ КОСТЮМ ВОЗНЕСЕНСКОГО РАЙОНА, ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ.

Е. Дмитракова и Н. Дмитракова, колхозницы (Белоруссия). ПОКРЫВАЛО.

Т. Хайдарова, рабочая (Таджикистан). ПЛАТЬЕ.

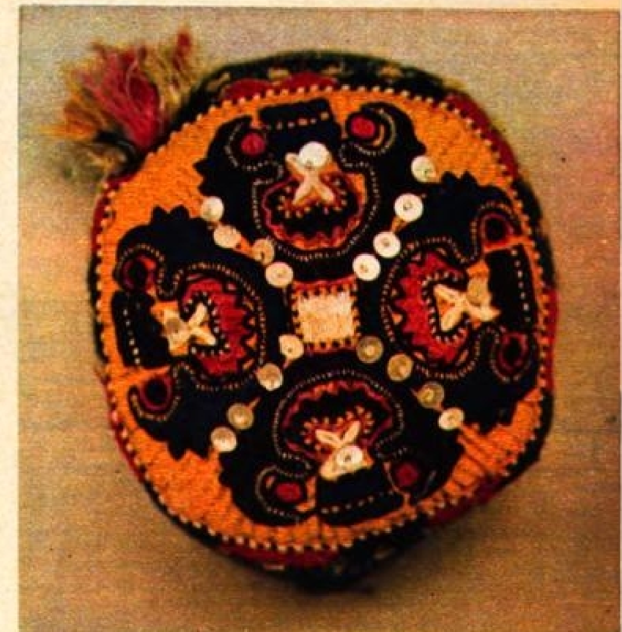
Внизу: А. Исматова, вышивальщица. ПЛАТЬЕ.

С. Поляков (РСФСР). КВАСНИК. Глина, полив.

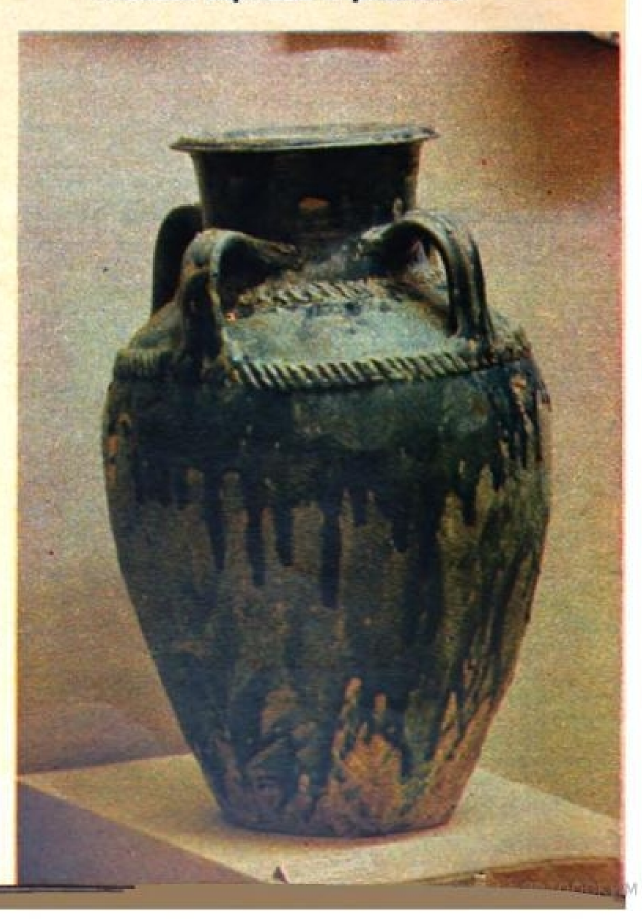
Н. Кузьмичев (РСФСР). СЕРВИЗ ДЛЯ МОЛОКА. Береста.

◀ К. Оразбекова, У. Абилова, домашние хозяйки (Казахстан). АЯК-КАЧ, ЧЕХОЛ ДЛЯ ПОСУДЫ.

Т. Махмудова, домашняя хозяйка (Узбекистан). ТЮБЕТЕЙКА.

А. Якубов, гончар (Узбекистан). КУВШИН. Поливная керамика с росписью.

ного зубра, вздыбившего крутую спину, упершегося в землю сильными ногами. Металлический блеск гвоздевых шляпок, ощетинившихся плотными волнообразными рядами, с удивительной точностью художественного образа передавал напрягшуюся живую сталь мускулов могучего зверя. А старая колода, казалось, повествовала о лесной жизни... Лежала бы она, корявая, источенная, готовая обратиться в труху. Но коснулись ее руки человека. Творца, художника. И в ответ, в благодарность она заговорила. Ну разве можно было теперь назвать ее просто фоном?! Она ожила. И жизнь эту подарило ей искусство...

Не только обо всем рассказать, все описать, но даже только перечислить основные группы произведений, продемонстрированных выставкой, невозможно в журнальной статье. Прибыли ее экспонаты изо всех пятнадцати республик, из многочисленных краев, областей, автономных республик РСФСР. И отбор их был самый широкий и тщательный. С небольших, местного значения экспозиций — в клубах, Домах культуры, на предприятиях — лучшие произведения поступали на районные, областные, краевые, художественные выставки-конкурсы, затем — на республиканские и зональные. И только потом на эту, всесоюзную!

Поражала здесь разнообразием представленных произведений, контрастностью колоритов, стилей, материалов многонациональная Российская Федерация. На стендах этой республики демонстрировали свое искусство павлово-посадские ткачихи и резчики по кости из Заполярья, ленинградские, орловские стеклодувы вместе с мастерами Гусь-Хрустального; ярославские, рязанские гончары и дагестанские инкрустаторы; тульские, горьковские, калужские игрушечники и чеканщики Ставрополя; на весь мир прославленные вологодские кружевницы и архангельские пряничники; ивановские мастера росписи по дереву и лакам и вышивальщицы с Заонежья и Курщины, из республик Коми, Мордовии, Якутии...

Одних лишь ковровых изделий каких только не было здесь! От карельских, московских, новгородских лоскутных половиков или веревочных настенных панно, созданных ленинградскими мастерицами из обычного шпагата, до шерстяных сибирских ковров в букетах роз или собранных из разного меха в изысканную мозаику пушистых паласов, присланных с Дальнего Востока, Камчатки.

Не менее щедро показали свое народное творчество все другие республики. Грузинские чеканщики соревновались на выставке-конкурсе с эстонскими и латышскими ювелирами, хивинские мастера по металлу — с украинскими гончарами; литовские вязальщицы—с бухарскими ткачихами-ковровщицами; молдавские бочары — с неманскими стеклодувами...

Искусство и народ. Действительно, все, что показала выставка, каждый художественный предмет на ней сделан людьми, для которых искусство не профессия — жизненная потребность, для кого жизнь немыслима без творчества, без искусства. Это рабочие и колхозники, пенсионеры и учащиеся, кустари и умельцы... Люди самых разнообразных профессий. Рядом с фамилиями авторов в отличие от обычных выставок на этой в табличках под экспонатами можно было еще прочесть: слесарь, охотник, ассистент режиссера, зубной техник, тракторист, инженер-конструктор, учитель музыки, геодезист, лесник, партийный работник, механизатор, педагог, сталевар, домохозяйка, кинооператор...

Проблемы эстетического воспитания, бережного отношения к истокам национальных культур, самого существования народных кустарных промыслов, организации этих промыслов в современных условиях, реализации их поистине драгоценной продукции... Среди многих этих весьма важных, актуальнейших проблем, затронутых ею, поднимала выставка еще и проблему досуга, предлагая творческое ее решение.

Ведь она вызывала у людей желание потратить свободное время не на пресловутого «козла», а на то, чтобы, например, вырезать из обыкновенного кровельного железа ажурные дымники с диковинными птицами-флюгерами, как то сделал сорокапятилетний слесарь из города Тотьмы на Вологодчине Владимир Марков. Или связать из пушистого клубка шерсти такой вот теплый и легкий кружевной платок, какие умеют создавать мастерицы в Литве, Латвии, Ленинградской области... Или, что еще проще, из обычного лыка — любимого материала русского крестьянина — сплести невесомый короб, чтоб пойти по грибы всем семейством! Или вылепить забавные глиняные фигурки вроде той «Бабиной коровы» либо «Злого дикого кабана», которых сделала из шамота штукатур Мария Галушко, живущая в столице Украины.

Мы часто повторяем, что таланты в народе неисчислимы. Но говорим это иногда отвлеченно, неконкретно. А вот экспозиция выставки-конкурса, сразу исключив какую бы то ни было абстракцию, превзошла все наши представления, предположения, ожидания. Превзошла широтой и многообразием проявления художественного творчества в народе, щедростью красок, бесхитростностью и вместе богатством фантазии, а главное, многочисленностью самых что ни на есть обычных и привычных предметов, вещей домашнего обихода, без которых не обойтись и которые от прикосновения добрых и талантливых рук превратились в произведения искусства. Все эти чашки, ковры, блюда, платки, кухлянки, туеса, ложки, детские люльки, сундуки... словно говорили: «Видите, как много красоты могут вместить ваши жилища, ваш быт. Только нужно уметь видеть красивое, уметь отличать его от суррогатов, подделок, фальшивок, уметь создать красоту своими руками!»

Замечательная эта выставка показала впервые прикладное самодеятельное творчество народа отдельно, а не вместе с самодеятельной станковой живописью, графикой и скульптурой. Именно потому стала она на уровень с самыми представительными экспозициями, демонстрирующими профессиональное искусство. Вещи, прежде всего исполненные не просто «самодеятелями», а теми, в чьих руках живут сегодня древние ремесла, промыслы, ручное мастерство — гончарами, резчиками, ткачами, вышивальщицами, кузнецами,— предстали для нас полными особого очарования. Ведь они еще раз подтвердили, что художник черпает свое вдохновение в народном творчестве. Произведения кустарей и умельцев показали нам еще и неотрывность нашу от поколений предков, так как в них нестареющая, вечная красота, выверенная временем, являлась перед нами делом рук наших современников. Простых людей, живущих рядом с нами!

Сейчас выставка закрылась. Она радовала и учила, восхищала и пропагандировала. Пропагандировала красоту и человечность.

И хочется думать, что это только начало!

Хатынская

1

СЛУШАЙТЕ, ГРАЖДАНЕ!

Люди, внимайте! Слушайте, граждане,
Медные горла скорбят.
Пусть откликается каждое, каждое
Сердце на этот набат.

Серые плиты, слезами политые.
Черный обуглен гранит.
Четверть столетья, печалью повитая,
Родина память хранит.

Яркие капли пунцовых бегоний
Кровью живою горят.
В пламени скорчась, в последней агонии
Здесь страстотерпцы лежат.

Вздыбленный горем, страданьем, утратами,
Словно возмездия крик,
Сына, простреленного автоматами,
Бронзовый поднял старик.

Поднял на плечи широкие, темные
Скорбь всей Отчизны кузнец.
С нею встречает он толпы паломников,
Чует биенье сердец.

Люди, внимайте! Слушайте, граждане!
Медные горла скорбят.
Пусть откликается каждое, каждое
Сердце на этот набат.

Чтобы оно над святыней не плакало,
Слезы теперь не нужны,
Вы разожгите от вечного факела
Гнев против новой войны.

Люди, внимайте! Слушайте, граждане!
Слушайте, граждане!..

2

НА ВЕТРУ ТРИ БЕРЕЗКИ

На ветру шелестят три березки счастливо,
А четвертая стала священным огнем.
Если три белоруса остался живы,
То четвертому вечную память поем.

Ой ты, мать Беларусь, твою землю живую,
Где покоится каждый четвертый — не жив,
Как ладони Отчизны своей, поцелую,
Эту песню горючую в них положив.

В сорок первом удар первой ты принимала
В лязге, в скрежете танков, прижатая тьмой,
И оставшихся бомб над тобою немало
Наспех сбрасывал «юнкерс», возвращаясь
домой.

Навзничь падала ты, но вставала, живая,
Поручив партизану найти палача...
Лен горел, голубые глаза прикрывая,
Рожь горела, колосьями в небо торча...

Молчаливые камни Хатынской поляны
Никогда никому не дадут позабыть,
Сколько вложено сил, чтоб закрыть твои
раны
И кровавые слезы твои осушить...

Ой ты, мать Беларусь! Ты такой нам
не снилась.
Твои новые крыши под солнцем блестят,
Ты над каждою хатой в заботе склонилась,
Твои аисты дарят тебе аистят.

Трактора твои в споре стрекочут на пашнях,
Задушевная песня за душу берет.
В городах, на воздвигнутых наново башнях
Бьют часы, отмечая космический взлет.

Но когда три березки смеются счастливо,
А четвертая стала священным огнем,
Помним: три белоруса осталися живы,
А четвертому вечную память поем.

3

ХАТЫНЬ, ГДЕ ТВОИ ХАТЫ!

Хáтынь! Хáтынь!
Хáтынь, где твои хаты?
Где твои хаты с дымками,
С травками под потолками,
Кочет с полуночным криком?
Радость в калитке со скрипом?
Звездная брешь сеновала?
Песни Ивана Купалы?..

Где твои жители, Хáтынь?
Деды, и бабки, и внуки.
Извергам, катам проклятым
Отданы в грязные руки.
Каждая хата горела,
В небо столбом упираясь.
Пламя трещало, гудело,
Все приграбастать стараясь...

Факел, факел!
Факел — каждая хата,
Сложена ладно когда-то.
Старые, крепкие бревна
Собраны были любовно
Честной, крестьянской рукою.
За что же возмездье такое?

Хáтынь! Хáтынь!
Хáтынь, где твои хаты?
Жизнь покорилась судьбе:
Столб и набат на столбе:
Дон! — Яскевичей дом.
Дон! — Желобковичей дом.
Дон! — Мироновичей дом.
Дон! — Барановского дом...

...И тишина, тишина
Летним дурманом полна...
Из бирюзовой оправы
Жаворонок
Жемчугом ринулся в травы...

4

ЯДВИГА КАМИНСКАЯ

Имя твое романтично — Ядвига,
Сказочный шлейф королев...
Полночь, луна, незакрытая книга,
Сердце не спит, изболев.

В небе зловеще гудят бомбовозы,
Хаты присели, молчат...
Верба украдкой спустила на лозы
Выводки серых зайчат...

Помнишь, как осенью немцы, Ядвися,
В школу к тебе ворвались?
С ними ефрейтор с повадкою лисьей,
Рыжий, как Рейнеке-Лис.

Стали выбрасывать книжки, игрушки,
Парты прикладами бить.
Ты удивлялась, что могут веснушки
И у эсэсовца быть...

...Будем мы помнить тебя, дорогая,
Помнить, доколе живем.
Вместе с тобою сгорели в сарае
Все твои дети живьем!..

Сколько ж таких уничтожено! Боже,
Призраки, призраки сплошь...
Слово «Ядвига» на «подвиг» похоже.
Подвиг Ядвиги. Ну, что ж!
Ты бы, наверно, его совершила,
Если бы не палачи...
Помни, учитель: великая сила —
К детскому сердцу ключи...

Глыбы гранита тоскуют о мести.
Вечное пламя дрожит.
Здесь, под землею, с хатынцами вместе
Яся, Ядвига лежит.

5

ДЕРЕВО

Было ли ты липой или тополем,
Кленом ли зеленым иль ольхой?
Босиком к тебе ребята топали
По траве росистой иль сухой.
В сень твою свои обиды личные
Старики несли, бородачи.
Под тобой таращились тряпичные
Куклы, позабытые в ночи...

Страшно ты, красиво и таинственно.
Не решаясь подойти, стою.
Ну, хотя бы лист один-единственный,
Чтоб породу угадать твою.
Ни листка! Ты серебристо-белое.
Видно, зябко без коры тебе.
Ветви твои — руки обгорелые —
К небу простираются в мольбе.

Дерево. Свидетель преступления,
Ничего теперь нельзя вернуть,
Если две семьи, три поколения
Под тобой прошли в последний путь...
На снегу цветки подушек ситцевых,
И картавый говор в закромах,
И тевтонцев бой с домашней птицею
Перед тем, как поджигать дома.

Ты считало, дерево, ошибками
Всхлип гармошки на грузовике
И немужественные, с нашивками
Рукава в золе, в крови, в муке...
И когда насытился сверхмерами
В кителе каратель, озверев,
Был приказ отхаркан офицерами:
Поджигать людьми набитый хлев...

Тут такое ветви твои видели,
О соседях маленьких скорбя,
Что не будет для тебя погибели,
Как не будет жизни для тебя.
До корней древесный сок твой выкипел,
И навек твой ствол окаменел,
Дерево...
Дерево...

Наталья КОНЧАЛОВСКАЯ

ПОЭМА

поляна

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

6

ЧЕТЫРЕ КОЛОДЦА

Четыре колодца, четыре криницы.
Увидишь, и сразу захочешь напиться.
Над каждой криницею крыша поката,
Как было при людях, как было когда-то.
И в каждом колодце вода ключевая,
Холодная, чистая, вечно живая.
Когда-то здесь ведрами звонко стучали,
Любимых любимые тайно встречали.
И летом, в медовые дни косовицы,
Сюда прибегали напиться водицы...

Теперь это все, что осталось живого,—
Колодцы да сердце хатынца седого,
Того кузнеца, что, вырвавшись чудом,
Родных собирал по обугленным грудам.
Вся в пламени, рухнула крыша сарая,
И люди оттуда ползли, обгорая.
С пригорка стреляли по ним автоматы —
Без промаха били фашистские каты.

Тогда-то, одежду горящую сбросив,
На снег повалился Каминский Иосиф.
Сквозь бешенство пламени, черного дыма
Искал он меж мертвыми старшего сына.
Искал и нашел на снегу, чуть подале,
Но мальчика пули насквозь пронизали,
Успел он лишь вымолвить: — Тата, где мама?—
И умер... И нá руки сына Адама
Взял старый кузнец. И стоит он с тех пор,
Отлитый из бронзы,— фашизму укор.

Четыре колодца в утраченном мире.
Живые, как времени года четыре.
И в каждом колодце его отраженье:
Весна и березовых соков броженье,
Лен лета, плодами тяжелая осень,
Зима с ворожбою заснеженных сосен.
Четыре колодца, четыре криницы.
Хотела бы каждой из них поклониться.

7

ХАТЫНСКАЯ ПОЛЯНА

Кладбище сел
На Хатынской поляне.
Кто б ни пришел,
В смятенье оглянет
Пристань страданий
С печальным звоном...
Не выплатив дани,
Уйти не дано нам.
По плитам ползти
На коленях должны мы,
Как в Мекку в пути
Ползут пилигримы...
Ниши железом одеты,
И девочка в них
Оставляет букеты
Цветов полевых.
Амбразуры нависли
На железную жердь,
За решетками числа,
Что ни цифра — то смерть.

А на тонком запястье
Ромашек пыльца,
И какое же счастье,
Что не все до конца
Понимает девчонка...
И сидит старушонка,
Иссохла от слез.
И для скорби нет силы.
Для девчонки все это — могилы,
А для бабки — вся жизнь под откос!..

Каждый город с весны
Сдает тротуары
Молодежи страны,
Чтоб могла под гитары
Шумно, бездумно
Прославлять до утра
Подмосковные вечера.
Моя молодежь,
До чего ж кругосветно
Ты к Олимпам идешь!..
Но в безоблачный день
Над тобой неприметно
Качается тень.
Меж другими тенями
Не видишь неужель,
Что фашизма над нами
Скрипит колыбель?..

Кладбище сел
На Хатынской поляне.
Тот, кто нашел
Стену стенаний,
Лбом прикоснись
К холоду плит
И поклянись,
Что будет отлит
В сердце твоем
Сплав из желанья,
Силы и мужества
Противостоянья
Черному злу —
Мудрости змия,
Пролезшей в иглу,
Танцующей скопом
В зрачке микроскопа
Грозной стихии.

Разум на разум
Наступит, чтоб разом
Без пушек, без боя
Убить все живое...
Чтоб без ответа
Рушилось ниц.
Чтоб стала планета
Кладбищем
Всех столиц...
Вникните, люди!
Вслушайтесь, граждане!
Вдумайтесь, граждане!

Июль 1970. Минск.

БЕЗ ОБЪЕКТИВНЫХ КРИТЕРИЕВ

Н. ГРОМОВ

Пушкин писал: «Что нужно драматическому писателю? Философию, бесстрастие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предрассудка любимой мысли. Свобода».

Упоминая о бесстрастии, поэт, надо полагать, считал, что для государственно мыслящего историка бесстрастие означает доказательность, близость к истине, или, как мы сказали бы в наше время, объективность. Руководствуясь пушкинским наставлением, мы и решили внимательно изучить трехтомный труд, именуемый «Очерки истории русской советской драматургии», подготовленный к изданию Ленинградским государственным институтом театра, музыки и кинематографии [1].

Перед тем как изложить результаты нашего ознакомления с названным выше исследованием, сделаем несколько предваряющих разговор замечаний.

Давно уже не было такого заинтересованного, взволнованного творческого спора о судьбах нашей драматургии, как сейчас. В печати появилось много интересных статей о путях развития драматургической литературы, где рассматриваются проблемы весьма важные и острые. Попытаемся определить главную мысль этих размышлений — определить, что же особенно беспокоит всех, кто искренне заинтересован дальнейшими успехами советской драматургии.

Прежде всего это мысль о том, как соответствуют реальной действительности картины жизни, изображаемой в произведениях современной драматургии; какова глубина постижения драматургией коренных проблем эпохи; насколько отвечают идеи и образы драматургических произведений задачам, стоящим сегодня перед всеми художниками всех литературных жанров как слугами своего народа, строящего коммунизм.

Еще и еще раз мы вспоминаем те пьесы, где с особой силой сказались революционные, истинно новаторские принципы искусства социалистического реализма, искусства народного, воспитывающего человека — строителя и борца новой жизни, утверждающего великую правду коммунистических идей перед всем миром. Ведь этими критериями и ныне попрежнему меряется место и значение каждого нынешнего произведения драматургии и театра.

Героико-революционное искусство — искусство больших мыслей и страстей,— оно и сегодня в наибольшей мере отвечает требованиям времени. И если мы обратимся к самому ценному и дорогому, что уже вошло в историю советской драматургической литературы и в историю советского театра, то легко убедимся в немеркнущей жизненности пьес и спектаклей, ставших нашим золотым фондом, нашей классикой.

Трудности же в развитии нынешней драматургии, а следовательно, и театра, прежде всего видятся в отклонении от магистральных путей, проложенных великими первопроходцами советской драматургической классики, основоположниками литературы социалистического реализма.

В творческом развитии традиций Горького, Леонова, Вишневского, Тренева, Афиногенова, Погодина, Ромашова, Корнейчука — залог успехов отечественной драматургии. Уход же от этих плодотворных традиций, от решения вопросов широкого общественного звучания, от ответственности перед своим народом и своей эпохой неминуемо приводит драматурга к идейной и художественной ограниченности, мелкому бытописательству.

Отсюда же и суть действий театральной критики: ее главное содержание, ее направление. Их следует видеть в неустанной и принципиальной борьбе именно за большое партийное искусство, служащее народу и устремленное к будущему,— искусство, рождающее силы, вдохновляющее и сплачивающее народ...

К сожалению, за последнее время в нашей критической мысли чрезмерное внимание уделялось таким пьесам и спектаклям, которые стояли в стороне от большой темы народной жизни. Зачастую происходила восторженная оценка пьес и спектаклей, никак того не заслуживающих; либо, в лучшем случае, просто спорных...

Само собой разумеется, без споров, без выражения пусть даже остродискуссионных мнений критическая мысль развиваться не может. Так что можно понять и наличие разных точек зрения и порою даже явно излишнее пристрастие критиков к тому или другому писателю или его произведениям. Тут важно другое: пусть бы в этих резких спорах, в этих яростных столкновениях мнений прослеживалась главная мысль, пусть бы шла борьба за дальнейшее совершенствование советской драматургии, за повышение ее идейно-художественных качеств, а не смещались, как уже сказано выше, важнейшие, основополагающие критерии...

Хочется поддержать мысли, высказанные в статье, опубликованной недавно журналом «Коммунист», А. Шапошниковой — секретаря МГК КПСС. А. Шапошникова замечала, что «не только работники театров и драматургии, но и критики, писатели, журналисты совершенствуют наше театральное дело, их помощь, принципиальная деловая критика играют в развитии театра важнейшую роль. Очевидно,— говорится в статье,— эту истину уяснили себе пока еще не все работники печати, потому что иногда мы еще встречаемся с фактами захваливания не только слабых, ремесленнических, но даже явно порочных спектаклей и литературных произведений. Вместе с тем встречается трудно объяснимое замалчивание спектаклей, книг, картин, кинолент, имеющих большое значение для коммунистического воспитания трудящихся. Понятно, что такая односторонность некоторых литературно-критических и искусствоведческих изданий, не всегда анализирующих те или иные события культурной жизни в соответствии с высокими требованиями искусства социалистического реализма, не способствует преодолению идейно-творческих неудач».

Но если даже такую односторонность, такое замалчивание, повторяю, еще можно понять в отдельных статьях или даже книгах того или иного критика, то вряд ли можно согласиться с подобной позицией, подобным пристрастием, подобными, ярко выраженными вкусовыми оценками в капитальных трудах. Особенно в том случае, если они, как рецензируемый нами трехтомник, претендуют на отражение **всей истории** развития русской советской драматургии!

Разве не должны тут обязательно присутствовать те объективные критерии, то самое бесстрастие, о котором говорил Пушкин?..

* * *

Итак, перед нами три объемистых тома, охватывающих ровно полувековую историю развития русской советской драматургии — с 1917 года по год 1967-й.

Известно, что в изданиях такого рода обычно об одних литераторах говорится более подробно, чем о других. В этом еще нет большой беды, и это не предмет для спора. Ибо значение того или другого драматурга в истории уж никак не определяется количеством слов, о нем написанных... Если бы, к несчастью, это было так, то многие «модные» западные литераторы оставили бы далеко позади себя Толстого и Бальзака, Чехова и Достоевского да и многих других, истинно великих писателей. Количество «научных трудов», написанных, скажем, о Кафке, возможно, превысило бы по «весу» все то, что написано о многих титанах литературы, вместе взятых...

Однако же исследования такого типа, как «Очерки», о которых и идет у нас речь, разумеется, должны строго придерживаться позиции, которая позволяла бы усматривать, помимо бесстрастия (сиречь объективности!), еще и государственную мысль, обязательную для взглядов историков. Обязательную для редакторов трехтомника: С. Владимирова, Д. Золотницкого и Г. Лапкиной.

Давайте же заглянем на последние страницы каждого тома, чтобы узнать, о ком расскажут нам «Очерки»: уже тут откроется нечто весьма любопытное. Возьмем, к примеру, таких самых разных драматургов, как С. Алешин, В. Лаврентьев, Г. Мдивани, А. Салынский, В. Соловьев, Ю. Чепурин, И. Шток, да и некоторых других литераторов, чьи пьесы вызывали неизменное внимание нашей критики, о чьих пьесах и спектаклях появлялось немало статей в периодике... Монографических разделов об их творчестве почему-то в «Очерках» вовсе нет... И это уже само по себе становится обстоятельством неправомерным, оборачиваясь предвзятостью и необъективностью.

Авторы «Очерков» справедливо решили анализировать драматургию для детей; однако почему-то вовсе не нашлось места в «Очерках» и для отдельных монографических статей о таких популярнейших писателях, авторах детских пьес, как А. Бруштейн, Л. Кассиль, С. Маршак, С. Михалков...

Зато при столь разительных пробелах прямо-таки бросается в глаза то повышенное, подчеркнутое внимание, которое уделено в «Очерках» творчеству В. Пановой, В. Розова, А. Володина...

При всем к ним уважении я все же не могу не высказать убеждения, что необъективные исследователи поставили этих драматургов, попросту говоря, в не очень-то удобное положение по отношению к их же собратьям по профессии... Бывает так, что излишняя старательность наносит вред даже тем, к кому она так услужливо обращена...

Попытаемся разобраться, правомерен ли разговор о данном направлении драматургии как якобы «главенствующем» для определения истинного нынешнего состояния нашей драматургической литературы; сыграло ли это направление какую-то особую, чрезвычайную роль в развитии ее лучших традиций,— а ведь именно так, к сожалению, предвзято, и представлено положение вещей в «Очерках»...

Надо, впрочем, оговориться: когда начинаешь с первых страниц первого тома читать «Очерки», то многое здесь может показаться серьезным и интересным; в известной мере возникает картина зарождения и последующего роста сил советской литературы; хороши разделы «Ранняя советская драматургия», главы о драматургии Горького, Маяковского, Луначарского... Думается, тут был найден нужный ключ, увы, утерянный при дальнейшем изложении событий. А то, что он утерян, становится видно в том же первом томе, стоит прочесть хотя бы главу, посвященную творчеству Б. С. Ромашова...

Всем известно, какой огромный вклад внес

---

[1] «Очерки истории русской советской драматургии». Том 1, редакторы С. Владимиров и Д. Золотницкий; том 2, редакторы С. Владимиров и Г. Лапкина; том 3, редактор С. Владимиров.

этот большой и интересный драматург в историю советского театра. Известно, как активно он работал для сцены, куда приносил все новые ситуации, все новые конфликты, беря их из жизни, из событий революции. Свое неповторимое слово было у Ромашова в творчестве, и спутать его нельзя решительно ни с кем! Неповторимым остается он в нашем театре и сегодня. Но в «Очерках» о драматургии Ромашова сказано уничижительно, к примеру, что «Огненный мост» сближало с прежними пьесами Ромашова лишь «обилие разнохарактерных жанровых линий и **лоскутность композиции** (подчеркнуто здесь и далее мною.— Н. Г.). Теперь это была композиция хроники, обнимающей десятилетний период. Как замечал П. А. Марков, «психологическое раскрытие социальных образов Ромашов вкладывает в рамки хроники, и в этом лежит основное противоречие пьесы». Упрек критика не был бесспорен: «рамки хроники» сами по себе отнюдь не исключают возможности психологической трактовки образов. Однако в данном конкретном случае П. А. Марков был прав: пьесе Ромашова недоставало внутреннего поэтического единства, а подробности психологизма сплошь и рядом граничили с эффектным рисунком мелодрамы».

Не говоря уж о невнятности претензий, обращенных к Ромашову, вряд ли надо было столь вольно и столь бойко перениначивать значение высказываний П. А. Маркова о Ромашове. Но «Очерки» стремятся во что бы то ни стало «развенчать» с помощью П. А. Маркова еще и пристрастие Ромашова к мелодраме, ибо абзацем ранее сказано: «Мелодрама вообще часто напоминала о себе в пьесе Ромашова, ее приемы все еще владели писателем. «Он прибегает к выстрелам, смертельным опасностям, неожиданным спасениям, волнующим встречам, предназначенным, тяжелым обморокам, принимаемым за смерть,— писал С. С. Мокульский,— словом, весь аппарат мелодрамы извлечен из-под спуда, чтобы пощекотать нервы зрителей и осветить привычные ситуации».

«Огненный мост» — одна из лучших пьес советской драматургии — много лет шел на сцене Малого театра; ставили ее также и сотни других театров страны; не так давно герои пьесы Б. С. Ромашова снова вышли на сценические подмостки... Как же вяжется все это с явно заниженной «оценкой» драматургии Ромашова, встреченной читателями в «Очерках»?!.

Даже не веришь, что это о Ромашове сказано: «Груз традиционных навыков и привычных выразительных средств порой затруднял поиски писателя, вынуждая делать напрасные уступки «сценичности» и «жанру». Оттого открывателя новых тем порой обгоняли драматурги, шедшие за ним: они давали этим темам более смелое, подлинно современное художественное воплощение».

Как же все это было бы грустно, если бы отвечало действительности. К счастью, могильные краски решительно ничего общего не имеют с многокрасочной, радостной, жизнеутверждающей палитрой Ромашова; не могут они затемнить неоценимый вклад, внесенный драматургом в строительство советского театра!.. Но, как видим, попытка такая в «Очерках» сделана. Сначала обиняком, а потом все более настойчиво сводится на нет значение пьес Ромашова...

Надо сказать, что на страницах «Очерков» вообще весьма часто можно встретиться с подобным «приемом»: сначала произведению дается вроде бы даже и положительная оценка, но под занавес авторы уж непременно припасут для читателя такой «сюрприз», что все дело поворачивается совсем в иную сторону...

Нужны ли еще примеры?

Ну, вот, скажем, кому не известна была пьеса «Павел Греков»?!

Что же сказано об этой пьесе в «Очерках»? Разбирая образ положительного героя, авторы «Очерков» тут же попрекают пьесу иллюстративностью характеристик. «Пьеса строилась,— говорится в «Очерках»,— как несколько растянутая хроника жизни героя, драматическая ситуация возникала только в конце, когда зритель уже все знал о Павле Грекове, был в нем совершенно уверен...»

Но и этого показалось недостаточно. Дальше читаем: «Защищаясь от обвинений в свой адрес, Греков, как убедительно показывает автор книги «Судья по имени время» Э. В. Кардин, протестует против несправедливости этих обвинений, возражает, борется именно с «перегибами». Драматурги окружили героя бесчисленным множеством вражеских элементов самого разного рода, и, действуя в этих обстоятельствах, он сам становится выразителем ложной мысли о нарастании классовых антагонизмов. «...Делая первые самостоятельные шаги, Греков привыкает к не всегда законным арестам. Они для него нечто само собой разумеющееся. Он и сам уже умеет при случае пригрозить расстрелом...»

Ничего себе — положительный герой!.. И это один из примеров критического «вольтажа», весьма характерного для многих страниц «Очерков». К слову сказать, цитирование Э. Кардина во многих случаях решительно никакой необходимостью не вызывается. Иные «умозаключения», встречаемые в «Очерках», спорные сами по себе, отнюдь не нуждаются в «дополнении» таких «авторитетов» в области критической мысли, каким является Э. Кардин, чьи литературные откровения, как известно, опровергнуты самой жизнью...

* * *

Книга, преследующая своей целью показать историю развития того или другого литературного жанра, ценна не только добросовестным изложением фактического материала, убедительностью анализа явлений, широтой кругозора. Такая книга должна быть верным помощником и современных драматургов и работников театров в поисках новых путей. Она должна направлять эти искания, руководить ими.

Поэтому-то для нас столь важна ПОЗИЦИЯ, важна та сверхзадача труда, во имя которой он и был проделан.

Однако же именно позиция «Очерков», видение главных тенденций развития драматургии, оценка направлений творчества отдельных писателей и различных пьес вызывают самое решительное возражение.

Ограничившись лишь общими верными замечаниями об идейности советских художников, о необходимости отражения жизни в конфликтах острых, выражающих основные вопросы времени, «Очерки» в конкретном анализе драматургии ушли далеко в сторону от своих же верных предпосылок, которые даны на отдельных страницах исследования.

Обратимся к последнему периоду истории драматургии: 1955—1967 годов, посмотрим, как излагает его рецензируемые «Очерки».

Разумеется, создавать историю непосредственно по горячим следам, когда страсти еще кипят вокруг того или другого произведения, чрезвычайно трудно. И тут особенно необходимо умение отрешиться от личных пристрастий. Необходима максимальная объективность, позволяющая строго проверять свои оценки реальной картиной жизни. Ибо, повторяем, речь-то идет об «Очерках» ИСТОРИИ русской советской драматургии.

Если бы критики, принимавшие участие в создании «Очерков», решили создать сборник «Портреты драматургов» и включили в него статьи о творчестве Арбузова, Пановой, Розова, Володина, то, видимо, такой сборник сам по себе вполне мог появиться в печати. И хотя он, конечно, вызывал бы споры, несогласия, дискуссии и т. д., но все это — дело другого рода...

Можно ли, однако, согласиться с тем, что авторы исторического труда по своему усмотрению выделяют одну лишь линию в развитии советской драматургии как «ведущую», придавая ей видимость магистрального пути, по которому якобы идет современная литература!..

Вера Панова — автор прекрасных повестей. Можно только восхищаться ее литературным мастерством. Но неужели авторы всерьез полагают, что за последние двенадцать — пятнадцать лет ее пьесы имели РЕШАЮЩЕЕ значение для судеб нашей драматургии, нашего театра? Ведь если говорить всерьез, то и в весьма пространной статье, уделенной драматургии Пановой, выделяется, по сути, одна «Метелица»; все остальное здесь — лишь комплиментарный разговор.

Не меньшее удивление вызывает более чем однобокое, восторженное отношение к творчеству А. Володина.

А. Володин — способный драматург, автор с не очень легкой судьбой... Причем нет ни малейшего сомнения, что повинны в такой судьбе рьяные «пропагандисты» творчества этого литератора, не жалея сил, раздувающие наиболее слабые стороны его драматургии... С упрямой настойчивостью эти горе-трубадуры толкают писателя в самые дальние углы жизни, мешая ему обратиться к воплощению проблем действительно значимых, граждански и общественно возвышенных...

Посмотрим, какое же место отводится Володину в «Очерках», как о нем здесь говорится.

«Драматургию Володина,— сказано в «Очерках»,— связывают с традицией Чехова. Но если говорить о структуре драмы, то «Пять вечеров» по простоте, ясности драматических ходов, по рельефности человеческих характеров можно было бы возвести скорее к Островскому. Чеховское проявляет себя во внимании драматурга к духовной сфере, в его сосредоточенности на том, что можно было бы назвать в человеке интеллигентностью: высокий строй духовной культуры, такт и точность реакций Володин ищет и находит у людей очень разных. И еще — в напряженном лирическом подтексте, способах обнажения душевных токов. Однако особая активность авторской мысли заставляет говорить о проявлении общих глубинных тенденций современной драматургии, все более открыто выдвигающей сам драматический процесс постижения истины в качестве основы действия. Вместе с тем и внутренний мир персонажей предельно обнажается (полюбилось же словечко! — Н. Г.), доводится до прямой осязаемости, души героев как бы распахнуты перед нами. То, что у Чехова было «подводным течением», подспудной конденсацией драматической энергии, здесь выходит на поверхность».

Да, воистину не следует говорить красиво!.. А уж тем более в серьезных научно-исследовательских трудах.

Не ясно ли, что подобные восхваления уместны разве что в юбилейных адресах; да и то, наверное, надо обладать достаточным чувством юмора, чтобы спокойно принять уготованную тебе миссию: «подспудно конденсировать» все лучшее, что есть у Островского и Чехова!..

На страницах «Правды» в недавней передовой статье о театральном сезоне мы читали: «По тому, какие именно пьесы выбирает театр для своих постановок, можно судить о степени его идейно-творческой зрелости, о понимании им своего высокого общественного назначения — помогать партии в благородном деле коммунистического воспитания трудящихся. Работники советского театра руководствуются тем, что их искусство обращено к миллионам зрителей. Оно живет интересами народа, отвечает на его духовные запросы».

Не значит ли это, что и наша критическая, исследовательская мысль должна обращать внимание прежде всего на произведения вдохновенной идейности, совершенного художественного мастерства, истинно народные по своему духу, философски глубокие по разработке важнейших современных проблем?

У создателей «Очерков» не хватило слов, а может быть, и желания с надлежащей убедительностью поговорить именно о тех пьесах и спектаклях, которые идут по наиболее трудному пути — пути развития лучших традиций драматургической литературы русской и советской.

* * *

Затрагивая лишь самую малость тех вопросов, которые возникают при чтении трех огромных томов «Очерков», невольно чувствуешь определенную неловкость. Объемный труд этот потребовал больших затрат; он готовился очень долго... И вот теперь, когда его берут в руки не только студенты, изучающие историю советской драматургии, но шире — люди, эту историю любящие, разве можно согласиться со многими, к сожалению, ошибочными страницами и даже главами, которые делают работу в целом односторонней, вкусовой, не соответствующей ни нашим задачам, ни реальным событиям драматургической, театральной жизни...

И возникает вопрос: что же с особой силой проявляется в «Очерках русской советской драматургии» — философия, бесстрастие, государственные мысли? Никак нет. Господствует здесь, особенно в третьем томе, ЖИВОСТЬ ВООБРАЖЕНИЯ.

Но это само по себе отличное качество поэт считал необходимым для драматического писателя, а вовсе не для историка.

31 мая этого года мир облетела трагическая весть: от невиданного доселе землетрясения в Перу погибло более 50 тысяч человек, целые города и районы были стерты с лица земли. Трагедия перуанского народа встретила сочувствие и солидарность. Большую помощь в этот трудный для Перу момент оказали Советский Союз, революционная Куба и другие социалистические государства. Но имя страны древних инков все чаще и чаще попадает на страницы мировой печати не только в связи с постигшим Перу стихийным бедствием. Два года назад в Лиме произошло важное «политическое землетрясение», которое заставило многих по-новому увидеть эту далекую, сказочно богатую и одновременно бедную страну.

Валерий ВОЛКОВ

Фото автора.

НЕТ, НЕ «ПАСЫНКИ ЭЛЬДОРАДО»!

СТРАНИЦЫ ИЗ ПЕРУАНСКОГО ДНЕВНИКА

ПАМЯТНИКИ, ДВОРЦЫ И ТАНКИ

Вряд ли кто из жителей Латинской Америки более гордится историей своего государства, чем перуанцы. Если бы, приехав даже в третий раз в Перу, я добросовестно выполнял все советы многочисленных друзей и знакомых, которые наперебой старались затащить меня в тот или иной музей либо отправиться посмотреть многочисленные памятники и соборы, то вся моя короткая командировка ушла бы только на изучение исторического прошлого. В самом деле, трудно отыскать на карте континента более романтический и экзотический край, столь же богатый не только с исторической точки зрения, но и своей необыкновенной природой, этнографическими и географическими парадоксами.

«Дети солнца», «пасынки Эльдорадо», «нищий, сидящий на золотом троне» — какими только эпитетами и сравнениями не наделяли Перу путешественники и поэты! Но название этой страны прежде всего связывается с образом древнего, некогда самого могущественного в Латинской Америке государства — империи легендарных инков, покоренных в XVI веке испанскими конкистадорами под руководством жестокого и коварного капитана королевской армии Франсиско Писарро.

С Пласа-де-Армас — центральной площади Лимы, где у самого входа в президентский дворец возвышается бронзовый памятник могущественному конкистадору,— начинаются все экскурсии по городу. Гиды национальной туристической компании проводят ежедневные экскурсии по городу, и, присоединившись к ним, вы услышите много легенд и былей об отчаянной борьбе свободолюбивых индейцев, которые, несмотря на костры инквизиции, порох и свинец регулярной армии, не раз поднимались против испанских поработителей. Легендарный Тупак-Амару, индейский вождь крупнейшего освободительного движения, вспыхнувшего в 1780 году, стал символом неугасимого стремления народа Перу к свободе и независимости. В 1821 году был положен конец испанскому господству в стране. Однако изгнание испанцев не принесло сколько-нибудь заметных перемен в жизни трудящихся. Пока один за другим происходили бесконечные государственные военные перевороты («пронунсиамиенто»), организуемые различными политическими кликами и честолюбивыми генералами, представляющими помещичью аристократию, экономика Перу все больше и больше попадала в руки иностранных, особенно североамериканских, монополий. И сегодня даже ночная реклама Лимы может служить настоящим каталогом-справочником различных иностранных банков, фирм и компаний, обосновавшихся в Перу. Однако это всего лишь внешняя, чисто показная сторона иностранного засилья. Главные же виновники нищеты и вековой отсталости перуанского народа—американские короли медных, вольфрамовых и висмутовых рудников из «Серро де Паско корпорейшн», сахарные и хлопковые бароны — не увлекаются рекламой, их порой трудно найти даже в толстых телефонных книгах. И дело здесь, конечно, не в ложной скромности, а в самой примитивной боязни последовать участи всемирно известной «Эссо», огни которой навсегда погасли на территории Перу. Все это случилось слишком быстро и неожиданно после нашумевшего октябрьского переворота 1968 года.

...В ночь с 3 на 4 октября 1968 года танки мотомеханизированной дивизии перуанской армии окружили президентский дворец Писарро. После немногословных препирательств охрана пропустила группу восставших офицеров в спальню президента, где ему было объявлено о свержении правительства и переходе власти в руки военных. Главой государства стал бывший начальник объединенного командования вооруженных сил Перу генерал Хуан Веласко Альварадо, а бывший президент Фернандо Белаунде Терри встретил рассвет уже за пределами страны, в соседней Аргентине. Такова была расплата за то, что он, не выполнив ни одного из предвыборных обещаний, не раз капитулировал перед местной олигархией, латифундистами, хозяевами экспортных компаний, а также американскими монополиями. Ничтожные результаты фактически замороженной аграрной реформы, денационализации некоторых государственных компаний окончательно подорвали престиж правительства. Накануне военного переворота страна находилась в состоянии непрекращающейся забастовки. Шахтеры, металлурги, текстильщики, рыбаки, учителя требовали повышения зарплаты, снижения налогов.

В этих условиях наиболее прогрессивные круги перуанской армии, проанализировав положение, сложившееся в стране, взяли власть в свои руки. Их действия в первые же дни правления озадачили многих.

ИСТОРИЯ, ЧЕРНАЯ, КАК НЕФТЬ

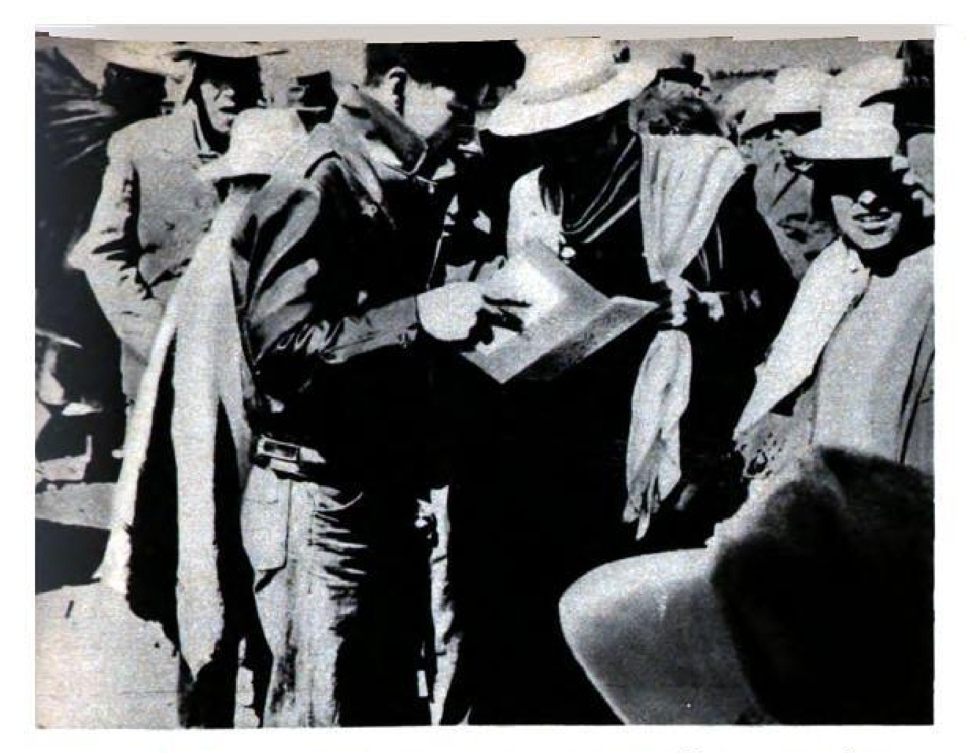
Каждому, кто приезжает в Талару, небольшой городишко на севере страны, прижатый песчаными дюнами к берегу Тихого океана, показывают знаменитые месторождения Бреа и Париньяс, нефтеперерабатывающий завод, благоустроенный поселок «Пунта аренас». Но одновременно рассказывают и о прошлом этого края, о черной, как нефть, истории грабежа национальных богатств Перу.

«Интернэшнл петролеум компани» (ИПК) — дочерняя компания знаменитой рокфеллеровской «Стандарт ойл оф Нью-Джерси»— вот уже около полувека упоминается на страницах перуанских газет и журналов. Эта американская компания, кроме месторождений и нефтеочистительных заводов, имела собственный аэродром в районе Гуаны, который представлял собой практически тайную воздушную базу. У нее были свои порты на Тихом океане, через один из которых она в течение многих лет незаконно вывозила тысячи тонн сырой нефти, не уплачивая ни одного сентаво налогов. Некоторые эксперты утверждают, что сумма этой контрабанды превышает миллиард долларов.

К началу 1968 года монополия контролировала почти всю добычу и переработку нефти в Перу. Но и этого ей было мало. ИПК сделала крупные капиталовложения в рыбную промышленность, в производство автопокрышек. Могущественный банк Рокфеллера поглотил самый крупный в стране «Континентл банк». Аппетиты владельцев ИПК разыгрывались все больше и больше. В этих условиях прогрессивные круги страны потребовали ограничить деятельность компании, взыскать с нее долги и национализировать собственность. Но сделать это удалось только после смены хозяев во дворце Писарро.

«День национального достоинства» — так теперь называется 9 октября, ставший официальным праздником Перу. Ровно через год после того, как по приказу военной хунты войска регулярной армии заняли территорию всего нефтяного комплекса и было объявлено о подлинной национализации всего имущества ИПК, на городской площади в Таларе состоялся военный парад, а затем демонстрация рабочих-нефтяников национальной компании «Петроперу». Мне много раз приходилось видеть, как латиноамериканцы умеют обставлять самые незначительные торжественные события. Но от этого праздника веяло чем-то особенным. Рабочие вместе со своими семьями пришли на площадь, чтобы еще раз продемонстрировать свое стремление трудиться не на империалистическую компанию, а для своей страны.

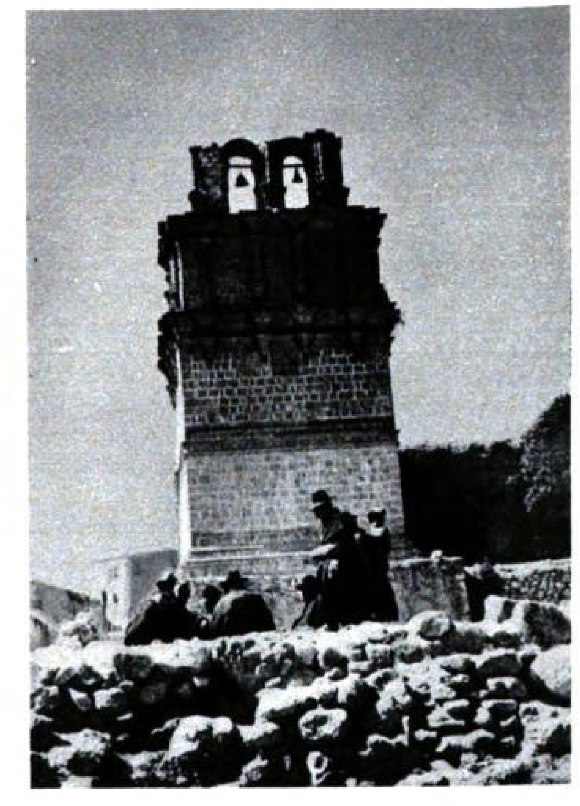
Президент национальной нефтяной компании «Петроперу», бригадный генерал Марко Фернандес Бака, кадровый военный, прошедший путь от курсанта военного училища до генерала, выходец из семьи учителя,

Студенты разъясняют крестьянам департамента Пуно закон об аграрной реформе.

Часовой у президентского дворца Писарро.

Город Куско — древняя столица империи инков.

Солдаты перуанской армии на территории национализированного у компании «Стандарт ойл» нефтеперерабатывающего завода.

рассказывал мне: «Я знаю традиционное представление о латиноамериканских военных, которое бытует во всем мире. Однако оно, на мой взгляд, устарело. Если проанализировать состав среднего звена наших сухопутных сил, то выяснится, что большинство офицеров — выходцы из семей мелкой буржуазии и интеллигенции. Все они благодаря скромному происхождению и службе в отдаленных гарнизонах хорошо знают, чем живет перуанец, что его больше всего волнует. Они знают также, какой вред наносит экономическим интересам страны бесконтрольное хозяйничанье иностранных монополий».

ЗЕМЛЮ ТЕМ, КТО ЕЕ ОБРАБАТЫВАЕТ

В Пуно можно попасть только поездом. Старые, пятидесятилетней давности вагоны, быстро пробежав ровную площадку среднего плоскогорья Анд, скрипя от натуги, всю ночь карабкаются вверх.

Первое знакомство с крохотным городком Пуно, прилепившимся к берегу знаменитого высокогорного озера Титикака, навсегда останется в моей памяти. Согнувшись под тяжестью ноши, идут, обгоняя друг друга, индейцы. Они, как и их знаменитые предки инки, родились здесь, в сердце Кордильер, именуемых теперь «Сьеррой». Вершины ее достигают 7 тысяч метров над уровнем моря. Часть главной цепи Анд занимает 35 процентов всей территории Перу. Тут обитает 60 процентов населения, в основном индейцы. На ее склонах и в долинах выращивают почти все сельскохозяйственные культуры, на обширных горных плато пасется скот: лошади, коровы, овцы. Но главную прелесть здешним пастбищам придают стада лам, альпак и викуний. Длинноногие, с тонкими красивыми шеями, они когда-то, подобно горным козам, были дикими. Теперь же человек приручил их, и они используются не только как вьючные животные, но и как поставщики длинноволокнистой перуанской шерсти, мяса, кожи.

Благодатный край, умеренный климат, хорошие почвы, но жизнь здешних крестьян-индейцев кажется от этого еще более ужасной. По дорогам Альтиплано бредут тени людей, с худыми, испещренными морщинами лицами, с отрешенным взглядом (вследствие постоянного употребления листьев «коки» — наркотика, притупляющего чувство голода и усталости),— такими предстают местные жители перед глазами любого побывавшего в этих краях иностранца. Здесь крестьянские наделы не превышают трех-четырех борозд, а крупные помещики — гамоналы владеют сотнями и тысячами гектаров богатейшей земли.

Именно поэтому в «Сьерре» с большим энтузиазмом было встречено заявление главы военного правительства генерала Альварадо, повторившего знаменитую фразу Тупака-Амару: «Крестьянин, хозяин никогда больше не воспользуется твоей нищетой!» Объявленная 24 июня 1969 года аграрная реформа положила начало новому, важному этапу прогрессивных начинаний правительства.

В обращении президента к народу говорилось, что аграрная реформа предусматривает экспроприацию иностранных и национальных латифундий, которые отныне будут использоваться на кооперативных началах. Закон, как подчеркнул генерал Альварадо, «будет проводиться по всей стране, без всяких привилегий и без каких бы то ни было исключений».

Вся история Перу—это длительная, никогда не прекращавшаяся борьба за землю. Со времени господства инков и особенно в период республиканского правления вопрос об аграрной реформе является ключевым в борьбе за власть. Каждый приходящий к власти президент или глава военной хунты неизбежно обещал коренные преобразования в сельском хозяйстве. Но шли десятилетия, а положение в деревне оставалось неизменным. Огромные латифундии местных помещиков, плантации американских, немецких и других компаний оставались нетронутыми, а крестьяне влачили жалкое существование, получая гроши за каторжный труд.

За время поездки по стране мне не раз приходилось видеть, как перуанцы проводят в жизнь новый закон. В Парамонге, принадлежавшей ранее американской компании «Грейс», и в Касагранде, где до этого хозяйничало западногерманское семейство мультимиллионеров Гильдемейстеров, а также в других крупных поместьях северного побережья представители военной хунты брали в свои руки все документы компаний, объясняли сельскохозяйственным рабочим и крестьянам выгоды, которые им сулит полное осуществление реформы. Взяв курс на дальнейшее углубление социально-экономических реформ, перуанское правительство объявило в июле этого года о вступлении в силу закона о промышленности. Новый закон, по словам президента страны, «вводит основные положения социальной справедливости на предприятиях, стимулирует активное развитие национальной промышленности, обеспечивает переход предприятий с иностранным капиталом под национальный контроль». Начиная со дня опубликования закона (28 июля 1970 года) участие иностранного капитала на промышленных предприятиях не будет превышать 33 процентов, рабочие будут участвовать в руководстве фабриками, заводами, рудниками при помощи «промышленных общин».

Двухлетний период прогрессивных мероприятий, начатый перуанским правительством, снискал уважение не только в стране, но и за рубежом. Миролюбивая, независимая внешняя политика страны, стремление укреплять дружбу и сотрудничество со всеми странами мира завоевали Перу невиданный доселе международный авторитет. Ярким примером широкого и полезного сотрудничества является развитие нормальных и торговых отношений Перу с Советским Союзом, другими социалистическими странами. Перуанский народ, вступив на путь прогресса, борьбы за социальную, экономическую и политическую независимость, день ото дня добивается новых успехов.

Лима — Москва.

ЭКЗАМЕН ЛЕГКОМУ ЖАНРУ

Чтец С. Кокорин (Москва) — лауреат второй премии.

Певица из Ворошиловграда Г. Мурзай получила третью премию.

Лауреаты первой премии Л. и А. Гайдаровы (Москва) исполняют «Этюд» на музыку А. Спадавеккиа.

Вокальный ансамбль «Воронежские девчата» удостоен третьей премии.

О. САХАРОВА **Фото Е. УМНОВА.**

Давно уже отошли в прошлое времена, когда к эстрадному искусству относились как к приятному, но в общем-то несерьезному жанру. Популярность его от этого отнюдь не уменьшилась. Так же, как и тяга к эстраде талантливой артистической молодежи. Зато с каждым днем все взыскательнее становится публика. Она приходит на эстрадный концерт, включает свои радиоприемники и телевизоры во время, отведенное для эстрадных программ, не просто с желанием отвлечься, рассеяться, а с надеждой увидеть и услышать полноценное художественное представление. Всегда ли вы получаете то, что ожидали? Будем откровенны: к сожалению, далеко не всегда.

Причин тому немало, и одна из главных, повидимому, кроется в расплывчатости определяющей линии развития советского эстрадного искусства. Не секрет, что подчас громкий успех сопутствует какому-либо исполнителю та не очень взыскательная и, как правило, особо активная часть публики, для которой главным мерилом является степень похожести певца, танцора на кого-либо из западных звезд. И вот движутся «дорогой длинною» певцы под Азнавура, под Битлзов, под Пиаф... И трудно иногда бывает молодому артисту выстоять перед соблазнительной перспективой быстрой, нетрудной удачи,— ведь создавать, развивать свое, только тебе и твоему искусству присущее, сложно. Здесь иногда собственными силами молодому артисту обойтись трудно. Нужно, чтобы его поддержали в концертных организациях, в театрах.

Сегодня многие из лучших молодых артистов эстрады, ищущих, талантливых, получили такую поддержку на Всесоюзном конкурсе артистов эстрады. Председатель объединенного жюри конкурса народная артистка РСФСР Надежда Аполлинариевна Казанцева так определила задачи конкурса:

— Первая — «открыть» зрителю новые имена. Ведь в нашей огромной стране очень трудно уследить за молодыми дарованиями, проявляющимися в каждой республике, области, городе чуть ли не ежедневно. На конкурсе показали себя и признанные артисты и новички на эстраде. Надо сказать, что успех они разделили примерно поровну. Но главная цель конкурса, конечно, еще раз утвердить четкую позицию советского эстрадного искусства — реалистическую, жизнеутверждающую, высокохудожественную. В конкурсе победили те, кто, основываясь на народных традициях, на уже достигнутом советской эстрадой, ищет новое, не опускается до подражательства. И, конечно, успех пришел к тем артистам, для которых сцена не просто место демонстрации своих данных, а путь к сердцу людей, сидящих в зале, возможность поделиться со зрителем своими чувствами, заразить его своими стремлениями. К сожалению, на первом туре нам пришлось услышать немало молодых певцов и певиц, которые вдруг начинали не петь, а буквально кричать истошными голосами, насилуя свою певческую природу, уничтожая главное в песне — ее душевность, красоту. Это, безусловно, должно уйти из советской эстрады. Так же, как и репертуарный крен в минор. Столько сейчас звучит с эстрады унылых, надрывных песен. Для кого они? Ведь их настроение полностью противоречит ритму, наполненности жизни каждого советского человека.

Вообще конкурс и его результаты, надеюсь, заставят задуматься многих молодых артистов, как-то пересмотреть свое направление в искусстве эстрады.

Ну, а победителей мне хочется поздравить еще раз. Все они доставили и жюри (а оно было и многочисленным — почти семьдесят человек — и очень компетентным) и нашей искушенной публике много радостных минут. Блестящая поэтичная танцевальная пара Л. и А. Гайдаровы, очень музыкальная домристка Т. Вольская, необыкновенно подкупающий своей юной чистотой и искренностью чтец С. Кокорин, прекрасные вокально-инструментальные ансамбли «Песняры» из Белоруссии и грузинский «Диело», бережно сохраняющие национальный колорит своей родной песни, безупречные мастера, точные, изящные акробаты Л. и В. Золотовы, очаровательная дрессировщица К. Немшилова-Плохова со своим умницей попугаем Петрушей, настоящая русская красавица, передающая в песне теплоту и скромность женской души певица Г. Мурзай... Всех перечислить просто невозможно.

Но всем можно сказать одно: вы талантливы, молоды, вас впереди ждет огромное, неисчерпаемое счастье — счастье трудиться, творить, достигать новых высот. Дорожите этим счастьем!

Н. Баев, ленинградский танцор, завоевавший вторую премию, исполняет танцевальный номер «Новый скрипач в оркестре».

Лауреат второй премии К. Немшилова-Плохова (Ленинград) знакомит жюри со своим партнером — попугаем Петрушей.

Лауреат третьей премии — одесская артистка О. Костюк.

Узбекская танцовщица К. Узакова получила третью премию.

Интервью «Огонька»

Н. А. ЩЕЛОКОВ,
министр внутренних дел СССР

ГРАЖДАНИН, ЗАКОН, МИЛИЦИЯ

ВОПРОС. За последние годы партией и правительством предпринят ряд мер по укреплению правопорядка в стране. Чем это обусловлено?

ОТВЕТ. За период, прошедший после XXIII съезда партии, был принят ряд исключительно важных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, законодательных актов по вопросам правопорядка. Среди них особое место занимают июльское (1966 г.) постановление о мерах по усилению борьбы с преступностью, ноябрьское (1968 г.) о совершенствовании деятельности милиции, «Основы исправительно-трудового законодательства», Указ от 12 июня 1970 года «Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду». Недавно были приняты важные решения о мерах по дальнейшему улучшению работы судебных и прокурорских органов и о мерах по улучшению правового воспитания трудящихся.

Постоянное внимание Коммунистической партии и Советского правительства к вопросам дальнейшего укрепления правопорядка вызвано не какими-либо чрезвычайными обстоятельствами, например, ростом преступности. Хорошо известно, что в результате коренных социальных и экономических преобразований, которые произошли в СССР за годы Советской власти, преступность в нашей стране непрерывно сокращается. Количество осужденных только за последние 20 лет снизилось в несколько раз. В нашей жизни становится все меньше и меньше различных уродливых явлений.

Укрепление правопорядка является составной частью дальнейшего совершенствования общественных отношений в стране в условиях строительства коммунизма, необходимым условием развертывания социалистической демократии, укрепления социалистической законности и дисциплины. Наше общество становится все более высокоорганизованным. В нем совершенно нетерпимы пренебрежительное отношение к своим обязанностям, анархическое отношение к дисциплине и порядку, иждивенческое отношение к государству. Взаимоотношения между членами общества строятся на более высоком нравственном уровне, на более строгих и четко регламентированных началах. Ответственность личности перед обществом, безусловно, возрастает. Потребность регулирования общественных отношений на более высоком социальном уровне находит выражение в законах. Надо помнить указание К. Маркса о том, что законодатель не делает законов, не изобретает их, а только выражает в законах внутренние потребности духовной жизни общества. В этом суть мер по дальнейшему укреплению правопорядка.

Советские законы являются средством формирования коммунистических взаимоотношений, воспитания граждан в духе уважительного отношения к нормам социалистической морали, к правилам социалистического общежития. В обобщенной, концентрированной форме они выражают волю народа, политику партии и государства. Социалистическая законность, правопорядок — основа нормальной жизни общества, его граждан, говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своей речи перед избирателями. Именно этим обусловлено дальнейшее укрепление правопорядка.

Прямо противоположную картину представляет собой положение в капиталистических странах. Выступая на объединенном заседании сената и палаты представителей с традиционным посланием, президент США Р. Никсон сказал, что он сомневается в том, чтобы среди конгрессменов нашелся хоть один, который решился бы отправиться домой вечером, оставив в капитолийском гараже свой автомобиль. Красноречивое свидетельство! В Соединенных Штатах преступность стала национальным бедствием и национальным позором. Культ современной Америки—это бешеная жажда наживы, жажда обогащения во что бы то ни стало. Нравственные критерии там все более теряют свою ценность. Духовное омертвение, узаконенное насилие, жестокость стали неотъемлемыми чертами капиталистического общества. Таково истинное положение вещей.

ВОПРОС. И все-таки преступность в нашей стране еще существует. Не могли бы вы охарактеризовать структуру, динамику и причины этого явления?

ОТВЕТ. Преступность в Советском Союзе давно перестала быть формой социального протеста, следствием обездоленности и нищеты. В нашей стране нет преступлений, совершаемых, скажем, из-за нужды или голода. Преступность в значительной степени является следствием недочетов в политико-воспитательной работе. Каждый процент снижения преступности связан с длительной, целенаправленной воспитательной работой, преодолением антиобщественных взглядов, пережитков прошлого в сознании отдельных людей. Это длительный и сложный процесс. Чтобы проиллюстрировать этот вывод, проанализируем структуру преступности в нашей стране.

Каждое третье преступление — хулиганство. Оно является самым распространенным видом преступлений. Хулиганство — прямой результат нравственной распущенности человека, его низкой культуры, ограниченных духовных потребностей. Хулигану присущ нравственный цинизм, атрофия интеллекта. Он настойчиво ищет острых раздражителей. Не будучи способен ответить на возросшие требования жизни, он становится на путь резкого их отрицания. Жизнь заставляет нравственно развенчать хулигана, показать истоки того зла, с которым народ не хочет и не будет мириться.

Для структуры преступности характерна и распространенность имущественных преступлений. В совокупности с хулиганством они составляют подавляющую часть всех преступлений. Во многих случаях имущественные преступления совершают люди, ведущие паразитический образ жизни. Чтобы хорошо, по-человечески жить, надо с любовью работать. Но эти не хотят честно трудиться. Расхитители народного добра наносят обществу большой материальный и моральный ущерб. Именно они являются носителями паразитической морали. В. И. Ленин считал воров и хулиганов злейшими врагами народа. С ними должна вестись беспощадная, бескомпромиссная борьба.

Характеризуя преступность, нельзя не отметить высокий уровень так называемых бытовых преступлений. Как известно, большая часть всех убийств, тяжких телесных повреждений совершается на бытовой почве, что также является следствием невоспитанности, низкого уровня сознательности и культуры определенной части людей. Вопросы быта часто находятся за пределами внимания администрации предприятий, учреждений, строек, за пределами внимания партийных, профсоюзных и

комсомольских организаций. Слабо борются с бытовыми преступлениями и органы милиции. Семьдесят процентов преступлений совершается на почве пьянства, в алкогольном угаре.

Наличие антиобщественных проявлений объясняется живучестью традиций и привычек прошлого, отставанием сознания отдельных людей от общественного бытия. Недостаточно эффективны еще меры, осуществляемые государственными органами и общественностью по предупреждению и пресечению преступлений.

ВОПРОС. На органы Министерства внутренних дел возложена основная тяжесть борьбы с правонарушениями, охрана общественного порядка. Что сделано для того, чтобы они успешно справлялись со своими задачами?

ОТВЕТ. Происходящие в жизни нашего общества процессы не могут не вызывать соответствующих изменений в характере деятельности органов милиции. Требования к милиции постоянно растут. Дальнейшее совершенствование ее деятельности становится исключительно актуальной задачей. Милиция наделена обширными правами. Органы милиции могут задерживать граждан за нарушение общественного порядка, с санкции прокурора арестовывать за совершенные преступления, возбуждать уголовные дела, штрафовать, производить обыски, применять оружие при задержании преступника.

Эти права необходимы для успешного решения милицией стоящих перед ней задач по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан, для надежной охраны общественного порядка. Чем обширнее права, которыми наделена милиция, чем строже законы, тем осторожнее должны быть исполнители, тем выше должна быть их сознательность, чувство гражданского долга и ответственность за порученное дело. Надо, следовательно, принимать все меры к тому, чтобы милиция правильно применяла свои права, чтобы были полностью исключены нарушения социалистической законности, грубость, произвол. Весь арсенал предоставленных милиции средств должен применяться строго в рамках законности против действительных преступников, в защиту личной и имущественной безопасности граждан, их законных интересов.

В условиях коммунистического строительства все большее место в деятельности милиции занимают воспитательные функции. Милиция является не только органом принуждения, но и органом воспитания. Главное в ее работе — предупреждение преступности.

Преступление — это социальная микрокатастрофа. Это чья-то сломанная судьба. Милиция обязана принимать все меры к тому, чтобы в нашем обществе не было таких катастроф. Ее долг — предупреждать преступление до того, как человек переступит черту закона. Для этого необходимо глубоко знать характер происходящих в обществе социальных процессов, причины и условия совершения тех или иных преступлений, четко представлять перспективы, умело учитывать в организации борьбы с преступностью многообразные факторы: социально-экономические, психологические, уголовно-правовые, педагогические, научно-технические и многие, многие другие. А это нередко сложнее, чем раскрыть уже совершенное преступление. Тут нужны исключительно высокие профессиональные, нравственные качества, любовь к людям. Здесь требуются также соответствующая подготовка кадров, высокоорганизованная, четкая система работы.

Дальнейшее развертывание социалистической демократии, высокий уровень интеллектуального развития нашего общества, рост сознательности граждан, развитие у советских людей чувства собственного достоинства предъявляют очень высокие требования к деятельности милиции. Сейчас, как никогда прежде, милиция должна культурно бороться за социалистическую законность и правопорядок. Новые требования к деятельности милиции предъявляет и научно-технический прогресс, который изменяет условия и возможности борьбы с антиобщественными проявлениями.

Все это и предопределяет характер перестройки работы милиции, которая проводится в последние годы. В основе этой перестройки — ноябрьское (1968 г.) постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Его сущность состоит в том, чтобы привести формы и методы деятельности милиции в соответствие с новыми условиями коммунистического строительства.

Многократно возросли требования к интеллектуальному уровню сотрудников милиции, к их культуре, политической зрелости, профессиональному мастерству. Именно поэтому приняты меры к повышению общеобразовательной и специальной подготовки наших сотрудников, к улучшению воспитательной работы. В настоящее время на должности рядового и младшего начальствующего состава милиции принимаются, как правило, лица со средним образованием, а на должности начальствующего состава — с вузовской подготовкой.

За время, прошедшее после выхода в свет ноябрьского постановления партии и правительства, число лиц рядового и младшего начальствующего состава со средним образованием выросло более чем в два раза. Среди лиц, пополнивших начальствующий состав, втрое больше специалистов с высшим образованием, чем, например, в 1968 году. В основном на службу в милицию приходят люди, рекомендуемые коллективами трудящихся, партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями. В милиции введена новая, более современная и удобная форма одежды. Повышена материальная заинтересованность сотрудников милиции в своем труде. Расширяются и укрепляются их связи с советской общественностью. Ее возможности в борьбе с преступностью, в охране общественного порядка поистине безграничны. Борьба с правонарушениями ведется успешно только там, где органы милиции тесно взаимодействуют с общественностью, опираются на ее активную и повседневную поддержку.

Приняты меры к улучшению профилактической деятельности милиции.

Многое делается для обеспечения принципа, о котором говорил В. И. Ленин, принципа неотвратимости наказания. Каждое преступление должно быть раскрыто, а преступник наказан. В этих целях совершенствуется работа дежурных частей. Милиция должна немедленно реагировать на все заявления граждан и раскрывать любые преступления.

Особое внимание уделяется тому, чтобы милиция выполняла свои в высшей степени деликатные функции вежливо, тактично, но вместе с тем твердо и строго. Действия каждого милиционера должны быть понятны народу. Всем своим поведением милиционер обязан внушать доверие к закону и его представителям. Нетактичность, грубое, неуважительное отношение к гражданам несовместимы с высоким званием милиционера.

Хочется сказать еще об одной важной задаче, решаемой сейчас органами министерства внутренних дел. Речь идет о дальнейшем совершенствовании системы управления. Это главный резерв улучшения всей деятельности милиции. В органах министерства внутренних дел разрабатываются перспективные планы работы. Вся деятельность органов МВД строится на принципах специализации. В результате милиция стала работать более четко, оперативно. Растет ее авторитет среди населения. Укрепляется общественный порядок. Но все сделанное мы считаем лишь первыми шагами. Нам предстоит еще более сложная работа.

ВОПРОС. В последнее время разработаны меры по совершенствованию исправительно-трудовой системы. В чем их суть?

ОТВЕТ. В 1969 году Верховным Советом СССР были приняты «Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик». Они стали тем фундаментом, на котором строится работа по перевоспитанию и исправлению граждан, допустивших правонарушения.

В обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности. Но пока имеются проявления преступности, необходимо строго наказывать лиц, совершивших опасные для общества преступления, нарушающих правила социалистического общежития.

Известно, что уголовное наказание есть не что иное, как средство самозащиты общества против нарушений условий его существования. Однако, наказывая человека за нарушение законов, общество, государство должны видеть в нем живую свою частицу, своего гражданина, наделенного определенными правами в отношении самого государства, а не просто объект карательного воздействия. Необходимо исходить из возможности исправления правонарушителя. В условиях социализма каждый выбившийся из трудовой колеи человек может и должен вернуться к полезной трудовой деятельности.

Исправительно-трудовые учреждения и призваны к тому, чтобы не только карать, но и перевоспитывать людей, совершивших преступления и не способных исправиться без изоляции от общества. При этом кара не рассматривается как самоцель. Она служит интересам перевоспитания людей, их нравственной перековке. Она должна быть полностью лишена элементов жестокости. Кара приносит хорошие результаты только в том случае, если она имеет законный характер, справедлива, целесообразна и правильно понята осужденным. Кара в совокупности с трудом, играющим главную роль в перевоспитании осужденных, в совокупности с воспитательной работой и учебой должна помочь вернуть обществу гражданина, нарушившего закон, нравственно здоровым. Это очень важная социальная задача. Если исправительно-трудовые учреждения не смогут справиться с этой задачей, то в общество вернутся потенциальные преступники, которые будут снова и снова нарушать правила социалистического общежития и оставлять после себя следы новых преступлений. Вместе с тем это и очень трудная задача, так как приходится иметь дело с нравственной деформацией личности.

Сущность принимаемых мер по улучшению деятельности исправительно-трудовых учреждений и состоит в том, чтобы создать максимально благоприятные условия для перековки лиц, совершивших преступления, перековки на основе разумного сочетания труда, воспитания и наказания. Но, конечно, в рамках строжайшей законности и в соответствии с принципами социалистического гуманизма. При этом речь не идет о каких-либо неоправданных послаблениях. Такие послабления, как говорил Ф. Э. Дзержинский, лишь вредят делу борьбы с преступностью. Если опасность побывать в исправительно-трудовом учреждении не будет вызывать у людей, склонных к правонарушениям, соответствующих тормозящих реакций, то дело борьбы с преступностью можно считать проигранным.

Наряду с совершенствованием деятельности исправительно-трудовых учреждений по перевоспитанию преступников принимаются меры к тому, чтобы повысить возможности наказания правонарушителей без их изоляции от общества. Этой цели и служит Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду». Сущность Указа состоит в том, что лица, впервые совершившие малозначительные правонарушения и приговоренные к кратким срокам лишения свободы,— от одного до трех лет,— будут направляться для отбывания наказания не в исправительно-трудовые колонии, а на объекты народного хозяйства в те районы, которые определяются судом. В течение всего времени отбывания наказания эти лица будут находиться под контролем. В случае нарушения установленного для них режима или совершения нового преступления они направляются в исправительно-трудовые колонии. Если же условно осужденный добросовестно трудится и выполняет все требования администрации, судимость с него снимается. Условно осужденные могут проживать вместе с семьями, на квартирах и в общежитиях. Таким образом, указ значительно сужает применение такой меры наказания, как лишение свободы.

Введение такой меры наказания свидетельствует о всё возрастающих возможностях перевоспитания оступившихся граждан без изоляции от общества, о возможности дальнейшей демократизации общественной жизни, как того требуют Программа КПСС, решения XXIII съезда партии.

ПОВЕСТЬ

Д. С. СТРЭЙНДЖ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

АЛЬБЕРТ ОБРЕТАЕТ ЛИЦО

Уже в течение нескольких недель Робер и Женэ работали над созданием одной из боевых организаций Сопротивления. Анри же, как помощник Женэ, только что совершил опасную нелегальную поездку за границу и обратно, о чем никто в семье, кроме Робера, не знал.

Совместная работа Робера и Женэ в Сопротивлении была вполне естественным делом. Они дружили еще в школе, и Женэ с большим уважением относился к тонкому, практическому уму Робера. Женэ приходилось трудиться с двойной нагрузкой — на официальной должности в префектуре и в подполье,— и потому над документами работал главным образом Робер. Он стал самым близким к Женэ человеком и его связником в быстро растущей организации.

В этот вечер на встречу с Анри должны были прийти три человека, занимавшие в организации исключительно важное положение: Малинкур — помощник директора парижской телефонно-телеграфной компании; двоюродный брат мосье Магрита Рене Машер — железнодорожный чиновник, работавший в конторе на Северном вокзале, и Жан Пелот — директор главного почтамта. В далекие, более счастливые времена Малинкур и Машер часто посещали семейство Магритов. Робер хорошо знал их — веселого, остроумного Малинкура, настоящего бонвивана, всегда одетого по последней моде, и бедного маленького Рене Машера, похожего почему-то на испуганного зайца. Робкий, неуверенный в себе, Машер был старым другом семьи, мальчики всегда ожидали его визита с неприязнью и не упускали случая поддразнить. Робер со стыдом вспоминал об этом. С Пелотом Робер разговаривал только однажды, на заранее обусловленной встрече в кафе, но Женэ ручался за него. Роберу казалось, что толстый, прилизанный, слишком хорошо одетый Пелот выглядит типичным коллаборационистом, но это было только на руку организации.

Все трое пришли один за другим, однако Анри не появлялся. Машер с беспокойством смотрел на часы.

— Он не придет. Прошло уже пять минут после наступления комендантского часа.

Робер выключил свет и подошел к окну. Он слышал за своей спиной учащенное дыхание друзей. Его нервы были напряжены до предела, в голову лезли страшные мысли: вот Анри арестовывают при выходе из поезда... Вот в его кармане или в подкладке пальто находят документы... Вот Анри в гестапо...

— Пришел,— тихо бросил он.

Кто-то вышел из тени дома напротив, спокойно, словно ему некуда спешить, пересек улицу и скрылся в подъезде. Робер посмотрел в окно противоположного дома. Насколько он мог разглядеть, занавеси там были по-прежнему плотно задернуты. И тем не менее он чувствовал опасность. Робер не мог сказать, откуда она угрожает, но знал, что она надвигается, ощущал ее всем своим существом.

Однако ничего не произошло, оглушительного стука в дверь не послышалось. Анри пришел, совещание началось и кончилось. Позднее все расположились спать где кто мог, воспользовавшись принесенными Робером одеялами.

На следующее утро первым после окончания комендантского часа ушел Жан Пелот, жизнерадостный и улыбающийся, словно он провел ночь за веселым кутежом. За ним ушел Машер с посиневшим от холода носом и более чем когда-либо похожий на зайца. Последним покинул квартиру Малинкур. Одетый в темное деловое пальто, в черной фетровой шляпе, с темным гладким шарфом, аккуратный и собранный, он шел по улице с видом чиновника, направляющегося, как обычно, на работу в свою контору.

Робер наблюдал за ними из окна, пока они не скрылись за углом, и с облегчением вздохнул:

— Слава богу, они в безопасности.

Анри отчаянно зевнул.

— Опасность всегда существует.

— Само собой, но на этот раз...

Анри обнял брата за плечи.

— С каждым днем опасность усиливается. Ничего, Робер. Этой ночью мы поработали неплохо. Пожалуй, я прилягу. За последнее время мне почти не удавалось поспать...

Еле передвигая от усталости ноги, Анри поплелся в другую комнату, а Робер остался у окна, рассматривая улицу. Над Парижем опускался отвратительный, леденящий зимний туман. Не он ли заставил его вновь ощутить щемящее чувство близкой опасности?..

В тот же вечер у себя на квартире был арестован Малинкур. Понимая, что́ ждет его на допросах, он проглотил таблетку цианистого калия, зашитую в лацкане пиджака. Почти одновременно на пороге своего дома был арестован Машер; доставленный в гестапо, он умер, не выдержав пыток. Бедный, мужественный, робкий зайчик! Он, видимо, ничего не сказал под пытками, так как других арестов не последовало. Пелота никто не беспокоил, и на улицу Жана Беллэ нежелательных визитов не было.

Робер до боли в глазах всматривался в окна противоположного дома, будто надеялся проникнуть в скрывающуюся за ними тайну, но не мог прийти к определенному выводу. Если сведения, повлекшие аресты, поступали оттуда, почему же встреча, во время которой гестапо могло арестовать всех ее участников сразу, прошла благополучно? Нет, аресты вряд ли имели отношение к встрече, однако организация Женэ тайно проверила жильцов дома по ту сторону улицы. Никто из них не вызвал подозрений. Казалось более вероятным, что предателем был близкий к Малинкуру или Машеру человек, каким-то образом пронюхавший об их участии в движении Сопротивления.

Но Робера подобное объяснение не удовлетворяло. Он не мог избавиться от ощущения надвигающегося несчастья. Возможно, Анри был прав, и от постоянной опасности нервы людей напрягались до предела. Однако и это объяснение не успокаивало.

Узнав об арестах, Анри сразу же перевез отца, мать и Анник в дом старинных приятелей семьи, тоже участников Сопротивления. Сам он, не прерывая подпольной работы, ночевал то там, то здесь, нигде не оставаясь две ночи подряд. Робер же отказался переменить квартиру. Он одобрил меры, принятые Анри, но продолжал жить и работать по-прежнему.

Перед тем как расстаться, братья договорились встретиться в Соборе Парижской богоматери во время обедни, в последнее воскресенье перед рождеством.

Робер пришел рано, ему хотелось немного забыться и отдохнуть в полумраке огромного собора, слушая музыку и наблюдая за знакомой церемонией. Опускаясь на колени около брата в условленном месте, он шепнул, что Машер умер.

Через боковую дверь они вышли на набережную. Было тихо, шел снег. Большие снежинки, как крупные цветы, медленно опускались на землю, окутывая реку прозрачным покрывалом, сквозь которое смутно виднелись здания на левом берегу, и прикрывая белыми шапками верхушки соборных башен и головы ухмыляющихся химер.

Анри оглянулся по сторонам и убедился, что за ними никто не следит.

— Где ты был? — с тревогой спросил он.— Я звонил Рамбузье, но тебя там не оказалось.

— Я у него не был,— рассеянно ответил Робер.

— Я уж подумал, что ты тоже арестован, и чуть не сошел с ума.

— Прости, Анри. Я решил, что самое правильное — это остаться в нашей квартире.

— Но ради бога, почему?

— На тот случай, если кто-нибудь явится с поручением или в поисках убежища.

Анри раздраженно взглянул на Робера.

— Но ты подумал о гестапо?

— Разумеется.

— А если бы бедняга Рене не выдержал?

— И все равно я бы остался на месте и продолжал наше дело.

— Да ты с ума сошел!

— Возможно.

Робер повернулся к брату, и тот увидел его бледное лицо, освещенное каким-то внутренним светом.

— Анри, в жизни каждого человека наступает время, когда он должен чем-то подтвердить свои убеждения, подтвердить то, во что верит, а иногда, возможно, и умереть во имя этого.

— Что проку в бесполезной смерти? — резко заметил Анри.

— Ты так думаешь? Кто может сейчас сказать, что полезно, а что нет? Есть нечто такое, о чем мы не в состоянии судить сами.— Он задумчиво посмотрел на реку.— Вначале я был полон только ненависти, но потом понял, что существуют вещи, за которые надо бороться. Например, свобода жить так, как мы хотим, чувство собственного достоинства, все то, что нам дорого и свято. Мы вернем себе все это, хотя во имя наших идеалов погибнет немало простых людей вроде Рене Машера. Их мужество — это тот капитал в банке, который мы можем заимствовать, если готовы возместить его. Только храбрые могут увлечь за собой других.

— Да, да! — взволнованно подхватил Анри.— Ты прав.

— Когда я узнал о смерти Рене, я понял, что эти жертвы лишь укрепляют наши силы и решимость. Думаю, теперь я уже ничего не испугаюсь.

Анри обнял Робера за плечи.

— Человек всегда чего-нибудь боится. Ну и что? То, что ты говоришь, верно, но я сохраню в себе свою ненависть, от этого мой меч будет острее.

— Когда ты уезжаешь?

— Сразу же, как только мы расстанемся.

— Как бы мне хотелось быть с тобой!

— Но у тебя работы по горло. Ты уже сделал столько, что и десятку людей не под силу. Не унывай, Робер! Мы победим.

— Да, да! — Робер с любовью взглянул на брата.— У меня такое чувство, что я не доживу до этого.

— Чепуха! В день победы мы разопьем с тобой бутылочку вина, вот увидишь.

— Надеюсь. Но если этого не случится, помни, что лучше потерять меня, чем кого-нибудь другого. И еще помни...— На мгновение его рука задержалась на перекладине костыля, который он прислонил к стене рядом с собой.— И еще помни... как бы это выразить... В общем, сам-то я не очень буду о себе сожалеть.

На глаза Анри навернулись слезы.

— Дорогой, но я не хочу терять тебя!

— В таком случае приложу все усилия, чтобы выжить,— улыбнулся Робер.

Анри сразу же уехал в Амьен, где ему предстояло заняться формированием новых организаций движения Сопротивления. Недели три спустя Робер в последний раз встретился с Женэ. Накануне ночью на Северном вокзале произошел большой взрыв, на воздух взлетел немецкий воинский эшелон. Это была одна из первых боевых операций новых диверсионных групп Женэ, и он удовлетворенно потирал руки. Наутро на газетных киосках и на стенах домов впервые появились плакаты: за поимку Жана Легро (псевдоним Женэ) объявлялась награда в полмиллиона франков.

— Немцы испугались,— сказал Женэ Роберу.— Вот и хорошо. Надо еще сильнее бить их.

— Не вижу ничего хорошего,— покачал головой Робер.— Гитлеровцы уже заинтересовались тобой, хотя знают пока только твой псевдоним. Но от Жана Легро до Женэ всего один шаг, а полмиллиона франков...

— Кроме тебя и Анри, лишь четверо знают, кто такой Легро, но все они абсолютно надежны. Даже моей жене ничего не известно. Не беспокойся, Робер.

— Ты рассуждаешь, как Анри,— улыбнулся Робер.— Может, я действительно стал бояться даже собственной тени, но все же будет лучше, если мы на некоторое время прекратим наши встречи.

Женэ, конечно, не мог и мысли допустить, что они больше никогда не увидятся. Позднее он много раз вспоминал последний взгляд Робера. Это был долгий, пристальный взгляд человека, который хочет запечатлеть в памяти черты дорогого лица. Женэ запомнил его навсегда.

Продолжение. См. «Огонек» № 43.

Жизнь шла своим чередом, пролетел месяц, прежде чем разразилась катастрофа. Робер настойчиво убеждал родителей покинуть Париж, но мосье Магрит не хотел бросать галерею на произвол судьбы, а мадам Магрит не хотела уезжать без мужа.

В феврале Анри сообщил Роберу, что он приедет в Париж для важной встречи с тремя людьми.

День выдался холодным, промозглый туман окутывал город. Анри замерз сразу же, как только вышел из вокзала. Спасаясь от пронизывающего ветра, он поднял воротник пальто и потуже затянул шарф. Поезд по обыкновению опоздал. В те дни не следовало допускать опозданий.

Чем ближе Анри подходил к реке, тем больше сгущался туман и усиливался холод. От воды тянуло сладковатым запахом гнили. Анри перешел по мосту на остров Сен-Луи и вдруг почувствовал в сознании тревожный звонок. В полуквартале от него, на улице Жана Беллэ, происходило что-то неладное. На углу переулка стояли двое в черной форме гестаповцев.

Не убыстряя шага, Анри зашел в подъезд дома, откуда мог хорошо видеть улицу. При первом же взгляде на происходящее он почувствовал такую слабость, что должен был прислониться к стене. Сомнений не оставалось: случилось самое ужасное. Случилось то, чего он давно и со страхом ожидал.

Сквозь пелену тумана он заметил солдат, столпившихся около подъезда, каждый кирпич которого был знаком ему с раннего детства, услышал отрывистые слова команды. Солдаты бросились в дом, и Анри отчетливо представил себе, что там творится. И он ничего не мог сделать. Предостерегающий крик, как ком, застрял в его горле. В бессильной ярости он стоял и ждал, пока не вернулись солдаты. Плотным кольцом они окружили четырех арестованных. Туман мешал ему разглядеть лица, но один из них опирался на костыли. Робер!..

Из переулка вынырнул и подкатил к дому полицейский фургон. Робер, видимо, двигался недостаточно быстро. Один из конвоиров ударил его, и он упал. В тишине послышался треск ломающегося костыля. Двое арестованных подхватили Робера, внесли его в фургон, и машина тут же сорвалась с места.

На тротуаре перед домом стояли трое в черном. Двое из них вскоре ушли, третий вернулся в дом.

Позднее Анри так и не мог вспомнить, как он перебрался через реку и оказался в галерее на набережной Сен-Мишель. Выражение лица отца и матери навсегда врезалось в его память. Вероятно, он сообщил им о случившемся, но, может, в этом не было необходимости, может, все отразилось на его лице. Они были как дети, когда он велел им закрыть галерею и пойти с ним. Ему пришлось три раза спросить у матери, где Аник, прежде чем она ответила, что девочка у Дювернуа с Марселлой. Оставив родителей у друзей, он отправился к Женэ. Раньше он никогда на это не решался, никто из них квартиру Женэ не посещал, но сейчас ему было все равно. Анри пробыл здесь, пока все не кончилось.

Если бы не Женэ, Анри сошел бы с ума или совершил какой-нибудь поступок, способный погубить всех. Именно Женэ узнал, где находится Робер. Дня два или три гестаповцы допрашивали его в отеле Батиньоль. Воспаленное воображение Анри подсказывало ему самые невероятные пути спасения брата, вплоть до применения силы, но однажды все надежды рухнули. Как-то ночью Робера перевели в гестапо на улицу Листьев. Именно Женэ высказал то, о чем они оба думали.

— Гестаповцы охотятся за мной,— сказал он.— Они хотят разгромить нашу организацию и постараются сделать это во что бы то ни стало. Ты должен приготовиться, Анри.

Анри закрыл лицо руками. В его возбужденном сознании промелькнули обрывки фраз, сказанных Робером, когда они стояли под падающим снегом в тени Собора Парижской богоматери: «Человек должен чем-то подтвердить свои убеждения... Только храбрые могут увлечь за собой других... В общем, сам-то я не очень буду о себе сожалеть...»

Анри положил голову на руки и разрыдался. Вероятно, в тот момент Женэ перенес на Анри часть своей любви к Роберу. С щемящей сердце жалостью, которую не мог и не хотел показывать, он взглянул на Анри. «Бедняга! Трудно поверить, что ему только восемнадцать... Люди сейчас быстро взрослеют».

В течение всего времени, когда они со дня на день ждали сообщения о смерти Робера, Женэ не отходил от Анри. Члены организации ни на минуту не прекращали поиски предателя. Даже самые незначительные сведения тщательно анализировались и взвешивались, почти все, кто проживал на острове Сен-Луи или имел тут дела, подвергались негласной проверке. Ничего определенного узнать не удалось, но, размышляя над собранными данными, Анри хотя бы ненадолго забывал о страшном доме на улице Листьев.

Анри сумел взять себя в руки и мужественно принял известие о смерти Робера. Но внутри у него словно что-то оборвалось и застыло. Женэ немедленно отправил Анри на юг, к партизанам, действовавшим в районе По. Теперь гестапо охотилось за юношей не менее усердно, чем за самим Женэ. В Париже появились объявления с его фотографией и обещанием крупной награды за его поимку. В багажнике служебной автомашины Анри был доставлен в маленькую деревушку в районе Бордо, откуда ему удалось благополучно перебраться через границу.

В течение трех лет Анри жил, как зверь, скрываясь в лесах. Временами, чтобы не умереть с голоду, он работал у фермеров — они шли на риск из-за нехватки рабочих рук.

Только в январе 1944 года Анри вернулся в Париж.

Некоторое время после смерти Робера квартира Магритов пустовала, но нельзя же без конца жить у чужих людей, хотя они и друзья. Свою роль сыграла и галерея. Мадам Магрит привезла мужа обратно на улицу Жана Беллэ. Целыми днями Магрит сидел неподвижно и молча, лишь изредка обращаясь к Аник. Никто их не беспокоил.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Женэ иногда думал, что, как только кончится война, Анри успокоится, однако сразу же после освобождения Парижа, едва начались поиски шпионов и предателей, он и вовсе превратился в какого-то одержимого. Правда, позже Женэ узнал, что именно тогда Анри пережил крушение своего романа, но не это явилось главной причиной, хотя и сыграло свою роль. Анри владела одна мысль: найти и наказать человека, предавшего брата. В течение всего времени, пока суды разбирали дела провокаторов и доносчиков, Анри изучал каждое из них со свирепой и страстной надеждой, что наконец-то справедливость восторжествует и предатель получит по заслугам, но всякий раз разочаровывался и впадал в отчаяние.

«Мне не следовало рассказывать ему о Скапини,— размышлял Женэ на обратном пути после беседы с Анри.— На его лице сразу отразилось... Э-э, да что там...» Женэ вздохнул и заставил себя не думать об Анри. Есть же какой-то предел, до которого можно помогать человеку, потом он должен помогать себе сам.

Женэ сказал Анри, что собирается поехать на службу, но в действительности он просто хотел отдохнуть в этот чудесный воскресный день. Однако уже на полпути к своей квартире на площади Тёрн у него мелькнула мысль, что, пожалуй, не мешало бы заехать в префектуру и узнать, чего добился сегодня его помощник Брассар. Разумеется, можно бы позвонить по телефону, но лучше поговорить с Брассаром лично.

В беседе с Анри Женэ лишь мельком упомянул о деле Скапини, в действительности же оно его очень интересовало. Каждый день этот преступник, выслуживаясь перед полицией, называл одну-две фамилии, словно внушая следователю, каким ценным человеком для них он может оказаться. Пока он называл только мелкую рыбешку: воришек, сутенеров, мелких осведомителей гестапо, но его показания могли в конце концов вывести и на более солидную публику.

Вот, например, он назвал Гофруа — владельца небольшого комиссионного магазина, торгующего в основном драгоценностями и старым серебром, но, безусловно, промышляющего скупкой краденого да к тому же, как утверждал Скапини, ростовщика. Хотя частные ломбарды были запрещены, Женэ знал, что заведения, подобные тому, которое содержал Гофруа, существуют под видом магазинчиков и лавок по продаже старья и подержанных вещей, а фактически занимаются всякого рода незаконными сделками, спекуляцией, перепродажей контрабанды, выдачей денег взаймы и под залог тем, кто предпочитает не появляться в приемных государственных ломбардов. Сегодня днем Гофруа был арестован; Брассар в течение нескольких часов производил обыск в его магазине, и Женэ вдруг понял, что не может ждать до утра.

Брассар разложил перед ним вещи: пачку толстых, переплетенных в парусину книг размером 20 на 35 сантиметров каждая — обычные бухгалтерские гроссбухи, какие ведутся на всех предприятиях, и открытую коробку с драгоценными вещами.

Женэ взял платиновое ожерелье с девятью бриллиантами и медленно выпустил его из рук.

— Вы установили, кому оно принадлежит?

— Да, как и другие вещи. Все это было украдено три дня назад у американки в гостинице «Георг V» и спрятано в письменном столе Гофруа, в ящике с двойным дном.

Женэ отодвинул коробку с драгоценностями. Они полностью уличали Гофруа в скупке краденого, но сейчас его интересовало другое. Он положил руку на пачку гроссбухов.

— А это?

Брассар самодовольно улыбнулся.

— Ну, тут нам повезло. Мне пришла в голову мысль простучать стены, и в одной из них я обнаружил потайной шкаф, где хранились эти гроссбухи. Гофруа действительно ссужает деньги и содержит самую настоящую ростовщическую контору. Именно путем подобных операций он и добывает большую часть вещей для продажи в своем магазинчике. Все скрупулезно занесено в книги. Можете взглянуть, если интересуетесь.

— Сейчас нет.

Тем не менее Женэ взял верхнюю книгу, раскрыл ее и стал бегло просматривать аккуратно заполненные страницы. Это был обыкновенный гроссбух, где в алфавитном порядке указывались имя и фамилия клиента, дата сделки, описание заложенной вещи, номер (очевидно, номер выданной квитанции) и сумма займа. Против некоторых записей стояли пометки о возвращении денег. В других случаях значилось, что заложенные вещи проданы в связи с просрочкой возвращения займа, причем здесь же, в отдельной колонке, указывалась сумма, вырученная за продажу.

— Странно,— заметил Женэ.— Гофруа брал со своих клиентов даже меньший процент, чем в государственных ломбардах.

— Я тоже обратил внимание. Очевидно, он подрабатывал на чем-то другом.

Женэ недоуменно перелистал книгу. Облокотившись на краешек стола, Брассар наблюдал за ним с выражением любопытства на круглом, добродушном лице. Кое-где на краях страниц виднелись сделанные карандашом пометки: «Официант из «Мулен руж», «Парикмахер из гостиницы «Ритц» и другие в том же роде.

Да, несомненно, у Гофруа были побочные источники наживы, но какие? Грабежи? Интересно. Сейчас, решил Женэ, он не будет заниматься этим типом, но обязательно займется позже.

Лежавший перед ним гроссбух содержал записи за текущий год. Женэ перевернул еще несколько страниц, потом отложил его в сторону и стал просматривать книги за предыдущие годы.

В гроссбухе, обозначенном 1944 годом, его внимание привлекло интересное обстоятельство. В верхней половине первой страницы под датой 11 января он увидел имя Луизы Альфан, а в конце записи, на самом краю страницы, почти незаметную пометку красным карандашом в виде крохотной многолучевой звездочки. Женэ вздрогнул, словно от удара. Он знал это имя и фамилию. Под ними скрывалась пресловутая Женевьева Маршан — страшная и, видимо, психически не совсем нормальная женщина, осужденная и казненная после войны одновременно с десятью другими провокаторами и предателями. Как выяснилось, она вела учет погубленных ею людей, делая пометки на стене под портретом мужа, гильотинированного в годы войны за зверское убийство. Таких пометок на стене оказалось двадцать семь — двадцать семь мужчин и женщин, всего за несколько месяцев выданных гестапо. Арестованная ничего не скрывала и даже открыто гордилась тем, что так успешно мстила обществу, сделавшему ее вдовой.

И вот ее фамилия оказалась в книгах Гофруа, отмеченная каким-то особым знаком! С возрастающим волнением Женэ принялся перелистывать страницы. Здесь были пометки и против других записей, причем некоторые фамилии он знал. Пометки начинались... да, да, он прав, они начинались летом 1940 года, велись в течение всего времени оккупации Парижа, но совершенно отсутствовали до рокового 14 июня — дня захвата Парижа вермахтом.

Глубоко задумавшись, продолжая держать палец на записи с пометкой в книге за 1940 год, Женэ перевел невидящий взгляд на Брассара.

— Мартино,— произнес он.— Скапини упоминал некоего Жана Мартино?

Брассар кивнул и выпрямился, чтобы дать отдых спине.

— Да. Это адвокат, лишенный права заниматься практикой.

— Мы должны поговорить с Мартино. Хотя нет, позвольте. Не называл ли Скапини фамилию бывшего детектива, когда-то работавшего в отделении уголовной полиции по борьбе с наркотиками?

— Да, он назвал некоего Вакулёра, который подозревался в систематической продаже наркотиков, но избежал наказания, поскольку не удалось собрать доказательств его вины.

Женэ открыл страницу на букву «В» и нашел фамилию Шарля Вакулёра с такой же пометкой красным карандашом. Он ничем не выдал своего волнения.

— Здесь есть и Вакулёр. Несомненно, найти его не составит труда. Дайте-ка мне список лиц, названных Скапини.

Вдвоем они старательно прошлись по списку, сверяясь с гроссбухом. Внезапно Брассар быстро защелкал языком; это означало, что его осенила какая-то догадка.

— Ловко! — воскликнул он.

Женэ, всецело углубившийся в какую-то запись, видимо, даже не слышал своего помощника.

— Сарьяк,— заметил он.— Антуан Сарьяк. Это, кажется, владелец ювелирного магазина на улице Сен-Оноре?

— Да. Шикарный и очень дорогой магазин.

— Но что он мог делать у ростовщика! У него же миллионное состояние! — Он снова посмотрел в книгу.— Да, Сарьяк Антуан, 3 сентября.

Против этой фамилии никакой записи не было, за исключением маленькой пометки красным карандашом.

— Правильно,— ответил Брассар,— но в то время, возможно, он не имел миллионов.

Женэ нетерпеливо пожал плечами и быстро просмотрел все записи страницы на букву «С». 4 января 1940 года Сарьяк заложил Гофруа кольцо стоимостью всего в 300 франков; в феврале — дешевую детскую чашечку из серебра, а в следующие месяцы — различные мелкие вещи. Против записи в июле на краю страницы было написано: «Продавец магазина Мартена на Королевской улице».

Ювелирный магазин Мартена слыл одним из лучших в Париже. Теперь можно было понять, что произошло: острая нехватка денег в течение нескольких месяцев, а может, и лет, затем... пометка красным карандашом в гроссбухе Гофруа, и вот теперь, после войны, собственный магазин на улице Сен-Оноре, по словам Брассара, шикарный и очень дорогой.

Женэ оттолкнул гроссбух. Французские патриоты знали, что в течение всей оккупации немцы содержали в Париже несколько пунктов для вербовки агентуры. Не был 'ли магазинчик Гофруа одним из них?

Женэ откинулся в кресле, задумчиво забарабанил пальцами по столу и уставился в окно, широко распахнутое навстречу слабым дуновениям ветерка, долетавшим с реки.

Все выглядело исключительно просто и «натурально», все было на виду и вместе с тем не бросалось в глаза. Где, как не в таком огромном городе, можно было легко найти людей — неудачников, отчаявшихся, опустившихся — для столь грязной работы, готовых на все? Это были ничем не примечательные официанты, продавцы, домашняя прислуга, мастера мужских и дамских парикмахерских; они многое видели и многое слышали и могли спокойно приходить в магазинчик Гофруа, не вызывая ни малейших подозрений. Гроссбухи были весьма остроумным изобретением — несколько пометок красным карандашом совершенно ничего не объясняли непосвященному.

Женэ взглянул на Брассара.

— А что говорит Гофруа?

— Его никто ни о чем не спрашивал. Я думал: вы захотите допросить его первый. А вообще-то он, по-моему, встревожен. Не мешало бы подольше подержать его в таком состоянии.

Женэ слегка улыбнулся.

— Ну хорошо, я сейчас займусь им.— Он пододвинул Брассару пачку гроссбухов.— Возьмите и сейчас же распорядитесь составить список фамилий, отмеченных красным карандашом.

Он поудобнее устроился в кресле и с нетерпением ждал появления арестованного.

Гофруа оказался низкорослым, приземистым, толстым человечком лет пятидесяти, с короткими ногами. Горбуном он не был, однако во всей его фигуре было что-то ненормальное. Смуглое лицо Гофруа покрывали многочисленные оспины. У него отобрали галстук и шнурки башмаков, что придавало ему довольно растрепанный вид и, вероятно, заставляло испытывать неловкость.

Получить признание Гофруа оказалось нелегким делом. Час за часом Женэ забрасывал арестованного вопросами, и час за часом тот отвечал одно и то же: «Не знаю... Никогда о нем не слышал... Не имею представления...»

Вскоре Женэ понял, что на Гофруа не производят никакого впечатления угрозы привлечь его к ответственности за скупку краденых вещей. Как только Женэ заговорил об этом, Гофруа охотно признал свою вину, подробно рассказал о своей связи со Скапини и другими ворами, называл фамилии и даты и даже сообщил подробности некоторых краж. Он то и дело бросал взгляды на стенографиста, словно хотел убедиться, что тот поспевает записывать его показания.

Время шло, и Женэ распорядился принести сандвичи и пиво. Арестованный по-прежнему стоял посредине комнаты, то обливаясь потом, то начиная дрожать от озноба.

Пробило двенадцать. В пустой префектуре давно стояла тишина. Затих и город.

Женэ отставил пустую тарелку и снова наполнил свой стакан пивом.

— Ну хорошо,— сказал он.— Этот вопрос совершенно ясен. Теперь давайте займемся другим делом.— Он взглянул на Брассара, дремавшего в углу.— Список готов?

Брассар проснулся.

— Список?

— Да. Список фамилий из книг с пометками против них.

Женэ, краешком глаза наблюдавший за Гофруа, заметил, как тот побледнел и стал шарить вокруг себя, словно искал какую-нибудь опору.

— Вы устали? — поинтересовался Женэ.

Гофруа что-то пробормотал.

— При просмотре ваших книг,— спокойно заговорил Женэ,— мы обнаружили, что против некоторых фамилий имеются пометки красным карандашом.— Он взял список у Брассара и заглянул в него.— Лебланк, Вуасин, Мари Дюпуа...

— Это фамилии клиентов,— хрипло ответил Гофруа.

— ...Мартино,— продолжал Женэ.— Кто он? А Дюшамп?

— Я не помню всех клиентов. Вы называете людей, которые закладывали у меня вещи.

— Но почему против некоторых фамилий сделаны пометки красным карандашом?

— Не помню. Прошло уже более десяти лет. Я не могу все помнить.

— Все — нет, но вот тут у вас упоминается фамилия Вакулёра. У нас служил детектив Вакулёр, уволенный по подозрению в продаже наркотиков. Это одно и то же лицо?

— Откуда я могу знать?

— Дальше, Антуан Сарьяк. Это владелец фешенебельного ювелирного магазина на улице Сен-Оноре?

— Да.

— Зачем он приходил к вам? У него же миллионное состояние.

— Было время, когда он не имел такого состояния,— повторил Гофруа то, что Брассар сказал раньше.

— Да, верно.— Женэ задумчиво посмотрел на Гофруа.— Послушайте: ведь в житейском опыте вам не откажешь. Неужели вы хотите нести ответственность за этих подонков, которые предадут вас при первой же возможности?

Как-то весь осунувшийся за последние минуты, Гофруа взглянул на него маленькими свиными глазками.

— Почему они должны предавать меня? Не понимаю, о чем вы говорите.

— С кем вы поддерживали связь в гестапо во время оккупации Парижа гитлеровцами? С Вагнером?

Гофруа облизал сухие губы.

— Никакой связи с гестапо я не поддерживал и о Вагнере никогда не слыхал.

— Может, со Шнейдером и с Кнопфом?

— Впервые слышу эти фамилии.

— А с Бергнером?

Женэ показалось, что Гофруа вот-вот упадет в обморок.

— Стул для Гофруа,— спокойно распорядился он.— Ему плохо.

Гофруа тяжело опустился на подставленный Брассаром стул.

— Так вы говорите, что знали Бергнера?

— Ничего подобного я не говорил!

— Не лгите, Гофруа.

— Я не знал его! Вы ничего не можете доказать.

— Вы вербовали агентуру для Бергнера.— Женэ снова заглянул в список.— Лебланк, Вуасин, Дюпуа, Мартино...

— Мартино — адвокат, защищавший Скапини.

— И лишенный права заниматься адвокатской практикой.

Гофруа пожал плечами.

— Он был моим клиентом, и больше я ничего о нем не знаю.

— Неужели вы думаете, что он будет молчать, когда узнает, что речь идет об его голове?

— А что он может сказать?

— Поживем — увидим.— Женэ снова обратился к списку: — Дюшамп, парикмахер, насколько мне известно, помощник мастера. По словам Скапини, он работал на немцев.

— Не знаю.

— Он был просто вашим клиентом?

— Да.

— Ну, а Сарьяк? На какие средства он приобрел магазин? В 1940 году он закладывал вам кольцо стоимостью всего в триста франков.

— Возможно, воровал у хозяина, у ювелира Мартена.

— Следовательно, вы все же помните Сарьяка?

— Но он же был моим клиентом.

— И крал вещи у ювелира Мартена.

— Я сказал: возможно...

— Он украл у Мартена и принес вам... Что? Кольцо? Браслет?

— Я не знал, что он крал эти вещи.

Женэ открыл гроссбух.

— Вот видите, в январе 1940 года Сарьяк заложил кольцо за триста франков, в феврале — серебряную детскую чашечку за четыреста пятьдесят франков, в марте — дамскую брошку за четыреста семьдесят пять, потом — разные мелкие вещи. Почему?

— Это меня не касалось.

— Что он заложил вам 3 сентября? У вас записана только дата и его фамилия и больше ничего.

— Видимо, он передумал.

— Но здесь же имеется маленькая пометка красным карандашом. Может, в этот день Сарьяк принес вам браслет, похищенный у Мартена? Именно в этот день он стал агентом гестапо?

Гофруа уставился в пол.

— Он принес не браслет,— проговорил он после паузы.

— Кольцо?

— Нет, бриллиантовую брошь.

— Да? Вы знали, что он ее украл?

— Догадывался. Он не мог обладать подобной брошью.

— И поэтому вы не сделали соответствующей записи в гроссбухе? Вы начали...

— Видите ли, не было никакой надобности записывать подобные вещи в книгу.

— Понятно. Вы решили его шантажировать.

— Я просто продал для него эту вещь. Камни я вынул и продал отдельно.

— Сомневаюсь. Вы, очевидно, оставили брошь у себя. Вы могли в любое время погубить Сарьяка, отправить его в тюрьму.

— Что вы! Я никогда не подводил клиентов! Зачем? Зачем рубить сук, на котором сидишь?

Гофруа обливался пóтом. Его взгляд, взгляд загнанного в западню животного, непрерывно бегал по комнате в поисках спасения. Женэ допил пиво и в раздумье посмотрел на Гофруа.

— Откуда у продавца ювелирного магазина появились деньги, достаточные для того, чтобы открыть собственное дело?

— Не знаю. Впрочем, за бриллианты удалось выручить крупную сумму.

— А другие вещи он приносил?

— Да, много раз.

— Видимо, мосье Мартен отличался крайней доверчивостью. Продавец его обманывал, а он никогда ничего не проверял и никогда ничего не замечал.

— Я ничего об этом не знаю и ничего сказать не могу. Если Сарьяк работал на немцев — это его дело. Ко мне это никакого отношения не имеет.
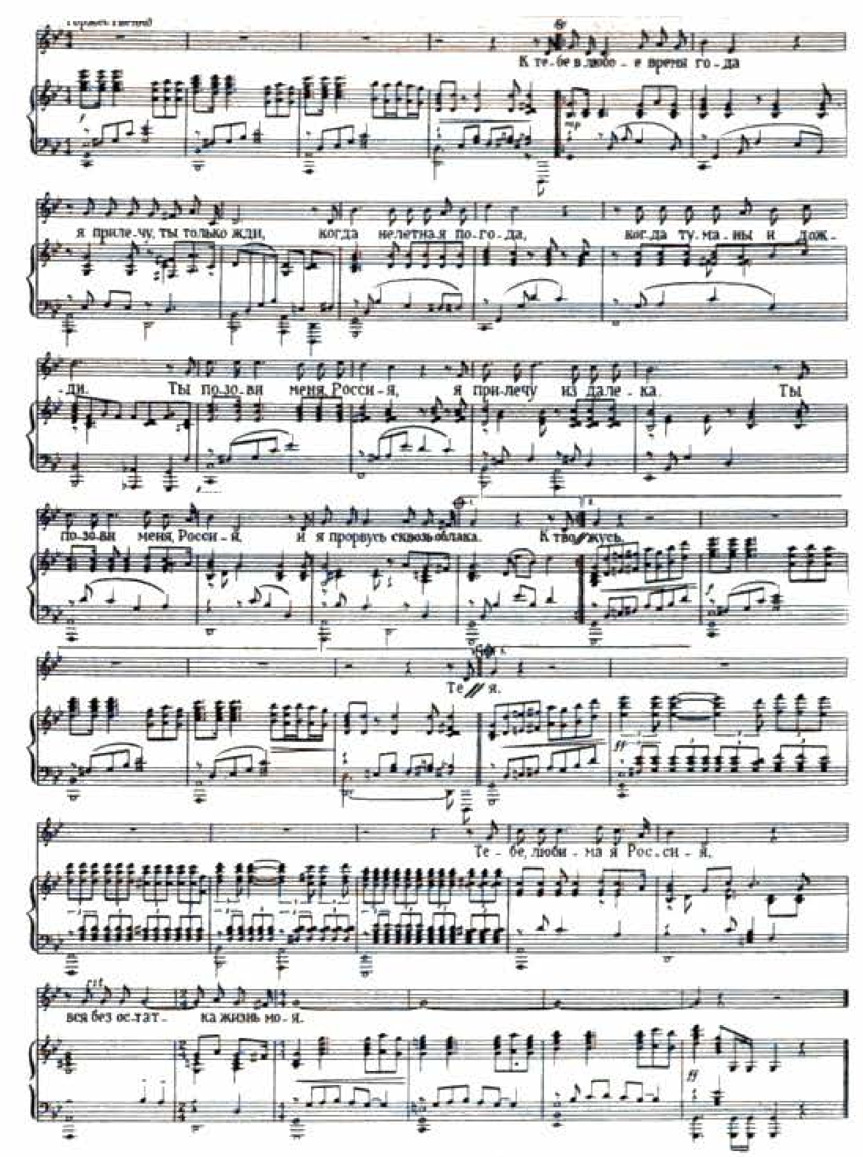
С этой позиции Женэ не мог его сбить. Всю ночь напролет, пока не забрезжил рассвет, Гофруа продолжал упрямо все отрицать.

Первым не выдержал Женэ. Он отвернулся от стола, заставленного пустыми тарелками и стаканами, чувствуя, что раздражение, как привкус желчи, стоит у него в горле.

— Ну что ж,— устало сказал он.— Отведите его.

Не поворачиваясь, он слышал, как у него за спиной прогромыхали тяжелые шаги и стукнула дверь. Из просыпающегося с теплым летним рассветом города доносились звуки первых машин, журчание воды на мостовой, разговор дворников. Женэ подошел к окну и посмотрел на реку. Усилием воли он заставил себя вернуться к действительности из этой кошмарной экскурсии в прошлое. Ему показалось, что комната все еще наполнена запахом пота ростовщика. Да, это было только начало, но он узнал многое. На очных ставках кто-нибудь из них заговорит — и тогда... Женэ вздохнул и потянулся за шляпой.

Продолжение следует.

ТЫ ПОЗОВИ МЕНЯ, РОССИЯ

Слова В. ХАРИТОНОВА. Музыка В. ЛЕВАШОВА.

К тебе в любое время года
Я прилечу, ты только жди,
Когда нелетная погода,
Когда туманы и дожди.

Ты позови меня, Россия,
Я прилечу издалека.
Ты позови меня, Россия,
И я прорвусь сквозь облака.

К твоим лугам, к твоим березам,
К твоим целебным родникам.
К твоим завьюженным морозам,
К твоим натруженным рукам.

Ты позови меня, Россия,
И я на зов твой отзовусь.
Тобой, любимая Россия,
Как верный сын, всегда горжусь.

Тебе, Россия, сердцем предан,
Доволен я своей звездой.
С тобою вместе шли к победам
И не склонились пред бедой.

Ты позови меня, Россия,
К тебе приду, где б ни был я.
Тебе, любимая Россия,
Вся без остатка жизнь моя.

НА ДОРОГАХ ПЯТИ РЕСПУБЛИК

Признайтесь: услыхав об автомобиле, сделанном конструктором-любителем, вы представляете себе некий самодвижущийся экипаж, чьи очертания и неуверенные движения выдают отнюдь не индустриальное происхождение машины.

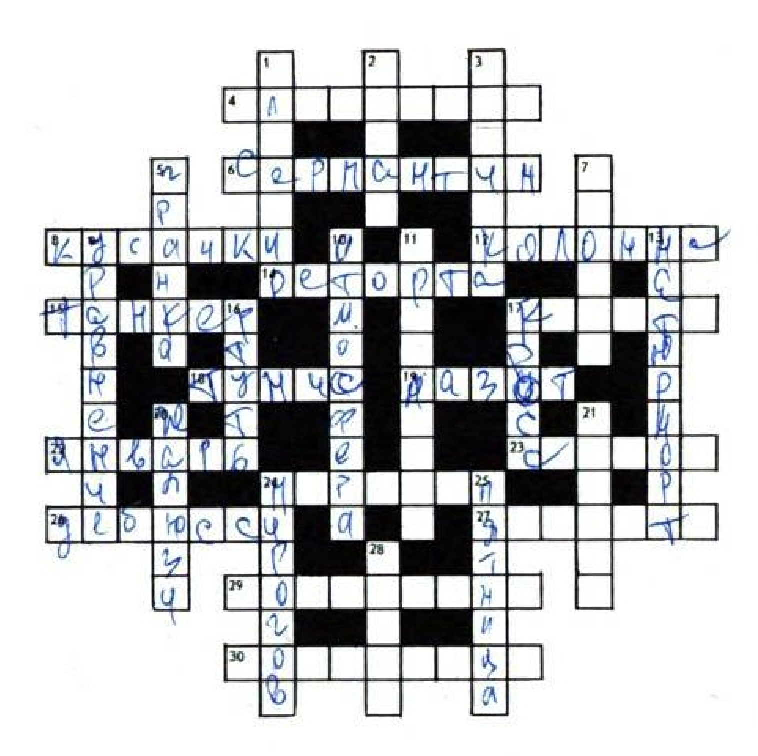
Было время, когда автомобили-самоделки выглядели на улицах гадкими утятами в потоке «Москвичей», «Запорожцев» и «Волг». Тогда для любителей, своими руками создающих оригинальные машины, самой «ответственной» деталью были номерные знаки, выдаваемые Госавтоинспекцией. Но самоделки все же добились права на существование, и теперь ежегодно к назначенному дню в Москву съезжаются десятки нестандартных машин с номерами многих городов страны. Здесь они стартуют в автопробеге, который уже восьмой год подряд проводит журнал «Техника — молодежи». По итогам автопробега-конкурса определяется лучшая из самоделок.

Минувшим летом у северного входа ВДНХ был дан старт новому стайерскому пробегу по прибалтийским республикам. 3 500-километровый «марафон» его участники посвятили 30-летию восстановления Советской власти в Литве, Латвии и Эстонии. Трудно представить себе более наглядную демонстрацию зрелости любительского автостроения, чем проезд через десятки городов и сел многоцветной колонны самых разнообразных автомашин. Тысячи людей собирались на центральных площадях столиц республик и не только для того, чтобы поглядеть. Многие приходили выбрать образец для своей, еще только задуманной машины. Автосалон «ТМ-70», как никогда, отразил то пристальное внимание конструкторов к эстетике машин, которое стало характерным в последнее время. Микролитражки Л. Дурнова и Ф. Хайнукова, тщательно сделанный автомобиль В. Попова, элегантный спортивный лимузин братьев А. и В. Щербининых (Москва), мини-автобус Г. Федорова (Ленинград), амфибия В. Трунова (Донецк) показали, что могут сотворить умелые руки в союзе с хорошим художественным вкусом.

Позади тысячи километров пути, теплые встречи на маршруте, улыбки, цветы. Впереди новые старты, новые маршруты.

И. АНДРЕЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Цветок. 6. Лента из цветной бумаги. 8. Щипцы. 12. Вертикальная опора здания. 14. Лабораторный сосуд. 15. Нефтеналивное судно. 17. Музыкальный интервал. 18. Государство в Африке. 19. Смазочное масло. 22. Месяц года. 23. Машина для обработки металла, дерева. 24. Роман О. Гончара. 26. Французский композитор. 27. Город в Японии. 29. Согласованное сочетание звуков. 30. Порт в Румынии.

По вертикали: 1. Тонкая ткань. 2. Рыба семейства окуневых. 3. Рассказ М. Горького. 5. Столбец типографского набора. 7. Литовский поэт. 9. Математическое равенство. 10. Газообразная оболочка Земли. 11. Шутливое выражение. 13. Живописный жанр. 16. Жидкий металл. 17. Состязания в беге. 20. Многостворчатые ставни. 21. Река в Крымской области. 24. Русский хирург. 25. Персонаж романа Дефо «Робинзон Крузо». 28. Женская одежда.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали: 4. «Воспитанница». 7. Венгрия. 8. Кривошип. 10. Тент. 12. Беранже. 13. Нереида. 14. Радуга. 17. Тахо. 18. Плащ. 19. Телеграмма. 20. «Саша». 22. Шуба. 24. Колумб. 26. Картина. 27. Аризона. 28. Лувр. 29. Розмарин. 30. Имандра. 31. Аксонометрия.

По вертикали: 1. Спринтер. 2. Паркет. 3. «Антигона». 5. Теберда. 6. Винница. 9. Аннотация. 11. Пропашник. 15. «Алеко». 16. Грамм. 21. Абрикос. 23. Брошюра. 24. Камертон. 25. Барометр. 28. Лондон.

На первой странице обложки: Советской Удмуртии 50 лет. Студенты Удмуртского государственного педагогического института.

Фото Л. Шерстенникова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 13/X-70 г. А 00482. Подп. к печ. 27/X-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2022. Тираж 2 100 000 экз. Заказ 2812.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ЛЫЖНИКИ ОБГОНЯЮТ ЗИМУ

Фото А. БОЧИННИНА.

Когда был сделан в Цесисе этот снимок, только лыжные шапочки, с которыми весь год не расстаются гонщики, говорили о том, что мы имеем дело не просто со стрелками, а со стрелками-лыжниками. В центре — два сильнейших биатлониста мира Р. Сафин и А. Ушаков.

В октябре снега нет еще ни в Цесисе, ни в Горьком, ни в Москве. Но лыжники там начали сезон, да притом так дружно, что нашему фотокорреспонденту пришлось воспользоваться услугами Аэрофлота, чтобы успеть с корабля биатлонистов на бал прыгунов. Почти в одни и те же дни на старт вышли и наши прославленные мастера биатлона и лучшие прыгуны.

«Но, позвольте, как же так? — может прервать этот репортаж какой-нибудь недоумевающий читатель.— Что же делали на цесисских холмах и на горьковском откосе рыцари зимы, если там еще зимой и не пахло?» Объяснение здесь простое. Биатлонисты заменили бег на лыжах обыкновенным кроссом, а ведь стрельба одна и та же, что летом, что зимой.

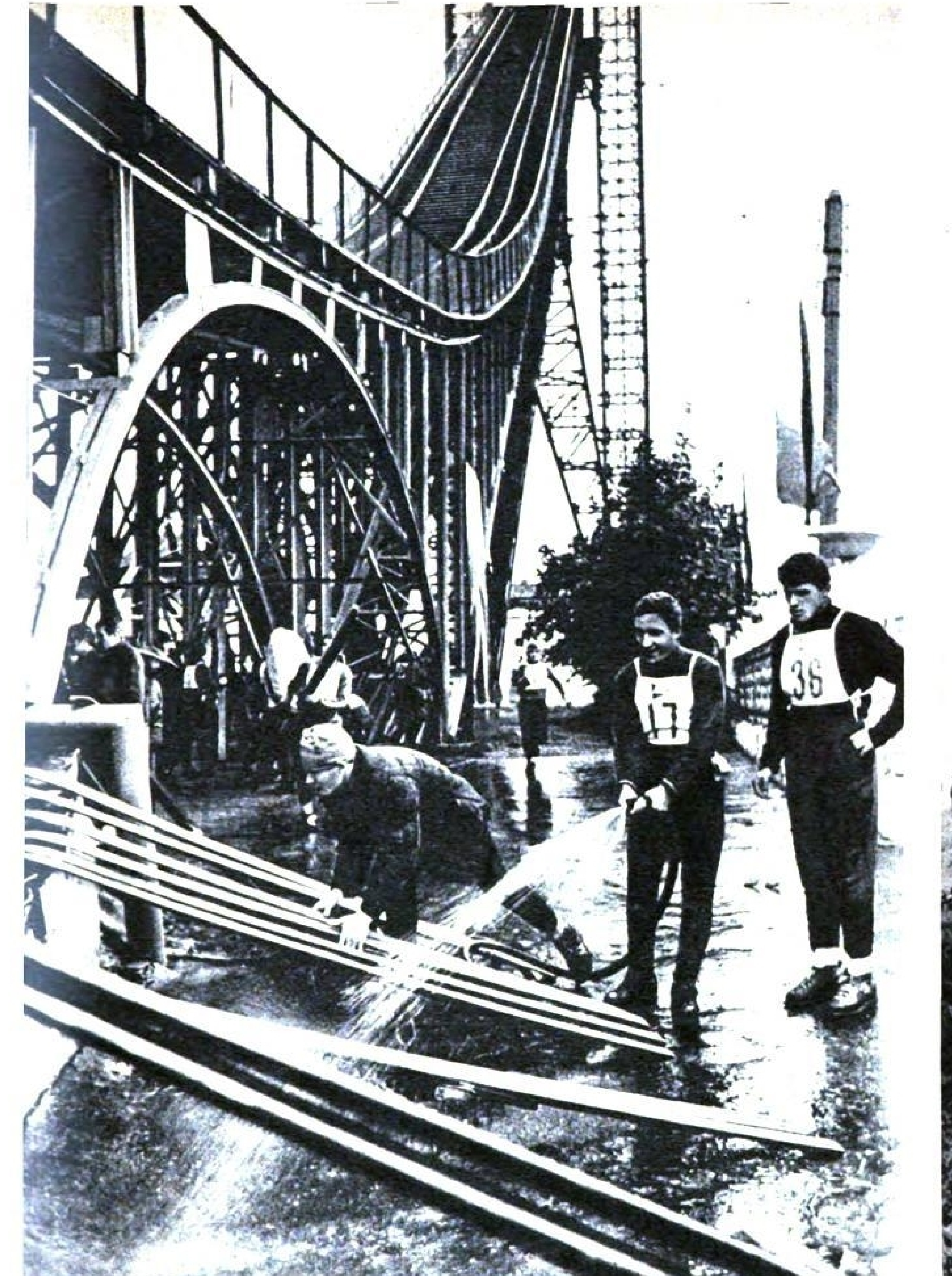
И надо сказать, что борьба мастеров лыжни и винтовки носила не менее азартный характер, чем в самый разгар зимнего сезона. Надо было обладать высоким мастерством, чтобы на пятнадцатикилометровой дистанции показывать высокую скорость и притом сохранять спокойное дыхание и меткость глаза для стрельбы на четырех рубежах.

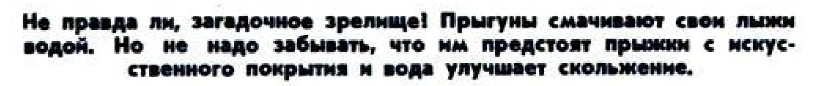
В Цесисе мы смогли познакомиться и с прославленными чемпионами мира, такими, как Ренат Сафин и Александр Ушаков, и с молодежью, которая этой зимой будет смело оспаривать победу у своих грозных соперников. Но в Цесисе это им не удалось. Лучший результат был у Сафина, пробежавшего пятнадцать километров за 59 минут 18 секунд и имевшего после стрельбы всего одну штрафную минуту.

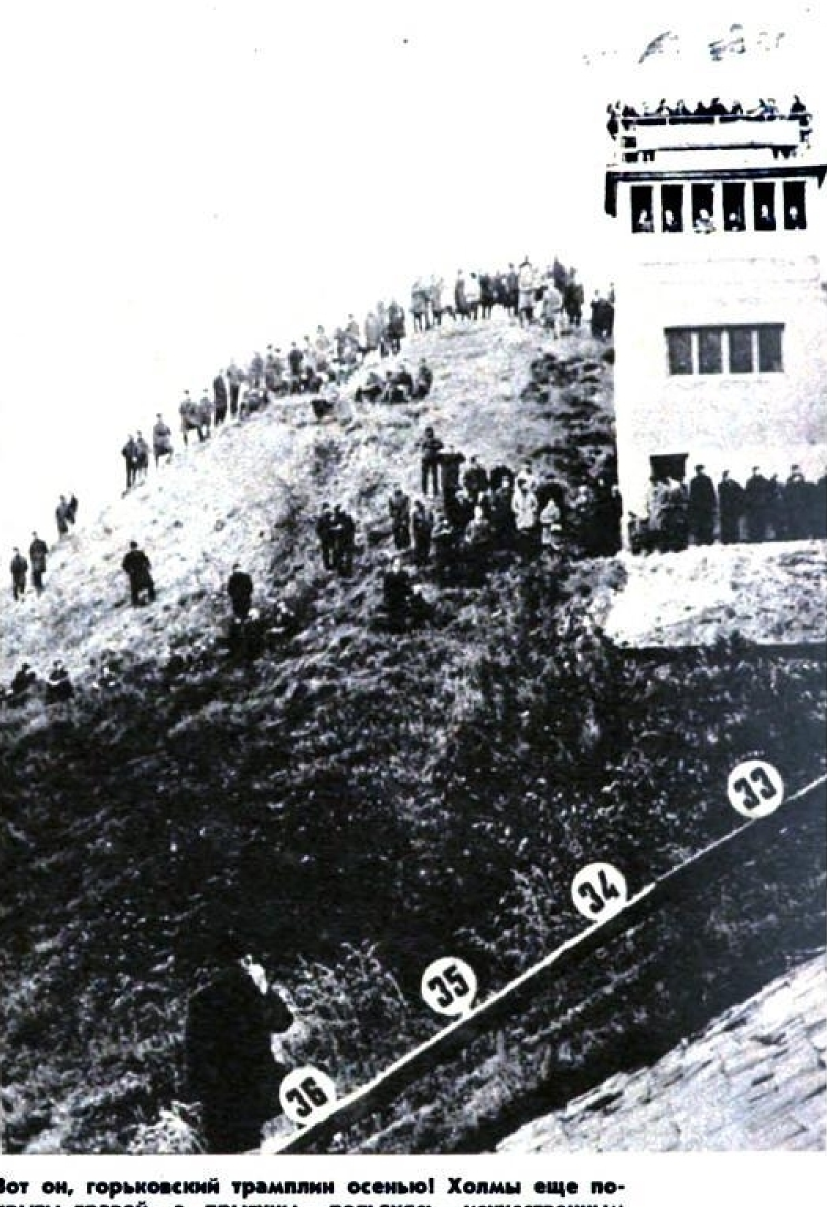
Готовятся к новому сезону и наши славные прыгуны, доставившие нам столько радостей на чемпионате мира 1970 года в Высоких Татрах. Теперь они встретились в Горьком. Там своих товарищей на правах хозяина принимал горьковчанин, дважды чемпион мира Гарий Напалков.

Прыгуны на лыжах уже несколько лет, пользуясь услугами химии, сделали свой любимый спорт, в сущности, внесезонным. Искусственное покрытие отлично заменило утрамбованный снег. Оно дает возможность совершать такие же далекие и красивые прыжки, как и зимой. Так было и на сей раз в Горьком. Хозяин трамплина Напалков не посчитался с классическими законами гостеприимства и обыграл всех гостей. Он совершил прыжки на 60,5 метра и 58,5 метра и победил с отличной суммой 221,9 балла.

Готовятся к зиме и лыжные гонщики. Они тренировались все лето и теперь шлифуют свою технику, пользуясь пока что имитационным бегом. Но скоро они начнут борьбу и на настоящей пушистой лыжне.

Не правда ли, загадочное зрелище! Прыгуны смачивают свои лыжи водой. Но не надо забывать, что им предстоят прыжки с искусственного покрытия и вода улучшает скольжение.

Вот он, горьковский трамплин осенью! Холмы еще покрыты травой, а прыгуны, пользуясь искусственным покрытием, совершают прыжок так же, как и в разгаре зимы.

Сильнейшие лыжницы страны имитируют лыжный бег. Слева направо: Алевтина Олюнина, Галина Кулакова, Нина Шебалина, Ингрид Мягер, Нина Федорова.

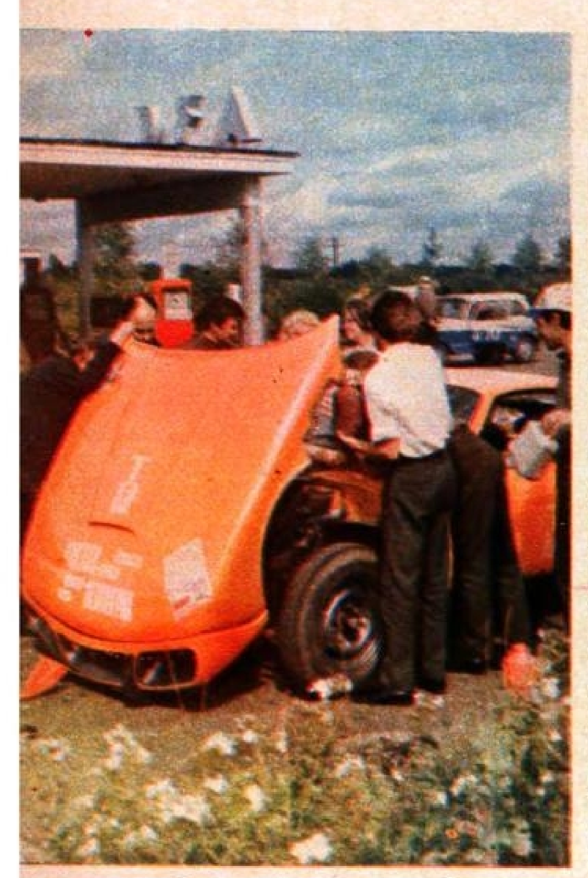

Плывет амфибия В. Трунова, главного призера автопробега.

В автопробеге проверялись не только ходовые ка
чества автомашин самодельной постройки. Э к и
п а ж и соревновались и в фигурном вождени

Внутренности автомобиля московских художников А. и В. Щербининых легко доступны взору и рукам.

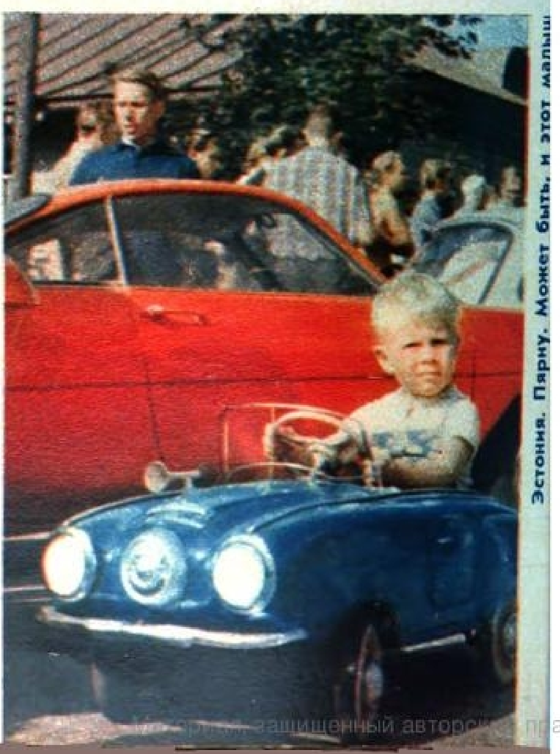

На Белорусском автомобильном заводе: самая маленькая машина из числа участвовавших в пробеге и экспериментальный 120-тонный самосвал.

Фото А. КУЛЕШОВА.

Подвела конструкция автомобиля! Нет, обычный прокол.

Эстония. Пярну. Может быть, и этот малыш